

СУММА ПСИХОАНАЛИЗА

Том IX

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном томе серии электронных книг «Сумма психоанализа» представлены статьи советских исследователей, опубликованные в 70 - 90 – х годах XX века.

Пользуясь благоприятной возможностью выражаю благодарность А.М.Боковикову, А.Е.Иванову, Ф.Ф.Ильясову и А.Н.Крылову за оказанное техническое содействие.

Виктор Овчаренко

СОДЕРЖАНИЕ

Добреньков В.И.	Неофрейдизм в поисках «истины» (иллюзии и заблуждения Эриха Фромма) (Фрагмент)	4
Ляликов Д.Н., Эпштейн М.Н.	Психоанализ	12
Шерозия А.Е.	Психика. Сознание. Бессознательное. К общей теории психологии (Фрагмент)	16
Ротенберг В.С.	Триумф бессознательного	19
Ротенберг В.С.	Читая Фрейда	31
Мамардашвили М.К.	О психоанализе	38
Рощин С.К.	Социально-политические концепции в психоанализе	56
Кон И.С.	Влечения и комплексы	63
Белкин А.И.	Зигмунд Фрейд: возрождение в СССР? (Фрагмент)	69
Бородай Ю.М.	Проблема совести в психоанализе	94
Ярошевский М.Г.	Зигмунд Фрейд – выдающийся исследователь психической жизни человека	108
Автономова Н.С.	К спорам о научности психоанализа	134

Зинченко В.П., Мамардашвили М.К.	Изучение высших психических функций и категория бессознательного	157
Лейбин В.М.	Репрессированный психоанализ: Фрейд, Троцкий, Сталин	167

**Неофрейдизм в поисках «истины»
(иллюзии и заблуждения Эриха Фромма)
(фрагмент)**

В. И. Добреньков

**ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ ОРИЕНТАЦИИ
ПСИХОАНАЛИЗА (ОТ ФРЕЙДА К ФРОММУ).**

1. У истоков социально-философских идей психоанализа

В истории буржуазной социально-философской мысли вряд ли можно найти более популярную, оказавшую сильное влияние на все сферы духовной жизни капиталистического общества теорию, какой является теория психоанализа австрийского психиатра З. Фрейда.

Психоанализ как определенное теоретическое направление возникает в первом десятилетии XX в. из потребностей медицинской практики. Представляя собой с самого начала лишь своеобразный метод лечения неврозов, применяемый в клинических условиях вместо гипноза, психоанализ в дальнейшем становится основанием для нового весьма специфического направления в психологии, а затем превращается в своеобразную социальную философию, претендующую на универсальность, всеобщность своей методологии в решении не только медико-психологических, но и социальных проблем.

С момента своего возникновения психоанализ прошел значительную эволюцию, главной особенностью которой явилось возрастание социально-философского аспекта. Под социально-философской ориентацией подразумевается возникновение и постепенное развитие в рамках психоанализа стремлений психоаналитиков использовать свою методологию в изучении и объяснении сущности социальных явлений.

При рассмотрении эволюции социально-философских идей в рамках психоанализа представляется целесообразным выделить в истории психоанализа два этапа: биопсихологический, в рамках которого возникает собственно социологическая концепция З. Фрейда, и антропологически-психологический, в рамках которого возникает социально-философская концепция Э. Фромма.

Фрейд, создавая свою теорию происхождения невроза и соответствующую технику лечения, рано или поздно, но обязательно должен был выйти за пределы чисто медицинских интересов, поскольку он в анализе причин возникновения нервного заболевания с самого начала обращает внимание на роль и значение моральных, социальных факторов, хотя сферу их действия ограничивает рамками семьи. Изучая причины и характер симптомов истерических заболеваний, Фрейд делает заключение о том, что патологические феномены возникают на основе процесса вытеснения из

сферы сознания в подсознательную сферу эмоций, влечений или реакций, которые нежелательны или неприятны сознательному человеческому Я. Изучение различных невротических заболеваний привело Фрейда к рассмотрению социальных условий человеческого существования как главных препятствий на пути к психическому здоровью человека. Проблему происхождения невроза он постепенно свел к конфликту между природными инстинктами человека и обществом. Первым экскурсом в социологическую область явилась статья «“Цивилизованная” половая мораль и современная нервозность», изданная в 1908 г., в которой он излагает свой взгляд на взаимоотношение человеческих инстинктов и общества. Фрейд утверждает, что сексуальные и агрессивные импульсы человека, присущие ему от природы, всегда действуют вопреки социальной необходимости и противоречат моральным требованиям и ценностям любого общества. Главной причиной происхождения и прогрессирования невротических заболеваний, полагает Фрейд, является чрезмерное подавление и ограничение общественной моралью сексуальных инстинктов. Именно эта статья знаменует собой зарождение в рамках психоаналитической теории Фрейда своеобразной социологической тенденции.

Фрейдовская теория носит ярко выраженный биопсихологический, инстинктивистский характер. С помощью теории неизменных биологических врожденных инстинктов, а также гипотезы о вечной непримиримой борьбе между жизнью и смертью в каждом организме Фрейд пытался найти источник психической деятельности человека. В его представлении психическое биологично по своей природе и совершенно не зависит от внешнего мира, от социальной действительности. Считая, что структура инстинктов является детерминантой человеческого поведения, Фрейд полностью отрицал возможность влияния окружающей среды на изменение психической структуры человека. Современные теоретические и эмпирические психологические исследования человеческого поведения с достоверностью показывают, что метафизическая в своей основе теория инстинктов, на которой покоится психоанализ, является чистой мистификацией.

Если с помощью теории инстинктов Фрейд пытается вскрыть причины психической деятельности человека, то с помощью «теории вытеснения» он пытается объяснить динамику человеческого поведения. По Фрейду, человек в силу строгой необходимости самосохранения в условиях общественного существования вынужден подавлять свои инстинкты и направлять их энергию по социально приемлемым каналам. «Наша цивилизация, — пишет он, — основана на подавлении инстинктов»¹, психическая энергия которых отводится от первоначальной сексуальной цели и перераспределяется на различные социально полезные нужды. «Именно благодаря этому, — считает он, — накапливается и создается общий фонд материального и идеального

¹ Freud S. «Civilized» Sexual Morality and Modern Nervousness. — «Sexuality and the Psychology of Love». New York, 1963, p. 25 (Freud S. The Future of an Illusion. New York, 1964, p. 11; Freud S. Civilization and Its Discontents. New York, 1962, p. 44, 51).

богатства цивилизации»¹. Способность человека под воздействием общественных требований переключать сексуальные побуждения на другие пути Фрейд называет сублимацией. «Сублимация инстинктов является, — пишет он, — наиболее бросающейся в глаза чертой культурного развития; именно благодаря ей становится возможной высшая психическая деятельность, научная, художественная или идеологическая, именно она играет очень существенную роль в культурной жизни»². Степень сублимации определяется возможностью того или иного индивида, которая в свою очередь зависит от силы его сексуального инстинкта. В том случае, когда требования цивилизации превышают по своей силе способность индивида к сублимации, тогда, считает Фрейд, появляются преступники или невротики. По Фрейду, в обществе перед человеком под напором сильных инстинктов, которые требуют своей реализации, открываются три возможности. Если его внутренние побуждения получают беспрепятственный выход, то он превратится в преступника, если они будут вытеснены, то он станет невротиком, и, наконец, если они будут сублимированы в социально полезную деятельность, он сможет без всяких трений жить в данном обществе. Чтобы устранить первые две «возможности», которые вносят определенную дисгармонию в социальную жизнь, необходимы, по мнению Фрейда, терапевтические меры двоякого рода: во-первых, каким-то образом заставить общество понизить требования, предъявляемые к индивиду, и тем самым ослабить слишком сильный процесс вытеснения инстинктов, во-вторых, усилить власть человеческого сознания в борьбе с инстинктами и посредством усиления рационального контроля увеличить способность индивида к сублимации. Единственно приемлемое решение в конфликте между биологической человеческой природой и обществом Фрейд видел в отыскании способа наиболее оптимальной адаптации индивида к социальным требованиям. Он был убежден, что все качественное многообразие человеческого поведения сводится к особенностям и характеру процесса вытеснения инстинктов, к различным видам конфликтов между биологическим началом в человеке и социальной средой.

Описанные Фрейдом конфликты социального и биологического, которые происходят на бессознательном уровне, на самом деле не отражают сложных, а главное реальных, взаимоотношений внешних и внутренних факторов, определяющих психическую деятельность человека, не вскрывают действительных движущих сил его поведения. Неизменяемой системе внешних условий общества у Фрейда противостоит статичная система внутреннего мира человека в форме неизменяемых инстинктов. Взаимодействие между внешним и внутренним оказывается тоже статичным. Конфликт между человеческой природой и обществом, по Фрейду, представляет собой не диалектическое единство и взаимопроникновение противоположностей, а лишь сопоставление сторон, не зависящих друг от

¹ Freud S. Sexuality and the Psychology of Love, p. 25.

² Freud S. Civilization and Its Discontents, p. 44.

друга. Внешние социальные условия человеческого существования, согласно Фрейду, не определяют психическую деятельность, а только препятствуют ее проявлению, тормозят реализацию инстинктивных влечений. Подобная социально-психологическая интерпретация взаимоотношения человеческой природы с обществом приводит Фрейда к дилемме, которую он никак не может решить: с одной стороны, ограничение и отказ от инстинктов выступает для него как одно из необходимых условий существования общества, цивилизации вообще, с другой — беспрепятственное и полное их удовлетворение рассматривается им как необходимое условие психического здоровья человека.

Общество, по мнению Фрейда, является продуктом трех независимых переменных: 1) необходимости (ананке), исходящей от природы; 2) дуалистической пары инстинктов: любви и смерти (эрос и танатос); 3) различных институтов и идеалов, представляющих собой социальную среду, общество. Развитие цивилизации определяется взаимодействием этих трех переменных. Общество Фрейд считает глубоко трагичным феноменом, так как оно неустойчиво, ненадежно, потому что синтезирование и примирение этих трех компонентов не только никогда не завершается, но и вообще в принципе невозможно. Несмотря на то что общество стремится извлечь пользу из инстинктивных побуждений человека с целью сохранения и упрочения социальной жизни, все, что оно может сделать, — это лишь установить сомнительное равновесие, которому всегда грозит опасность со стороны необузданных инстинктов человека. Фрейд неоднократно обращает внимание на внутренние противоречия, присущие обществу, и не раз подчеркивает их неустранимость¹. «Процесс культуры, — пишет он, — является делом эроса, который стремится объединить отдельных индивидов, затем семьи, затем племена, расы и нации в один большой союз — в человечество. Почему это должно быть так, мы не знаем. Это просто работа эроса. Эти массы людей должны быть объединены при помощи либидо. Сама по себе одна необходимость и преимущества совместного труда не могут удержать людей вместе.

Природный инстинкт агрессивности, заложенный в человеке, враждебность каждого против всех и всех против каждого противоречит программе цивилизации. Этот инстинкт является главным представителем и производным инстинкта смерти, который мы находим рядом с эросом. Оба они правят миром»². Существование различных социальных систем, по Фрейду, наглядно отражает эту «конфликтную амбивалентность, вечную борьбу между эросом и инстинктом разрушения»³. В связи с этим американский психолог Н. Браун совершенно справедливо отмечает, что в понимании Фрейда «история делается не нашими сознательными намерениями, не хитростью разума, а хитростью влечения»⁴.

¹ Freud S. Civilization and Its Discontents, p. 62.

² Там же, с. 69.

³ Там же, с. 80.

⁴ Brown N. O. Life Against Death. New York, 1959, p. 16.

Социальная жизнь, по Фрейду, это беспрестанная, никогда не умолкающая борьба между инстинктами и моралью, биологическими потребностями индивида и требованиями той группы, общества, к которым он принадлежит. Общество, полагает он, не имеет какой-либо реальной основы в природе человека. Отсюда парадоксальный в своей абсурдности вывод — человек не создан для общества, но в то же время он в нем нуждается. Идеалом Фрейда является общество, в котором отсутствует какое-либо принуждение по отношению к индивиду и предоставляется свободный простор для удовлетворения и реализации его инстинктов. Но поскольку последнее невозможно, так как инстинкты по своей природе являются антагонистичными обществу, постольку, считает он, основанием любого реально существующего общества вполне закономерно являются насилие и принуждение.

Каждого индивида Фрейд рассматривает как потенциального врага общества не только потому, что он несет в себе деструктивные желания, но и потому, что подавляющее большинство людей в его представлении ленивы, неразумны и не приспособлены для того, чтобы жить совместно. Общество, согласно Фрейду, утверждает себя, постоянно преодолевая сопротивление и инертность масс, и задача его заключается не только в том, чтобы подавить деструктивные влечения, но и в том, чтобы заставить людей примириться с теми ограничениями и жертвами, которые оно требует от них, предлагая взамен всевозможные компенсации. Последние составляют своеобразный «психический инвентарь культуры», который включает в себя мораль, искусство, религию, политику. В силу того что человеческие инстинкты — либидо и агрессия рассматриваются Фрейдом как антисоциальные по своей сущности, он отводит обществу чисто негативную, дисциплинарную роль в развитии человека. Влияние общества на человека исчерпывается практически большей или меньшей степенью подавления его инстинктов. Общество, по его мнению, обеспечивает специфический контроль над инстинктами для того, чтобы сделать возможным существование социальных человеческих отношений. Оно возникает из потребности обуздать непокорные сексуальные и агрессивные желания человека, сдержать и очистить его инстинктивные импульсы.

Фрейдовская теория человеческого существования, человеческой природы близка к концепциям Макиавелли, Шопенгауэра. Человеческой сущности чуждо какое-либо доброе начало, поэтому зло, разрушительная тенденция господствуют в мире. По мнению Фрейда, в человеке никогда не было и нет никаких гуманных чувств, побуждений и только страх перед насилием сдерживает и обуздывает антисоциальную человеческую природу.

Так же пессимистична точка зрения Фрейда на перспективы развития цивилизации. Он считает, что по мере развития цивилизации необходимость в вытеснении инстинктов становится все большей и большей и история, в конце концов, неизбежно превращается во всеобщий невроз. Успехи, которые делает общество в своем развитии, достаются ему дорогой ценой, ценой постепенного возрастания у человека чувства неудовлетворенности,

которое, по его мнению, пропитывает всю историю цивилизации. Выражаясь фрейдовским языком, «ценой прогресса цивилизации... является увеличение чувства вины»¹.

Считая, что у человека нет никакой надежды на изменение существующего положения вещей, Фрейд советует подчиниться неизбежному. Необходимо мужественно принимать жизнь такой, какая она есть, — вот вывод, к которому он приходит. С точки зрения Фрейда, мир, в котором мы живем, является лучшим из миров только потому, что он единственно возможный мир. Будущее — иллюзия, поэтому все жизненные идеалы и вера в прогресс человечества являются тоже иллюзорными. Единственная цель жизни, согласно Фрейду, это сам процесс существования, то есть вечная борьба за выживание. Этот пессимизм Фрейда органически вытекает из его психоаналитической теории происхождения и развития цивилизации.

Фрейд экстраполирует выводы, полученные на основе анализа поведения отдельного больного индивида, на группы людей, нации, народы. Снимая качественное различие между нормой и патологией, он считает, что здоровый человек отличается от невротика только тем, что имеет социально полезную форму невроза. В его представлении невротические явления носят не случайный характер, а всеобщий, универсальный, присущий всем людям без исключения в любые времена. Отсюда его уверенность в том, что можно «рассматривать народы подобно тому, как мы рассматриваем отдельного невротика»². Выводы, полученные им из анализа индивидуального поведения, он использует для характеристики социальных явлений, для истолкования законов исторического развития. В результате универсализации патологического феномена фрейдовская интерпретация истории выглядит как прогрессирующий невроз всего человечества.

Историю общественного развития Фрейд рассматривает через призму своей психоаналитической теории. Доктрина универсального невроза всего человечества является своеобразным психоаналитическим аналогом теологической доктрины первородного греха. Философской основой, на которой возникла фрейдовская психоаналитическая теория, и в частности его социология, являются идеалистические принципы философии Платона, Канта, Гартмана, Шопенгауэра, Ницше, Бергсона. Хотя сам Фрейд не считал себя приверженцем какой-то одной философской доктрины, тем не менее его внимание притягивали те философские системы, которые выражали откровенный иррационализм. У Э. Гартмана и А. Бергсона он заимствует идею бессознательного. Ницше и Шопенгауэр привлекали его тем, что постоянно подчеркивали значение бессознательных эмоций и сексуальности в определении различных сторон человеческой жизни. Неоднократно в ряде произведений он признает влияние их идей на свое творчество. Так, например, в работе «Основные психологические теории в психоанализе» Фрейд писал: «Можно указать на знаменитых философов как на

¹ Freud S. Civilization and Its Discontents, p. 81.

² Freud S. Moses and Monotheism. New York, 1939, p. 129.

предшественников, прежде всего великого мыслителя Шопенгауэра, бессознательную «волю» которого в психоанализе можно отождествить с душевными влечениями»¹. Понятно, почему в психоаналитической теории Фрейда не нашлось места для разума. Главная роль в многообразной психической деятельности человека отводится бессознательным, биологически детерминированным инстинктам. Разум выступает лишь как сопутствующий им элемент. Идеализм и метафизика — вот тот философский фундамент, на котором возвышается громоздкое здание психоаналитических конструкций.

Фрейдизм в социально-историческом плане выражал настроения страха и отчаяния мелкобуржуазных слоев конца XIX в. Исследуя психические расстройства мелкого и среднего буржуа австрийской столицы и придя к выводу, что причиной большинства из них являются чрезмерные ограничения моралью естественных сексуальных влечений человека, он придал частным случаям характер всеобщности и построил на этой основе претенциозную теорию универсальной человеческой природы. Фрейд правильно констатировал связь многих изученных им неврозов с конфликтом в сознании между сексуальными стремлениями человека и моральными требованиями общества. Но он был не прав, распространив черты, наблюдаемые в одном определенном обществе, и притом у части населения, на все прошлое и будущее человечества.

По мере того как психоаналитическая теория наряду с клинической терапевтической областью своего применения все более и более использовалась Фрейдом при изучении социальных проблем, она стала выступать в роли определенного метода в объяснении различных явлений общественной жизни. Фрейд твердо был уверен в том, что, не касаясь сущности психоанализа, его можно применять с таким же успехом и к истории культуры, к науке о религии и к мифологии, как и к учению о неврозах². Социологическая концепция Фрейда это не просто побочный продукт психоаналитической теории; это логическое завершение внутреннего развития, неотъемлемая составная часть этой теории. Биологизм, пансексуализм, гипертрофизация роли бессознательного, метафизика, антиисторизм, пессимизм составили основу фрейдовской социальной философии в целом.

Социально-политические выводы, которые вытекают из фрейдовской социальной философии, носят реакционный характер и не раз использовались и используются буржуазными идеологами для доказательства неустранимости и оправдания социальной несправедливости, конфликтов, преступлений, войн, для доказательства невозможности установления справедливых человеческих отношений. Сведение всей социальной жизни человека к психически бессознательным процессам, к

¹ Цит. по кн.: *Курицин И. Т.* Критика фрейдизма в медицине и физиологии. М.—Л., 1965, с. 22.

² См. *Фрейд З.* Лекции по введению в психоанализ, т. 2. М.—Пг., 1922, с. 177.

внутренним конфликтным ситуациям сексуального характера по мере развития наук оказывалось все более и более несостоятельным. Именно в социологической концепции Фрейда наиболее ярко обнаружилась порочность исходных методологических принципов его теории, с которых и началась радикальная критика ортодоксального фрейдизма по всем направлениям.

2. Возникновение неопрейдизма

Противоречие различных положений фрейдовской теории с достижениями экспериментальной психологии, антропологии и социологии послужило толчком к возникновению в 30-х годах неопрейдистского направления в психоанализе, для представителей которого (Э. Фромм, А. Карднер, К. Хорни и Г. Салливен) характерен повышенный интерес к социально-философской проблематике. Именно с возникновением так называемой культурной школы в психоанализе начинается второй этап в развитии социально-философской ориентации психоанализа. Для этого этапа характерен резкий переход от биопсихологизма в трактовке человеческого поведения к своеобразному социологизму и антропологическому психологизму.

Неопрейдисты отвергают фрейдовскую теорию агрессивных и сексуальных инстинктов и критически переоценивают другие положения классического психоанализа. Для неопрейдистов характерно убеждение в том, что сущность человеческого поведения нельзя объяснить только универсальной биологической природой человека, для этого необходим анализ социальных факторов и исследование их влияния на процесс становления личности.

Из всех представителей неопрейдистской школы наиболее крупной и колоритной фигурой является Эрих Фромм. Он первый из них указал на неспособность ортодоксального фрейдизма решить проблему взаимодействия личности и общества. Социологическая направленность его научных интересов оказала большое влияние на К. Хорни, вместе с которой они, еще будучи в Германии, пересматривают идеи Фрейда. Начав свою аналитическую практику в Европе в качестве ортодоксальных фрейдистов, они вскоре после эмиграции в 30-х годах в США формируют там новое направление в психоанализе, к которому в 1934 г. присоединился американский психиатр Г. Салливен.

Одной из причин возникновения неопрейдизма, несомненно, явился сам процесс постепенного приспособления фрейдизма к потребностям американского пациента 30-х годов. Неопрейдизм стал ярчайшим выражением американизации классического психоанализа, его модификации в условиях американской действительности.

*Добреньков В. И. Неопрейдизм в поисках «истины»
(иллюзии и заблуждения Эриха Фромма).
М., 1974, с. 9–19*

Психоанализ

Д. Н. Ляликов, М. Н. Эпштейн

ПСИХОАНАЛИЗ (от *психо...* и *анализ*), метод психотерапии и психологич. учение, ставящее в центр внимания бессознательные психич. процессы и мотивации. Был разработан в кон. 19 — нач. 20 вв. австр. врачом З. Фрейдом. От П. как конкретной теории и метода психотерапии следует отличать *фрейдизм*, возводящий положения П. в ранг философско-антропологич. принципов. Отд. положения П. можно обнаружить у Ж. Шарко и П. Жане (психологич. теория неврозов); еще в 1882 венский психиатр И. Брэйер показал, что можно достигнуть излечения тяжелой формы истерии, если с помощью гипноза заставить пациента вспомнить и «отреагировать» забытую им травматич. ситуацию, послужившую источником невроза. Позднее Фрейд заменил гипноз методом свободных ассоциаций, к-рый и лег в основу техники П. Было обнаружено, что травматич. события, аффективные переживания, неисполнившиеся желания и т.п. не исчезают из психики, а подвергаются *вытеснению* — активному удалению из сознания в сферу *бессознательного*, где продолжают активно воздействовать на психич. жизнь, проявляясь часто в замаскированной, «зашифрованной» форме в виде невротич. симптомов. Последние рассматриваются в П. как компромиссные психич. образования, возникшие в результате столкновения вытесненных влечений с противостоящей им внутр. «цензурой», представляющей собой механизм защиты сознательного «Я» против опасных влечений и импульсов. Такого же рода компромиссные образования П. усмотрел в сновидениях, ошибочных действиях (оговорках, описках и т.д.), остротах. Эти наблюдения вывели П. за пределы собственно психиатрии и позволили установить связь между нормальными и патологич. явлениями психики: в тех и других П. обнаружил общие психич. механизмы символизации, замещения, конденсации и пр.

С точки зрения П. каждое психич. явление должно быть раскрыто в трех аспектах — динамическом (как результат взаимодействия и столкновения различных психич. сил), энергетическом (распределение связанной и свободной энергии, вовлеченной в тот или иной процесс; по аналогии с физич. энергией П. вводит понятие о квантуме психич. энергии, ее «зарядах» — катексисах, способах ее распределения и перемещения и т.п.) и структурном. На первом этапе развития П. (кон. 90-х — нач. 900-х гг.) было разработано учение о различных формах и проявлениях психич. энергии с акцентом на сексуальных влечениях (*либидо*). Учение о психич. структуре возникло в П. позднее (З. Фрейд, «Я» и «Оно», 1921). Наиболее архаическая, безличная, всецело бессознательная часть психич. аппарата получила наименование «Оно». Это резервуар психич. энергии, «кипящий котел» влечений, стремящихся к немедленному удовлетворению. Эта часть психики связана с соматич. областью, служащей для нее источником энергии

влечений. Она лишена контактов с внешним миром и не знает различия между внеш. реальностью и субъективной сферой. Вторая психич. структура — сознательное «Я» формируется как «оттиск» внеш. реальности на начальной массе влечений и импульсов. Среди факторов формирования «Я» особую роль П. придает *идентификации*. «Я» — посредник между внеш. миром и «Оно», влечением и удовлетворением. «Я» руководствуется не принципом удовлетворения, а требованиями реальности, сдерживает иррациональные импульсы «Оно» с помощью различных защитных механизмов, основанных на вытеснении. К ним относятся *проекция*; реактивное образование, построенное на *амбивалентности* влечений, при котором к.-л. влечение заменяется в сознании на противоположное, сохраняя в бессознательном свой первоначальный характер (бессознательная любовь проявляется как сознательная ненависть, жестокость — как чрезмерная доброта и т.п.); инверсия — влечение, направленное первоначально на внеш. объект, под действием страха обращается человеком на самого себя. Третья психич. структура — «Сверх-Я» формируется в результате *интроекции* социальных норм, воспитательных запретов и поощрений и выступает как источник моральных установок индивида. «Сверх-Я» функционирует большей частью бессознательно, проявляясь в сознании как совесть; вызываемые им напряжения в психич. структуре воспринимаются как чувства страха, вины, депрессии, неполноценности и т.п. После формирования «Сверх-Я» весь психич. аппарат начинает функционировать как целое.

Распространение П. в Европе началось после создания в 1908 Междунар. психоаналитич. ассоциации (с 1912 издавался журн. «Imago», с 1913 — «Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse») и особенно интенсивно шло после 1-й мировой войны 1914–18. В 1920 был открыт Психоаналитич. ин-т в Берлине, начавший выпускать проф. врачей-аналитиков. С приходом к власти фашизма в 1933 П. подвергается запрету в Германии, с 1938 — в Австрии. С этого времени начинается быстрое развитие П. в Великобритании и особенно в США, куда эмигрировало большинство психоаналитиков из Европы. На США, где организовано св. 20 учебных и исследоват. ин-тов П., приходится ок. $\frac{3}{4}$ всей публикуемой лит-ры по П.

П. послужил отправным пунктом для развития многообразных течений *глубинной психологии*. Внутр. противоречия концепции П. у Фрейда и его последователей привели к появлению новых школ и направлений — *индивидуальной психологии* А. Адлера, аналитич. психологии К. Г. Юнга и др. В противовес односторонней ориентации на бессознательные процессы получила разработку т. н. эгопсихология (Х. Гартман и др.), утверждающая относит. автономию сознательного «Я». После 2-й мировой войны 1939–45 развитие П. в Европе проходило в значит. мере под влиянием идеалистич. философии *экзистенциализма*, *феноменологии*, *неотомизма*, в США — *неофрейдизма*. Попытки применения метода П. характерны для ряда модернистских направлений иск-ва и лит-ры 20 в.: школы «*потока сознания*», сюрреализма и др.

Сов. психология, отмечая, что П. ввел в науч. рассмотрение целый ряд важных явлений человеческой психики (бессознательные процессы и мотивы, влияние переживаний раннего детства на формирование характера и его патологич. деформации и др.), критикует его за сведение разнотипных и изменчивых отношений между неосознаваемой высшей нервной деятельностью и деятельностью сознания к изначальному антагонизму сознания и бессознательного, за универсализацию психоаналитич. понятий и механическое перенесение их в сферу социальных явлений, ведущее к психологизации человеческого общества, личности и культуры.

Лит.: Фрейд З., Лекции по введению в психоанализ, [т. 1–2], М. — П., 1922; его же, Основные психологические теории в психоанализе, М. — П., 1923; Психоанализ детского возраста. [Сб. ст.], М., 1924; Бассин Ф. В., Проблема «бессознательного», М., 1968; Grinstein A., The index of psychoanalytic writings, v. 1–10, N. Y., 1956–72; Psychoanalysis as science, [2 ed.], N. Y., [1956]; Art and psychoanalysis, N. Y., 1963; Psychoanalysis and current biological thought, Madison — Milwaukee, 1965; Encyclopedia of psychoanalysis, N. Y.—L., 1968. См. также лит. при ст. *Глубинная психология*.

Д. Н. Ляликов.

П. в литературоведении — способ трактовки лит. произведений с точки зрения психологич. учения о *бессознательном*. П. рассматривает художеств. творчество как сублимированное (см. *Сублимация*) символич. выражение изначальных психич. импульсов и влечений (сексуальных и инфантильных в своей основе), отвергнутых реальностью и находящих компенсаторное удовлетворение в области фантазии. П. выявляет в истории лит-ры ряд устойчивых сюжетных схем, в к-рых автор идентифицирует себя с героем и рисует либо исполнение своих подсознат. желаний, либо их трагич. столкновение с силами социального и нравств. запрета (так, в «Царе Эдипе» Софокла, «Гамлете» Шекспира и «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского варьируется, согласно П., один мотив отцеубийства, связанный с вытесненным «эдиповым комплексом»).

Первые образцы применения П. к лит-ре и иск-ву дал З. Фрейд («Поэт и фантазия», «Достоевский и отцеубийство»), предупреждавший, однако, против смешения задач П. и литературоведения: П. подходит к лит-ре только как к сюжетно-иллюстративному материалу и сам по себе не способен объяснить разницу между шедевром и его пересказом или репродукцией, между великим писателем и рядовым невротиком или сновидцем. Наиболее адекватно П. приложим к изучению продуктов *мифологии* и «*массовой культуры*», где сознательное «Я» личности растворяется в бессознательном «Оно» и устраняются собственно эстетич. критерии. В 20–30-е гг. наряду с вульгарным П., разоблачавшим художество как иллюзию и сводившим его к биол. инстинктам, имеют место серьезные попытки использовать положения П. в борьбе против формалистич и вульгарно-социологич. методологии [Л. Выготский, В. Волошинов (М Бахтин)], осмыслить с его помощью практику новейших течений (*дадаизм, сюрреализм, экспрессионизм, «мифологизм»*),

найти объяснение загадочным лит. феноменам прошлого (этюды С. Цвейга о Достоевском, Г. фон Клейсте, М. Бонапарт об Э. По, В. В. Брукса о М. Твене), соединить П. с учением о художеств. форме и об обществ. роли литературы (Х. Рид, Р. Фрай, К. Бёрк, К. Кодуэлл). В послевоен. время на Западе наиболее распространены две версии П.: *экзистенциальный* П. (Ж. П. Сартр, А. Мальро, С. Дубровский и др.) ищет в лит-ре свидетельства о подлинном человеческом бытии, укорененном не в биол. природе, но в этич. свободе и достигающем полного личностного самораскрытия в мире художеств. вымысла, где духовная «самость» преодолевает гнет ист. судьбы и выбирает себя; *структуральный* П. (Ж. Лакан, К. Морон, Р. Барт, Ж. Деррида) подчеркивает зависимость художника от сверхиндивидуальных механизмов культуры (языка и др. знаковых систем), действующих в сфере бессознательного и обуславливающих структуру произведения безотносительно к его «сознательному» замыслу и смыслу. П. в зап. литературоведении подвергается критике со стороны марксистов; причем имманентно-статич. структурам подсознания противопоставляется динамика социально-историч. жизни как источник творч. процесса. Доктрину П. оспаривают также последователи культурно-историч. школы и приверженцы математич. и кибернетич. методов.

Лит: Фрейд З., Поэт и фантазия, в кн.. Совр. книга по эстетике, М., 1957 (есть лит.); Выготский Л., Психология искусства, М., 1968; Кодуэлл К., Иллюзия и действительность, М., 1969; Morrison C. C., Freud and the critic, Chapel Hill., 1968; Matt P. von, Literaturwissenschaft und Psychoanalyse, Freib., 1972.

М. Н. Эпштейн.

***Большая советская энциклопедия, 3-е изд., т. 21, М.,
«Советская энциклопедия», 1975, с. 187–189***

**Психика. Сознание. Бессознательное.
К общей теории психологии
(фрагмент)**

А. Е. Шерозия

**III. ФОРМИРОВАНИЕ НЕКЛАССИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННОЙ
СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ. ДИСКУССИЯ С ФРЕЙДОМ**

(1) Фрейд — центральная фигура, вокруг которой группируются почти все теории бессознательного, после того как им была предложена тотальная система анализа человеческой психики вплоть до анализа ее подспудных образований — бессознательной психики, причем это касается не только теорий, одна за другой потянувшихся вслед за ним, но и теорий, также одна за другой поднявшихся против него. Как раз в этом и заключается смысл «коперниковского поворота», совершенного им в современной психологии, в психологии XX века. Поэтому за Фрейдом остается роль одного из основателей этой психологии как науки не только о человеческой психике — сознании и бессознательном психическом, но и о личности, их носителе.

(2) Однако «коперниковский поворот», совершенный Фрейдом, радикально изменив представление о предмете психологии, не коснулся представления о самой природе психического, ибо у Фрейда, как и у Аристотеля, это последнее, будь оно сознательным или бессознательным, выступает не иначе, как через явления познания, чувства и воли — этих издавна известных образований человеческой психики как неких непосредственно данных нам качеств. Поэтому естественно, что как в системе классического психоанализа, так и в его современных модификациях, в том числе и в так называемых неофрейдистских течениях, отсутствует понятие об онтологическом статусе существования бессознательной психики. Более того, онтология бессознательного по существу всегда совпадает в психоанализе с онтологией сознания. Фрейд, подобно своим великим предшественникам Лейбницу и Канту, строит свою систему анализа — психоанализ в целом — на одном только отрицательном понятии, понятии бессознательного, понимая таковое как *психика минус сознание*. Отсюда и последствия: психоанализ Фрейда, как и многих современных психоаналитиков, свободно может трактовать любые *отщепленные* от сознания представления, желания, идеи, мысли как наши «бессознательные психические переживания», будучи вовсе не в состоянии при этом сказать что-либо определенное об их *онтической* сущности, то есть о том, как они существуют сами по себе и почему благодаря дополнительному акту — акту обращения на них внимания («замечания») — они могут вновь выступить для нас как наши вполне осознаваемые переживания. Фрейд не знает, *во что* превращаются подобные явления нашей психики после того, как они «вытесняются» из сознания. Он знает только, опять-таки по аналогии, что мы

должны считать их за те же самые наши психические представления, желания, идеи, мысли и т.д. и т.п. *минус сознание*. В этом и кроется основная причина внутренних противоречий и концептуальной несостоятельности психоанализа и как собственно психологического метода, и как собственно психологической теории.

Однако это вовсе не значит, что сведения, добытые психоаналитиками о бессознательном психическом, не могут быть использованы при построении логически более последовательной и «положительной», если можно так выразиться, теории об этом психическом. Наоборот, во многих отношениях как раз эти сведения и выступают важными носителями собственно психологической информации для этой теории. Несостоятельность психоанализа в данном случае обуславливается лишь тем, что научно-последовательную теорию о бессознательном психическом просто невозможно построить на одном только отрицательном понятии бессознательного. Отрицательные понятия вообще не могут быть основными концептами научных теорий, а тем более психологических. Как таковые они только *дополняют* положительные понятия этих теорий.

(3) Хотя Фрейду и его последователям удалось на огромном материале психоаналитической фактологии раскрыть отрицательное (негативное) содержание бессознательного психического, психология нуждалась и в «положительном» содержании этого понятия, которое могло бы объяснить, каким образом бессознательное выполняет свою собственную (специфическую) функцию, независимо от своего логического коррелята — сознания. В поисках именно такого содержания и возникла теория неосознаваемой психологической установки — теория Узнадзе.

Эта теория обращает на себя внимание прежде всего введенным ею понятием так называемой первичной, нефиксированной и нереализованной еще унитарной установки, этой своего рода целостно-личностной организации и внутренней мобилизации (готовности) индивида к осуществлению той или иной предстоящей («здесь и сейчас») актуальной деятельности. Отсюда и возникает основной смысл дискуссии Узнадзе с Фрейдом, происходившей по мере становления психологической концепции последнего на протяжении нескольких десятилетий. С самого же начала этой дискуссии Узнадзе видит в феномене установки личности на ту или иную деятельность «положительные» характеристики всего того, что у Фрейда выступает в форме одного только отрицательного начала — неосознаваемых психических переживаний, предлагая одновременно определение онтологического статуса, объясняющего их существование независимо от сознания. Это и заставляет Узнадзе отказаться в концептуальном отношении от любого известного до него отрицательного толкования бессознательного психического и заменить его «положительным понятием» этого психического — понятием установки.

(4) Чтобы еще глубже вникнуть в основной смысл обсуждаемой дискуссии, надо иметь в виду следующее.

Будучи в свое время учеником и сотрудником Вундта, интересовавшегося положительным содержанием того, что издавна называлось бессознательным психическим, Узнадзе строит свою теорию об этом психическом на основе экспериментальных исследований открытого им особого качества психической реальности — феномена установки, функционирующего только в его целостно-психической модификации в связи с актуальными потребностями личности. Узнадзе проводит эти исследования, используя разработанный им метод анализа иллюзий установки — метод так называемой фиксированной установки. Опираясь на отечественную и мировую науку, Узнадзе основывает в Тбилисском университете специальную психологическую школу, которая с самого же своего возникновения, еще в 20-е годы, квалифицирует этот феномен (установку) как «промежуточное переменное» между психикой и «транспсихической» (внепсихической, объективной) реальностью, выступая тем самым против основного постулата как всей традиционной психологии сознания, так и всей традиционной психологии бессознательных психических переживаний (включая и психоаналитическую школу Фрейда) — против постулата непосредственности.

Так Узнадзе отмежевывает свою неклассически ориентированную теорию неосознаваемой психологической установки от все еще доминировавшей в современной буржуазной науке теории бессознательного психического — теории Фрейда.

*Шерозия А. Е. Психика. Сознание. Бессознательное.
К общей теории психологии. Тбилиси, 1979, с. 22–25*

Триумф бессознательного

В.С.Ротенберг

Событие, о котором я хочу рассказать, активно готовилось в течение четырех лет. И тем не менее, когда оно наконец свершилось, в это с трудом могли поверить не только многочисленные его участники, но и сами инициаторы и организаторы. Влияние же этого события на психологический климат в гуманитарных науках в СССР так и осталось недооцененным, хотя на следующий год после этого события американцы провели посвященный ему специальный симпозиум под названием "Значение Тбилиси".

Речь идет о Международном Конгрессе по Бессознательному Психическому, состоявшемся в Тбилиси в октябре 1979г.

Я последний, кто остался в живых из его организаторов, и хочу рассказать об этом уникальном Конгрессе то, что не было известно большинству его участников, принявших эту встречу в Тбилиси как неожиданный и неправдоподобный подарок.

О содержании выступлений и дискуссий можно узнать из 4 томов материалов Конгресса, в которых освещены практически все проблемы бессознательного, и некоторых из них я коснусь в этой статье. Но об атмосфере, в которой готовился и проходил Конгресс, и о людях, его подготовивших, можно узнать только из рассказов очевидцев.

Итак, прежде всего немного об атмосфере в советской философии, психологии и психиатрии в то время, когда профессор Филипп Вениаминович Бассин задумал созвать Международный Конгресс по этой тематике.

К этому времени уже на протяжении десятилетий понятие бессознательного психического отождествлялось в СССР с самыми "реакционными" направлениями в науке. О бессознательном говорили как об основном концепте психоанализа, этого "идеалистического лжеучения Фрейда". Любое упоминание психоанализа в ином контексте, не то что с положительной оценкой, но даже с попыткой пусть критического, но серьезного и уважительного рассмотрения, могло привести к большим неприятностям, потери возможности публиковаться и даже потери работы.

На всей сфере бессознательного лежало идеологическое "табу". В чем была причина такой враждебности власти? Враждебности тем более удивительной, что Россия двадцатых годов была едва ли не первой страной, в которой были переведены все опубликованные к тому времени произведения Фрейда и его ближайших учеников. Среди российских психиатров и психологов было немало поклонников психоанализа, и в крупных городах создавались психоаналитические общества. Например, во главе такого общества в Казани стоял молодой Александр Романович Лурия - впоследствии создатель нейропсихологии, получивший международное

признание. Обстановка для развития психоанализа в России казалась оптимальной. И вдруг, с конца 20-х годов, такой резкий поворот политики.

Между тем, поворот был естественным. Психоанализ утверждал, что поведение человека в очень большой степени определяется мотивами, которые сам человек не в состоянии осознать. Эти мотивы как правило враждебны его сознательным установкам поведения и не только не подконтрольны сознанию, но, напротив, подчиняют сознание себе, меняют осознанное представление человека о мире и о самом себе в угодном этим мотивам направлении. У нас будет возможность в последующих статьях рассмотреть это принципиальное и отнюдь не бесспорное положение, но сейчас важно понять социальные следствия из этого постулата.

Очевидно, что общество, его структуры и механизмы власти могут успешно и целенаправленно регулировать только осознанное поведение человека. Нет, это не следует понимать слишком упрощенно. Разумеется, социальные процессы, весь комплекс отношений человека и общества влияют и на его бессознательное. Но это влияние не подчинено сознанию и результаты его не осознаются. А это значит, что невозможно оказывать на бессознательное направленное и однозначное воздействие и контролировать полученный эффект. Кто может гарантировать, что весь воспитательный процесс, призванный превратить человека в послушное и "сознательное" орудие системы и власти (помните воспитание социалистического сознания?) не вызовет мощный протест на уровне подсознания? Причем протест этот даже трудно выявить (разве что по опискам и оговоркам), так что невозможно вести с ним открытую борьбу, и тем не менее он подспудно влияет на все поведение человека и на его восприятие мира, сводя на нет все усилия воспитателей.

Благодаря существованию бессознательного человек ускользает из под влияния тоталитарной системы. Он сохраняет свою индивидуальность и уникальность. Люди не превращаются во взаимозаменяемые роботы. Коллектив состоит из личностей, а не из винтиков. Недаром во время Конгресса один член французской делегации сказал, игнорируя все принципы политической корректности в стране, "победившей" психоанализ: "Без психоанализа нет свободы".

Тоталитарная система не может этого допустить. Она не может позволить себе зависеть от скрытых, не поддающихся отчету и контролю побуждений и настроений индивида. И она объявила войну бессознательному. У советского человека никакого бессознательного быть не может и не должно - это пожалуй самая опасная из всех видов частная собственность.

Думаю, что таков же механизм острой враждебности к психоанализу гитлеровского рейха. Там эта враждебность еще усиливалась еврейским происхождением наиболее выдающихся лидеров психоанализа - почти всех, кроме К.Юнга. Кстати, к учению последнего в Германии было терпимое отношение повидимому не только вследствие арийского происхождения автора, не только потому, что он единственный из видных теоретиков

психологии принял фашистскую идеологию, но и потому, что в его учении индивидуальное бессознательное было подменено бессознательным коллективным, одинаковыми для всех архетипами, которые легко вписывались в мифологию национал - социализма. Уникальность же психической жизни была одинаково отвратительна обоим тоталитарным режимам.

Интересно, однако, что резко отрицательное отношение к психоанализу проявляли и люди с максимальной внутренней свободой и богатой психической жизнью - выдающиеся деятели искусства, такие как А.Ахматова, В.Набоков и многие другие. Этому тоже есть свое объяснение. Открыв огромную роль бессознательного в психической жизни человека и безграничное богатство этого бессознательного, психоанализ как бы сам испугался своего открытия и попытался ввести это богатство в некоторые им самим придуманные рамки. З.Фрейд начал, а его последователи успешно продолжили сведение всего обилия неосознаваемых мотивов к сексуальным и разрушительным. Вся многозначная символика бессознательного, проявляющаяся в сновидениях, загонялась в прокрустово ложе однозначных психоаналитических кодов, согласно которым, например, любой удлиненный предмет это только символ пениса. Человеческое творчество стало рассматриваться всего лишь как проявление сублимации неудовлетворенных сексуальных потребностей. Я как-то заметил по этому поводу, что мне в этой интерпретации обидно в обе стороны --и за творчество, и за сексуальные отношения - обе эти богатейшие стороны человеческой жизни достойны большего. И если Фрейд под "либидо" понимал жизненную энергию, а не только половое влечение, то в дальнейшем этот термин все более становился синонимом сексуальности. Психоанализ сузил рамки бессознательного во имя "научности" концепции, и творческие люди интуитивно это всегда ощущали. Упрощенные трактовки, готовые схемы, превращение образов в универсальные символы не совпадало с их личным опытом и вызывало протест. Таким образом, советские идеологи и Набоков критиковали психоанализ не просто с разных, а с прямо противоположных позиций.

И вот, в условиях такой враждебности со стороны системы к самой идее бессознательного, в 1975г. профессор Бассин, руководитель методологического семинара Института Неврологии АМН (должность более чем идеологическая) неожиданно предлагает мне помочь ему организовать Международный Конгресс по проблеме Бессознательного с участием всех ведущих западных ученых.

Это невозможно было принять всерьез. От этого невозможно было отказаться. Это было безумие. Это была авантюра. На это стоило, черт возьми, потратить время и силы - даже с высоким риском, что из этого ничего не выйдет, кроме больших неприятностей.

Я был знаком до этого с Бассиным года два. Он был вдвое старше меня, и за несколько лет до нашего знакомства прославился монографией "Проблемы бессознательного". Я прочитал ее с очень смешанным чувством. Автор был блестяще эрудированным человеком, с острым умом, склонным к

парадоксам, широким ассоциациям и неожиданным логическим ходам. Это была увлекательная книга, безусловно обращавшая на себя внимание не только тематикой, переведенная вскоре на многие языки. И одновременно это была грандиозная мистификация. Потому что автор делал вид, что критикует учение Фрейда, называя бессознательным то, что никогда не обсуждалось в таком качестве психоанализом. Бассин в действительности писал не о бессознательных психических процессах, которые имеют определенное смысловое содержание и не существуют в отрыве от сознания (об этом у нас еще будет возможность поговорить подробнее). Он писал о физиологических мозговых механизмах, о работе клеточных систем, лежащих в основе и сознания, и бессознательного, но не имеющих отношения к их содержательной, собственно психической стороне - т.е. к тому единственному, чем занимался психоанализ. Разумеется, эти физиологические процессы функционируют без участия сознания, и в этом смысле они бессознательные, как функционируют без участия сознания и клетки других тканей организма. Их деятельность является условием функционирования психических процессов в том же смысле, в каком детали компьютера являются условием функционирования обрабатывающих информацию программ. Сами эти детали программ не содержат. По этой аналогии, и мозговые механизмы, о которых писал Бассин, нейтральны по отношению к психическим процессам.

Потому что наша психика, вопреки распространенной точке зрения - это не функция мозга. Это функция взаимодействия мозга с окружающей средой, прежде всего - социальной средой, т.е. информацией, которую предоставляет среда.

Вне этого взаимодействия психическая жизнь не существует, как бы ни были совершенны сами мозговые механизмы. Из книги было видно, что автор прекрасно все понимает и совершает подмену сознательно. Все его критические выстрелы против Фрейда были выстрелами в пустоту, но иногда он, как бы между делом, подсовывал читателю сведения о подлинном психическом бессознательном, о внутренних конфликтах и защитных механизмах, - сведения, которые в те годы было больше неоткуда почерпнуть.

Я прочитал и по молодости лет возмутился подтасовкой. В то же время, встречая Бассина на конференциях и слушая рассказы о нем общих знакомых, я не мог не заинтересоваться этим человеком и не поддаться обаянию его личности. И именно потому, что он очень мне нравился, при первом же знакомстве я не мог не сказать ему совершенно откровенно, что считаю его книгу большим жульническим трюком. Я просто не мог бы продолжать с ним знакомство на том уровне, на котором хотел, не сказав ему это.

Ф.В. посмотрел на меня с характерной лукавой улыбкой, оценивающе и насмешливо, и ответил: " Поговорим об этом, батенька, через несколько лет. Может быть, я сумею убедить Вас, что книга не такая вредная, как Вам сегодня кажется." Забегая вперед, скажу сразу, что на открытии Конгресса в

Тбилиси, когда у всех нас кружилась голова от невероятности происходящего, Бассин спросил меня, кивнув на переполненный зал: "Как Вам это нравится? А помните, что Вы говорили мне о моей книге? Без того жульнического трюка был бы невозможен этот Конгресс".

Я должен был согласиться. Книга и последующие публикации Ф.В., на первый взгляд выглядевшие лояльными к официальной идеологии, расшатывали барьеры, вводили проблему бессознательного в круг научного обсуждения и в конце концов выполнили функцию Троянского коня. Ф.В. сделал для легитимизации этой проблемы в СССР больше, чем любой другой ученый.

Я не могу удержаться чтобы не рассказать немного о самом Бассине. Невысокий худощавый человек с вольтеровски острым лицом и вольтеровской же неизменной усмешкой, в свои семьдесят лет был самым живым собеседником в компании людей любого возраста. Скорость, с которой он схватывал суть проблемы, была удивительной. Видевший ситуацию с беспощадной ясностью, он отличался при этом неправдоподобным оптимизмом и энергией, которые в сочетании давали ощущение безграничного энтузиазма. Он и впрямь совершенно не ощущал своего возраста. Однажды, спустя несколько лет после знакомства, мы сидели в кафе и я жаловался на бесперспективность моего рабочего положения. Внезапно он сказал: "Что Вы торчите в Москве? Хотите, я помогу Вам получить лабораторию в Тбилиси? Вы будете там долго, счастливо и плодотворно работать в очень благоприятной обстановке, а когда Вы умрете, я добьюсь что на здании института Вам установят мемориальную доску". Я засмеялся. Он был, напоминая, вдвое старше меня. Но самое интересное - он почти не шутил. Казалось, он и вправду верит в свое бессмертие.

Он был остроумный и очень спонтанный человек. На каком-то совещании выступавший профессор говорил о нем что-то положительное и называл его "Филипп Васильевич". Филипп Вениаминович наклонился ко мне и шепнул: "Он придумал мне защитное отчетство".

Однажды вдруг повеяло рецидивом борьбы с космополитизмом. В научном журнале появилась статья какого-то ничтожества с хулиганскими нападками на А.Р.Лурия. Бассин ответил довольно резкой репликой в печати. Остальные промолчали. При встрече со мной Бассин возмущенно говорил: "Подумать только, она облила грязью такого ученого как Лурия, и не нашлось ни одного умного и порядочного человека чтобы ответить". "Ну как же ни одного? Вы ведь ответили" - возразил я. "А я не порядочный" - тут же парировал Бассин с характерным смешком.

Он казался человеком тонко чувствующим конъюнктуру, а был при этом азартным и смелым и вступался за друзей. Дважды он помогал мне в конфликтных ситуациях, и одна такая история была особенно опасной.

Вскоре после Конгресса в Журнале Невропатологии и Психиатрии появилась редакционная статья, где мои публикации в журнале "Вопросы Философии" противопоставлялись статьям Ленина. В 1980 г. это было

серьезное обвинение. А тут еще в одном западном журнале появилась статья о проблеме сновидений с такой очаровательной фразой " Таким образом, Аммон, в противоположность Фрейду и Ротенбергу, считает...". Быть противопоставленным Ленину и сопоставленным с Фрейдом - это было несколько чересчур для советского гражданина, у которого докторская диссертация еще лежала в ВАКе. Бассину позвонил из Парижа наш общий друг профессор Шерток, и осторожно, ненавязчиво поинтересовался, работает ли еще Ротенберг.

Бассин написал блистательный ответ и добился его опубликования в том же журнале, где меня противопоставляли Ленину. Автор направленной против меня статьи так растерялся, что в комментарии к ответу Бассина написал: "Разве кто-то выступал против идей Ротенберга?" Поскольку противопоставление Ленину было очевидным, оставалось сделать вывод, что критиковал он позицию Ленина.

Точно так же вступался Бассин и за других людей, нуждавшихся в поддержке - и делал это всегда со скептическими комментариями стоика, не очень верящего в успешность своих действий, но действующего вопреки этому неверию.

Я вспоминаю эти подробности не только из желания воздать должное ушедшему учителю и другу, но и потому, что в них отразилась эпоха, в которой мы жили, и поведение людей в эту эпоху. Эпоха определяется далеко не только тем, что делают с нами власти и обстоятельства, но и тем, что делаем мы сами. Самоуважение и достойное поведение людей, их интерес не только к собственной карьере - тоже принадлежность этой ушедшей эпохи.

Вернемся к организации Конгресса. Бассин в лучших российских традициях в сущности предложил мне быть третьим и сообразить этот Конгресс на троих. Вторым был грузинский философ Аполлон Епифанович Шерозия, воспринявший авантюрную идею Бассина с большим энтузиазмом. Именно он взял на себя задачу убедить высокие академические и политические инстанции Грузии организовать этот Конгресс в Тбилиси. Это была счастливая идея. Бассин понимал, и это быстро подтвердилось, что в Москве и Ленинграде мы встретили бы отчаянное сопротивление высокопоставленных идеологов и могущественных бюрократов. Грузины же ценили свою относительную независимость, а перспектива такого научного Конгресса очень повышала их самоуважение, особенно с учетом запретной тематики.

Не менее важно было то, что Институт Психологии в Тбилиси был основан выдающимся ученым Узнадзе, разработавшим концепцию неосознаваемой психологической установки, и эта концепция была ведущей в институте. Согласно этой концепции, многое в поведении человека определяется выработанными на протяжении жизни установками, которые формируются исподволь и не осознаются. В отличие от многих положений психоанализа, эта концепция, будучи относительно более простой, поддавалась экспериментальной проверке, и с некоторой натяжкой ее можно

было рассматривать как альтернативу классическому психоанализу. Благоприятными для созыва Конгресса были и тенденции в международной обстановке: стремление правительства СССР к разрядке, к упрочению экономических и научных связей с Западом, и в связи с этим - желание произвести впечатление открытого общества. Благодаря этим тенденциям идею Конгресса поддержал влиятельный бонза от идеологии - вице - президент АН СССР Петр Федосеев. К тому же Шерозия в прошлом был его аспирантом.

Бассин и Шерозия распределили обязанности. Бассин взял на себя информацию и приглашение иностранных ученых, Шерозия - организацию их приема в Грузии за счет Грузинской Академии Наук. Мне Бассин предложил стать Ученым Секретарем Оргкомитета (который еще предстояло создать), пока же я был "на подхвате" для выполнения разных поручений.

В соответствии с отечественной традицией, где есть трое, должен появиться и четвертый, примкнувший к ним. Им стал профессор Леон Шерток из Парижа, известный в мире и в СССР своими работами по гипнозу при психических и психосоматических заболеваниях. Высокий, подтянутый, с породистой внешностью, живой, остроумный и темпераментный - он был подлинным эталоном француза (разумеется, еврей из дореволюционной Польши). Он свободно говорил на всех мыслимых языках, включая экзотические, и знал всех на свете - словом, идеальный кандидат для нашего представителя на Западе. Он возглавил представительнейшую французскую делегацию и консультировал Бассина по подбору Западных ученых. Это была очень ответственная миссия: любой недоброжелатель или даже просто недостаточно осторожный иностранный делегат, недоучитывающий сложность и необычность всего мероприятия, его идеологическую двусмысленность, мог поставить под удар и цели Конгресса, и его организаторов. Шерток претендовал на точность оценок и требовал, чтобы кандидатуры всех приглашенных согласовывали с ним. Однажды Бассин показал мне его краткую и выразительную телеграмму, полученную им от Шертока в ответ на сообщение о приглашении одного ученого без санкции Леона: "Безумец или провокатор?". Бассин и Шерток были знакомы много лет и не очень ограничивали свой темперамент в процессе общения. Я расскажу дальше, как по иронии судьбы именно французская делегация, столь тщательно подобранная нашим другом Шертоком, чуть было не поставила нас на грань катастрофы.

Осенью 1975г. я получил первое ответственное задание. Я ехал в Тбилиси на съезд физиологов, и Бассин просил меня встретиться с Шерозией и уточнить детали подготовки грузин к приему иностранных гостей. Мы встретились, и разыгралась сцена из "Двенадцати стульев". "Вы хотите сказать, что мы должны взять на себя расходы по приему всех иностранных участников?" - спросил Аполлон Епифанович. Я насторожился. "Разумеется. Ведь такова была договоренность, и Филипп Вениаминович уже рассылает приглашения, давая гарантии от своего имени. Условия нельзя изменить - репутация профессора Бассина окажется под угрозой". "И какая же сумма

потребуется?" - осторожно спросил Аполлон. Я произвел ориентировочный подсчет и назвал сумму, действительно, немалую (по крайней мере для меня) ибо мы приглашали человек 120. Наступила пауза. "Скажите, а половина этой суммы не могла бы выручить Бассина?" - внезапно спросил Шерозия. - "Гиганта мысли и отца русской демократии" - немедленно с наслаждением добавил я про себя, одновременно удивляясь точности этого определения в данном случае. И ответил в полном соответствии с первоисточником: "Я полагаю, что в этой ситуации торг не уместен".

Это было первое предупреждение свыше о природе всего мероприятия. Когда через 4 года я прилетел на открытие Конгресса в Тбилиси, который уже мысленно именовал Нью-Васюки, я не очень удивился, что Конгресс будет открыт в здании Шахматного Клуба.

Между тем энтузиазм в мире и стране по поводу задуманного Конгресса нарастал. На имя организаторов стали поступать десятки докладов на четырех языках. Бассин поручил мне их просматривать, группировать по разделам и готовиться к серьезному редактированию. Материалы касались всех возможных аспектов проблемы : философских, психологических, медицинских, физиологических, искусствоведческих и т.п. Мы были поражены, сколько людей в стране, вопреки запретам, интересуется этой проблемой, думает над ней и работает в этом направлении. Большинство статей было интересно и квалифицировано написано - и отнюдь не только зарубежных. Редактировать все это параллельно с основной работой было трудно. Бассин предполагал, что собрав все материалы мы вместе уедем на несколько месяцев в Тбилиси и поработаем в спокойных и комфортных условиях. Президент Грузинской АН обещал попросить ректора моего института отпустить меня в командировку в Тбилиси. Я был уверен, что такой фигуре ректор не откажет, и в предвкушении приятной работы в Тбилиси в симпатичном обществе небрежно просматривал рукописи, периодически делая для себя короткие заметки на полях.

Президент позвонил ректору, и ректор ему отказал. Несчастный Ротенберг остался в Москве. Несчастный Бассин уехал в Грузию один, взвалив на себя килограммы рукописей. Вскоре от него пошли письма.

"Мой юный друг, Ваши замечания на полях своей краткостью напоминают реляции Наполеона его маршалам : - Сократить. - Убрать цитаты.- и т.п. Но, мой друг, у Вас нет маршалов, у Вас есть один старый, больной, измученный человек, который не может выполнить все эти Ваши гениальные указания".

"Обратитесь за рукописью к профессору А. Эта дама с юных лет привыкла что ее очень просят. Мне она обещала. Попросите и Вы."

В свои 71 Бассин должен был выполнить в короткий срок работу, рассчитанную минимум на двоих. Он превосходно с ней справился. Три огромных тома вышли перед Конгрессом (четвертый вышел по итогам Конгресса), и до сих пор эти материалы не утратили своего значения. А сколько серьезных ученых по всей стране вздохнули с облегчением, что проблема вышла наконец из подполья и ее не надо больше вытеснять в

собственное бессознательное. Я знаю, что многим людям это помогло защитить безнадежные, казалось бы, диссертации.

Конгресс приближался, и количество проблем нарастало.

Незадолго до его открытия мы узнали, что Министерство Здравоохранения запретило специальным приказом давать командировки медикам на этот Конгресс. Никогда не думал, что это возможно - вот уже и Академия, и правительство, и ЦК признали проблему бессознательного, а Минздрав еще держался. Бассин послал меня за помощью к человеку весьма влиятельному - Игорю Николаевичу Смирнову, Ученому Секретарю Отделения Философии и Права АН СССР. Смирнов позвонил замминистра Минздрава и состоялся диалог, достойный воспроизведения.

"А - сказал замминистра- знаю, знаю. Это несколько проходимцев(!) затеяли это сборище и пригласили на него вейсманистов-морганистов" (Какое сочетание безупречного чутья и безграмотности! В 1979г. замминистра Минздрава не знает разницы между фрейдистами и вейсманистами, т.е. представителями генетики - еще одной лженауки. Все лженауки у него на одно лицо.) "Простите - спокойно спросил Смирнов - не могли бы Вы уточнить, кого именно Вы считаете проходимцами - Федосеева, Кириллина (Председателя Госкомитета по Науке и Технике) или Председателя Совета Министров Грузии?".

Ответа не последовало. Замминистра швырнул трубку на рычаг. Приказ отменен не был, и многие медики брали отпуск, чтобы участвовать в Конгрессе.

Атмосфера вокруг Конгресса все более накалялась. Внезапно мне позвонили из МИДа. "Скажите - спросил вежливый вкрадчивый голос - под каким флагом будет выступать Ваш гость профессор Аммон?" Я совершил гигантское интеллектуальное усилие и догадался: " Под флагом Западного Берлина". На том конце провода одобрительно и понимающе усмехнулись. "Верно. Но не дай Вам Бог, чтобы случайно перед ним оказался флаг Западной Германии. Это будет грубая политическая ошибка с серьезными последствиями для Вас лично".

Я покрылся испариной и позвонил в Тбилиси. Выяснил, как и ожидал, что в программе Гюнтер Аммон числится представителем ФРГ. Попросил перепечатать программу.

Иностранцы летели в Тбилиси через Москву, надо было организовать их встречу и транспортировку в Грузию. Я пошел просить помощи в отдел международных связей Академии. Там сразу начались непредвиденные трудности. "По какому праву Ваш Конгресс называется международным?" - спросил чиновник.- "По протоколу это название может быть дано только конференциям, которые устраивают международные организации. Какая международная организация за Вами стоит?". Я тут же вспомнил одиозный и почти однозначный национальный состав участников, как из СССР, так и зарубежных. Чуть было не назвал эту международную организацию. Во-время удержался. Отговорился распоряжением Федосеева. К нему претензий не было.

Чиновник просмотрел список из сотни западных ученых, выяснил даты их прибытия и обещал помочь. Но от списка ученых из социалистических стран отказался, и послал меня в другой отдел, занимающийся этими странами. Там никак не могли понять, о каком Конгрессе вообще идет речь. Грузины забыли поставить их в известность. Наконец, чиновник что-то уловил из моего растерянного бормотания.

"Вы хотите сказать - спросил он ласково- что Вы уже пригласили этих людей без нашего ведома, и они уже летят? В таком случае это судебное дело." Он полюбовался произведенным впечатлением (было чем) и продолжил: "Хорошо, я вижу Вы в этих делах новичок и ничего не понимаете. Как это Вас сделали Ученым Секретарем Оргкомитета? Пойдем в Первый Отдел. Я сам проверю, нет ли среди приглашенных персон нон грата. Если нет - считайте, что Вам повезло - я закрою на все глаза. Если вдруг есть - Вы пойдете под суд, впрочем вместе с председателем Оргкомитета". Я сел в прихожей Первого Отдела. Ждать было тягостно. Я позвонил Бассину. "Никуда не уходите - сказал я злорадно - Ждите. Скоро я сообщу Вам, сядем ли мы вместе в тюрьму".

Наконец я сам сел в самолет с ощущением, что отмутился. У меня был договор с Ф.В. что мои обязанности кончаются когда я приземлюсь в Тбилиси. Не мог же я, в самом деле, продолжать мою успешную организационную деятельность в городе, где никого не знал. Я ехал участвовать в научном Конгрессе. Как я был наивен.

В первый же вечер, накануне открытия Конгресса, мне в гостиницу позвонил Бассин. "Спуститесь в комнату Оргкомитета, там какие-то проблемы с синхронными переводчиками" - и абонент отключился - на всю ночь. А я пошел выяснять проблему.

История с переводчиками начиналась в Москве. Мне посоветовали группу высоких профессионалов. Они поставили условия проживания - в гостинице с иностранцами, в номерах люкс. В Тбилиси условия приняли без обсуждения. И поэтому переводчиков никак не должно было быть в моей гостинице - там не жили иностранцы, да и с номерами люкс была напряженка.

Я подошел к комнате Оргкомитета и услышал громкий голос с грузинским акцентом: "А если вас это не устраивает, то значит вы вообще не советские люди, и можете отсюда уезжать". Спор повидимому длился давно и принял скандальный характер. Я испугался. Синхронисты - каста высокооплачиваемых профессионалов, самоуважение у них высокое, с ними так разговаривать нельзя. Они могут уехать, и тогда на следующий день можно не открывать, а закрывать Конгресс. Да и требования их были законными - они тяжело работают, им нужны хорошие условия и контакт с теми, кого они переводят.

Именем Бассина я попросил чудесного грузина оставить меня с переводчиками одного. Почти час я выслушивал все, что они думают обо мне и моих способностях соблюдать соглашения. И все же уговорил их

подождать до утра. На следующий день, с помощью ЦК Грузии мы перевели их в основную гостиницу.

Конгресс был праздником для всех участников (кроме организаторов). Условия для работы и развлечений были прекрасными - как всегда в Грузии. Экзотическая возможность приехать на такой конгресс собрала в одном зале людей, не часто встречающихся друг с другом. Были лидеры всех, нередко враждующих друг с другом, психоаналитических школ и направлений. Приехал и выступил легендарный Роман Якобсон (помните Маяковского - "Напролет болтал о Ромке Якобсоне..."), основатель психолингвистики, которому весь зал аплодировал стоя. Интересные доклады сменяли друг друга и переходили в дискуссии, разворачивавшиеся в коридорах и кафетериях.

Обсуждение всех, самых сложных проблем бессознательного создавало ощущение прорыва блокады прямо у нас на глазах. И тут у профессора Екатерины Шороховой, ортодоксального и одиозного марксистского идеолога от психологии, появилось ощущение, что пора защищать принципы. Она поднялась на трибуну во время круглого стола, собравшего лидеров всех психоаналитических школ, и начала свое выступление так: "Психология должна заниматься отношениями человека и человека, человека и общества и другими ...сексуальными проблемами".

Синхронный перевод на 3 языка, короткая пауза на осмысление - и взрыв хохота и аплодисментов. Всем было ясно - ученая дама хотела сказать - "социальными проблемами". Она оговорилась, но именно психоаналитики знают, что такие оговорки имеют большое значение - за ними стоят серьезные и неосознанные личные проблемы. Зал торжествовал и неистовствовал. Шорохова наглядно подтвердила то, против чего пыталась бороться. Классическая оговорка попала в десятки иностранных корреспонденций о Конгрессе.

История организаци круглого стола, на котором это случилось, тоже достойна описания.

Повестка дня Конгресса была очень плотной. Она была перенасыщена докладами и для свободной открытой дискуссии времени не оставалось. Кто знает, может быть осторожный Бассин предусмотрел это специально, во избежании провокаций. Но в таком случае он перехитрил сам себя. Ночью после второго или третьего дня заседаний руководитель французской делегации и наш главный эксперт по безопасности Леон Шерток в тапочках и халате явился в номер Бассина и сообщил ему, что случайно узнал о заговоре в своей делегации. Французы хотят вынести декларацию об отсутствии свободы вообще и свободы дискуссии в частности на этом Конгрессе. Такая декларация означала бы не только провал Конгресса, но и провал в Союзе всей проблемы бессознательного. Идеологические ястребы торжественно объявили бы нас провокаторами - со всеми последствиями. Рано утром мы срочно перестроили программу дня и ввели круглый стол со свободной дискуссией, оказавшийся для Шороховой такой ловушкой.

Все же не следует думать, что во время всего Конгресса мы жили в таком напряжении звериной серьезности. Были многочисленные шутки, смешные ситуации, и мы ими наслаждались. Как-то в перерыве я подошел к одному из участников Конгресса и сказал, что по завершении грузины должны выпустить новый сорт сигарет "Филипп - Аполлон" (по именам главных организаторов и по ассоциации с популярными тогда сигаретами "Союз - Аполлон".) Мой собеседник невозмутимо сказал "Уже реализовано" и вытащил из кармана визитную карточку, где на одной стороне было написано по русски "Филипп Вениаминович Бассин", а на обратной по английски "Аполлон Епифанович Шерозия". Наши лидеры одновременно заказали свои визитки в одной и той же тбилисской типографии, и там чуть-чуть перепутали. Со всех ног побежал я в номер к Бассину и умильно попросил "Филипп Вениаминович, визиточку подарите?". Бассин развернулся ко мне в ярости: "Пошел вон, мерзавец".

Нам очень повезло. Через 2 месяца началось вторжение в Афганистан. Начнись оно раньше, никто бы к нам с Запада не поехал.

После Конгресса изменился климат в гуманитарных науках. Стало можно говорить обо всем, что нашло отражение в материалах Конгресса, а значит практически обо всем.

И профессор Косицкий стал называть меня "легальный фрейдист".

С сайта В.С.Ротенберга

Читая Фрейда...

В.С. Ротенберг

Из многочисленных великих сталинских ударов по науке (по биологии, кибернетике, лингвистике, физиологии и т.п.) удар по психологии и психиатрии оказался самым сокрушительным. Пострадало прежде всего понимание наиболее глубоких и интимных механизмов человеческого поведения, тех механизмов, которые впервые стали предметом научного анализа в работах З. Фрейда, а до него раскрывались лишь в выдающихся произведениях мировой литературы – от Библии до творений Достоевского.

В той агрессивности, с какой ополчились на изучение этих механизмов сталинские холопы от идеологии, была своя логика – ведь механизмы эти относятся к сфере бессознательного, а бессознательное по природе своей остается вне жесткого идеологического контроля, неподвластно ему. У советского человека не должно было быть никакого бессознательного. Впрочем, в этом вопросе Сталин и Гитлер проявили трогательное единодушие.

В результате мы на целые десятилетия выпали из мирового процесса развития психологии как науки, а ведь без понимания закономерностей человеческого поведения нельзя успешно решать никакие проблемы, даже сугубо экономические. Издание трудов Фрейда возвращает нас к истокам. В лекциях по психоанализу, которые охватывают огромный период деятельности Фрейда – с 1917 по 1932 г., представлены практически все основные аспекты его концепции. Вдобавок они организованы в целостную систему, которая логически последовательно разворачивается перед читателем. Несмотря на высокую насыщенность сложным научным смыслом, лекции читаются как художественная проза. Этому способствует высокое литературное качество русского перевода, сохранившее яркий и свободный от штампов стиль Фрейда, его метафоричность и непосредственность.

Конечно, за время, истекшее с момента прочтения этого курса лекций, глубинная психология претерпела существенные изменения, и массовый читатель был бы дезориентирован, если бы воспринял лекции как последнее слово науки. Но есть и обратная сторона медали. Мы можем сейчас свежо и непредвзято взглянуть на труды, которые для мировой психологии давно стали классическими и вокруг которых было так много неизвестных нам споров и толкований, что для квалифицированного западного читателя нелегко уже воспринимать первоисточник во всей его первозданности.

А между тем освобожденное от строительных лесов и позднейших надстроек здание, выстроенное Фрейдом, производит сильнейшее впечатление. В лекциях по психоанализу впервые предложена целостная (и до сих пор, пожалуй, наиболее универсальная) система взглядов, позволяющая внутренне непротиворечиво объяснить самые различные аспекты поведения человека и особенности его психической жизни с позиции

строгости детерминизма, избегающего любых апелляций к случайности и необязательности. В рамках этой стройной системы с единых позиций рассматриваются такие далекие, на первый взгляд, друг от друга явления, как «случайные» описки, невротические симптомы и сновидения. Их объединяет представление о постоянной борьбе в человеческой душе между осознанным «Я», учитывающим интересы и требования социума, и неосознаваемыми, в силу враждебности к этим требованиям, но в то же время очень значимыми для личности мотивами.

Фрейд начинает с частного, казалось бы, вопроса – с проблемы описок, оговорок, ошибочных действий, всего того, что до него вообще не рассматривалось в психологии как достойный серьезного изучения объект. Да и много лет спустя интерес психоанализа к этим «побочным» эффектам психической деятельности, попытка осмыслить их и использовать как основу для выводов о скрытых тенденциях поведения, подвергались ожесточенным и вульгарным нападениям. Как часто утверждалось идеологами от психологии, что смешно видеть за случайными оговорками подавленные мотивы и тайные интересы, а предположения о сексуальной основе этих интересов становились предметом зубоскальства. Но поруганная судьба науки мстит за себя иронией.

Только иронией судьбы можно объяснить знаменитое происшествие на Международном конгрессе по бессознательному в Тбилиси в 1979 г. во время «круглого стола», посвященного судьбе психоанализа. За этим столом, впервые в СССР, собрались лидеры всех основных психоаналитических школ мира. И вот перед этим синклитом выступила профессор философии, известный ревнитель идеологической чистоты в общественных науках, чтобы дать решительный бой чуждым влияниям и взглядам. И с пафосом борца за правое дело провозгласила: «Психология должна заниматься проблемой отношения человека к человеку, человека и общества и другими сексуальными проблемами». Разумеется, она хотела сказать «социальными», она и слова-то такого неприличного – «сексуальное» – не рискнула бы произнести в солидном обществе, но именно такая оговорка, именно за этим столом была высоко оценена и присутствующими, и всей мировой прессой.

А все-таки она вертится!

Но вернемся к Фрейду. Уже в этих первых лекциях об ошибках и описках проявляются все его сильные стороны как ученого, сочетающего в себе способность к пристальному наблюдению, кропотливому собиранию фактов и блистательному обобщению, поднимающемуся над этими фактами. С самых первых страниц «Лекции...» привлекают полемичностью, готовностью рассматривать разные ракурсы проблемы и искать ответы на возможные возражения. Отдавая себе отчет в необычности постановки вопроса, Фрейд сам выдвигает ряд контрдоводов против своей концепции и последовательно их опровергает.

Вот он обсуждает возможные аргументы против своего взгляда на природу ошибок и оговорок и с глубоким интуитивным пониманием сложных психических явлений отвергает возможность объяснения ошибок за

счет нарушения внимания. Он справедливо утверждает, что как раз в автоматизированных действиях, требующих минимального внимания, ошибки встречаются крайне редко.

Убедительно отвергается ссылка на волнение, поскольку волнение с таким же успехом могло бы повысить уровень внимания. В этом вскользь брошенном замечании в зародыше содержится одна из важнейших и до сих пор актуальных проблем психофизиологии – проблема продуктивного и непродуктивного эмоционального напряжения.

Современному специалисту, пожалуй, наиболее интересно читать главы, посвященные сновидениям. В этой области за последние десятилетия проведено много психофизиологических исследований, позволяющих верифицировать научные спекуляции автора. Но прежде всего хочется привести высказывание Фрейда, предшествующее разделу: «Заниматься... сновидениями не только непрактично и излишне, но просто стыдно; это влечет за собой упреки в ненаучности, вызывает подозрение в личной склонности к мистицизму» (с. 50*). [* Рецензируемая книга: Зигмунд Фрейд. Введение в психоанализ. Лекции. / Изд. подготовил М.Г. Ярошевский, Пер. с нем. Г.В. Барышниковой. Лит. ред. Е.Е. Соколовой и П.В. Родионовой. Отв. ред. И.Т. Фролов, М.Г. Ярошевский. М.: Наука, сер. «Классики науки». 1989. 456 с.].

Сегодня, когда благодаря открытию быстрого сна проблема сновидений стала одной из важнейших в науке о мозге, это замечание предостерегает нас от пренебрежения теми загадочными явлениями человеческой психики, которые пока считаются ненаучными и мистическими. В тот самый период, когда строгий эмпирик И.П. Павлов объявил сновидения случайным результатом недостаточно выраженного «сонного торможения» отдельных участков коры, Фрейд настаивал на их закономерности и необходимости для человеческой психики и оказался прав.

При чтении этой главы, как, впрочем, и всей книги, постоянно сталкиваешься с обсуждением тех же проблем, которые актуальны сегодня. Почему с трудом пересказываются сновидения? Потому что образы трудно перевести в слова, их легче изобразить, отвечает Фрейд. А в одном из последних исследований, проведенных на больных с нарушениями речи, показано, что они успешно, и даже лучше здоровых, рисуют свои сновидения, которые затрудняются описать в словах.

Фрейд замечает вскользь: видевший сон знает, что означает его сон, он только не знает о своем знании и полагает поэтому, что не знает значения сна. В этом утверждении – абсолютно точное понимание латентного знания, проблемы, обсуждающейся сегодня и в психологии, и в философии, и в информатике. А когда Фрейд описывает созданный им и для понимания сновидений и невротических конфликтов, и для лечения метод свободных ассоциаций вокруг сюжета сновидения, то у нас неожиданно возникает свободная ассоциация с современными способами стимуляции образного мышления, которые тоже выполняют лечебную функцию.

Так, может быть, терапевтический эффект психоанализа во многом обязан не осознанию скрытых мотивов благодаря ассоциациям, а всемерной стимуляции образного мышления, которое неполноценно функционирует при неврозах и психосоматических заболеваниях и восстановлению которого так способствует эмоциональный контакт с психоаналитиком (да и с любым психотерапевтом), контакт, который Фрейд описывает как феномен «переноса либидо»? Такое понимание помогает преодолеть один из основных парадоксов общей концепции Фрейда: ведь если неприемлемые мотивы и представления упорно вытесняются из сознания во имя сохранения целостности собственного «Я», то почему же метод свободных ассоциаций обеспечивает их возвращение в сознание и тем самым способствует излечению? Не более ли справедливо противоположное предположение, согласно которому активация образного мышления и эмоциональный контакт с психоаналитиком способствует душевному излечению, и уже как следствие этого наступает осознание ранее вытесненных, но утративших свое эмоциональное значение комплексов и мотивов?

В течение ряда лет я развивал эту идею «осознания через излечение» (в противоположность фрейдовскому «излечению через осознание»), пока не нашел ее зародыш у самого Фрейда. Как обычно, он между прочим замечает, что неразрешимый на первых порах симптом поддается анализу, только тогда отпадает реальная заинтересованность в вытесненных мыслях. Не правда ли, поразительно, что спустя 75 лет Фрейд предстает перед нами не «памятником науки», а живым оппонентом, с которым интересно спорить и к словам которого стоит прислушиваться с большим вниманием. Но при всем этом нельзя не признать, что его конкретная трактовка отдельных образов и символов сновидений носит достаточно произвольный характер. Трудно согласиться и с универсальной трактовкой символов – современные исследователи показали, что одни и те же, по формальным критериям, образы могут отражать разные движения душевной жизни у людей с различными особенностями личности и в разных контекстах самих сновидений. Можно было бы привести много примеров на эту тему, но они показали бы только то, что и классические тексты стоит читать критически.

На сегодняшнем уровне знаний нельзя согласиться и с тем, что сновидения представляют собой просто удовлетворения запретных желаний в замаскированном виде. При таком понимании сновидения в лучшем случае должны были бы обеспечивать охрану самого сна, но никак не способствовать нормализации психического состояния в бодрствовании. Ведь, как прекрасно осознавал это и сам Фрейд, удовлетворение жажды в сновидении ни на йоту не уменьшает эту жажду после пробуждения, а образы, маскирующие желания, могут олицетворять эти желания только до тех пор, пока длятся сновидения, – для бодрствующего сознания они не несут никакой значимой информации.

Но когда Фрейд описывает работу сновидений, он блистательно предвосхищает современные представления о механизмах образного мышления: «Благодаря накладыванию друг на друга отдельных сгущаемых

единиц возникает, как правило неясная, расплывчатая картина подобно той, которая получается, если на одной фотопластинке сделать несколько снимков» (с. 107).

Интересно, что представление о достаточно жестких и однозначных кодах сновидения удивительным образом сочетается у Фрейда с вполне современным пониманием того обстоятельства, что для трактовки сновидений необходимо видеть связь сновидений со всей жизнью человека и с той конкретной психической реальностью, в которую сновидение вписывается. «Сновидение никому ничего не хочет говорить оно не является средством сообщения, оно рассчитано на то, чтобы остаться непонятым» (с. 147). Фрейд впервые поставил вопрос о том, что сновидение может быть функционально неполноценным и не выполнять свою задачу. Эта проблема только сейчас становится предметом естественнонаучного исследования во многих лабораториях мира. С такой неполноценностью сновидений Фрейд справедливо связывает чувства тревоги и страха, периодически возникающие в сновидениях.

Огромную роль во всей концепции психоанализа, в том числе и в концепции сновидения, играет представление о ранних сексуальных переживаниях и конфликтах ребенка и об их дальнейших трансформациях во взрослой жизни. Больше всего нападков на психоанализ было в связи с этими представлениями, и надо признать, что для этих возражений есть определенные основания. Но прежде чем обсудить их, давайте сразу признаем, что сексуальные мотивы действительно играют серьезную роль в жизни человека и его патологии, особенно при неврозах, и воздадим должное мужеству Фрейда, который в «викторианскую» эпоху цивилизации, задолго до сексуальной революции, заставил это признать. А сопротивление общественной морали было столь велико, что принудило Фрейда перегнуть палку в этом вопросе.

Одним из краеугольных камней психоанализа является представление об эдиповом комплексе – запрещенной любви мальчика к матери и связанной с этим скрытой ревности и враждебности к отцу. Проблему ранней сексуальности до сих пор нельзя считать окончательно решенной, однако очевидно, что Фрейд резко переоценил собственно сексуальный характер влечения к родителям противоположного пола (особенно – мальчика к матери) и явно недооценил несексуальный компонент этой привязанности.

Исследования последних десятилетий показали, что ранний отрыв ребенка от матери (независимо от пола ребенка) или даже просто дефицит эмоционального контакта с ней оказывает необратимое отрицательное воздействие на все дальнейшее развитие ребенка и может способствовать в дальнейшем развитию неврозов и психосоматозов. Причем дело не в уходе и заботе, а именно в эмоциональном контакте, в любви; но поскольку это в равной степени относится к мальчикам и девочкам, то это не та любовь которая приводит к появлению эдипова комплекса. Эмоциональный контакт помогает ребенку преодолеть первичный пассивный страх перед незнакомым, является первой ниточкой связывающей человека с миром!

Поэтому независимо от того, как именно оценивал эту привязанность Фрейд, то обстоятельство, что он первый обратил внимание на жизненно важный характер эмоциональных связей с матерью, с родителями, является серьезной научной заслугой.

С сегодняшних научных позиций можно предъявить целый ряд претензий к фрейдовской теории неврозов. Эта теория переоценивает роль сексуальных конфликтов и недостаточное внимание уделяет другим мотивационным конфликтам; может быть, с излишней определенностью и однозначностью трактует отдельные невротические симптомы как символическое выражение вытесненных мотивов – здесь сказывается тот же воинствующий детерминизм, что и при трактовке сновидений; наивно звучат сегодня рассуждения об интоксикации организма половыми гормонами при неврастении.

Не следует, однако, забывать, что Фрейд отталкивался от своей клинической практики, в которой неврозы, обусловленные сексуальными конфликтами, занимали значительное место среди представительниц «среднего класса» процветающей Вены. Но еще важнее другое. «Пансексуализм» не помешал Фрейду понять, что в основе неврозов лежит внутренний мотивационный конфликт и вытеснение социально неприемлемого мотива из сознания, а это открытие определило развитие учения о неврозах на протяжении всего последующего столетия и оказало сильнейшее влияние на культуру. Фрейд впервые показал, что единые закономерности, определяемые сложными отношениями сознания и бессознательного, работают в бодрствовании и во сне. Предлагается блестящая по точности формулировка: «Здоровый человек является потенциальным невротиком, но сновидение – единственный симптом, который он способен образовать» (с. 308).

Мысль Фрейда постоянно развивается, и вот уже представление о сексуальных мотивах трансформируется в гораздо более широкое понятие – либидо, которое выступает как символ жизненной энергии. При таком понимании уже резко расширяется база для трактовки развития невроза. Невозможность реализовать либидо, понимаемое как жизненная энергия, – это уже прямое предвосхищение некоторых современных теорий неврозов и психосоматозов. Действительно, когда Фрейд говорит о сексуальном удовольствии от функционирования органов, от любого проявления жизнедеятельности, становится очевидно, что термин «сексуальность» – это часто только излюбленная метафора. Но понимание сексуальности как метафоры не отделено Фрейдом от понимания сексуальности как биологической реальности, и это нередко затрудняет восприятие текста.

Интеллектуальная смелость Фрейда проявляется и в том, что он не уклоняется от вопросов, к решению которых окончательно не готов. Так, из общей концепции логически вытекает, что сопротивление вытесненному оказывает «Сверх-Я», которое противостоит бессознательным эгоистическим побуждениям, олицетворяет совесть и, следовательно, должно быть атрибутом сознания. Но клинический опыт психоанализа показывает, что сам

процесс вытеснения осуществляется бессознательно, а это, в свою очередь, неумолимо приводит к выводу, что «Сверх-Я» может функционировать бессознательно. Возникает, на первый взгляд, парадокс логического и вообще сколько-нибудь разумного объяснения – бессознательный атрибут сознания. Фрейд идет на признание такой возможности, ибо такова логика анализа.

И только теперь появились некоторые предпосылки для решения этого парадокса. Они связаны с новыми представлениями о динамике отношений между образным и логическим мышлением, представлениями об образе «Я», который формируется в большой степени под влиянием осознанных установок, но, как и любой целостный образ, не может быть до конца осознан. Руководимый общим представлением о природе душевной жизни, в справедливости которого он был убежден, Фрейд смело совершал скачки через логические пропасти и разрывы.

В заключение мне хотелось бы остановиться на разбросанных по всей книге замечаниях, показывающих понимание Фрейдом науки и научной этики.

«Признаком научного мышления... является способность довольствоваться лишь приближением к истине и продолжать творческую работу, несмотря на отсутствие окончательных подтверждений» (с. 29).

«...Во время своей работы я модифицировал свои взгляды по некоторым важным вопросам, менял их, заменял новыми, о чем каждый раз делал публичные сообщения. А каков результат этой откровенности? Одни вообще не узнали о внесенных мною самим поправках и еще сегодня критикуют меня за положения, которые давно не имеют для меня прежнего значения. Другие упрекают меня в этих переменах и считают поэтому ненадежным» (с. 155).

Давайте же не уподобляться ни тем, ни другим, и прочитаем этого гениального конкистадора от науки внимательно, с полной душевной открытостью и готовностью к пониманию.

Природа, 1990, № 6.

О психоанализе¹

М. К. Мамардашвили

Здесь много путей, по которым можно пойти и многочисленные проблемы возникают, они возникают в связи с психоаналитической революцией. Из них я возьму лишь те, которые относятся к характеру аппарата психоанализа, концептуального аппарата. Коротко помечу одну основную особенность этого аппарата. Она состоит в том, что аппарат психоанализа носит в самых существенных своих моментах и решающих мысленных связках *символический* характер, что и является источником многих недоразумений. Поскольку психоанализ, родившись на рубеже веков, родившись в рамках традиционной культуры позитивного научного знания, в том числе и эволюционистского, биологического и т.д., ассимилировался согласно интеллектуальным навыкам, навыкам классической науки XIX века. Ассимилировался он также и в культуре, согласно наглядному языку и предметному языку, который обычно в культуре всегда циркулирует; преобразовывался согласно устоявшимся и до психоанализа существующим традициям и теориям. Скажем, теориям биологической науки или психологической науки, неврологии и т.д. И основное новое понятийное содержание психоанализа, роднящее его скорее с такими явлениями в научной культуре XX века, как теория относительности, квантовая физика, ускользало от внимания. Тем более что появление психоанализа было некоторым шоком для почтенной, буржуазной в классическом смысле этого слова, культуры (ну, если под словом «буржуа» понимать этимологический смысл этого слова, а не чисто классовый), имея в виду определенную этику, определенную традицию и прежде всего этику такую, которая ряд явлений человеческого поведения и психики, и сознания исключало по цензурным соображениям из поля своего внимания и из объектов возможного разговора. Последняя причина, уже в основном не действует в западной культуре, но продолжает действовать в российской культуре, где всякий разговор о психоанализе, независимо от содержания, блокируется просто цензурой нашего привычного российского сознания. Я имею в виду не какую-нибудь внешнюю цензуру, а саму структуру нашего языка, на котором мы говорим, наших мысленных привычек, где мы все явления, связанные с сексуальной жизнью, стыдливо избегаем и не имеем даже языка, чтобы говорить о них, если бы даже захотели и нам разрешили бы о них говорить. Ну, скажем, в русской литературе, по ее традиции трудно себе представить хорошее в смысле художественном, эротическое описание. [Оно] почти что невозможно, просто по свойствам самой языковой традиции, которая пока еще устойчива и не склонна к каким-либо изменениям, или во всяком случае ее трудно допускать в свою толщу. Очевидно, что такой хулиганский характер психоанализа, как он был воспринят почтенной культурой начала XX века,

¹ Лекция, прочитанная 24 февраля 1980 г. в г. Тбилиси. Публикация Ю. П. Сенокосова.

был не основной причиной недоразумений связанных с ним. В основном недоразумения шли, конечно, не от тех, кто отталкивался от психоанализа, не принимал его, а от тех, кто принимал его. И принимали его как замечательное, манящее, дразнящее открытие тайных глубин человеческого существа, каких-то слоев, лежащих на уровне той связи, которая связывает воедино и человека и весь остальной животный мир, и в которой под внешним благополучием, благополучным сознанием содержатся чудовищные вожделения. Какие-то «ночные чудовища», которые при свете дневного сознания скрываются и не видны, а ночью сознание, будь то сон или безумие, заболевание, — с «ночью сознания» они выходят на поверхность. И теория Фрейда казалась прежде всего разоблачительной теорией, [которая] вводит высшие проявления человеческого духа, помеченные знаками самых высоких ценностей, [и] сводит их к человеческому «низу». И во-вторых, [она] была понята как теория, воспевающая силу инстинктов, прежде всего самых сильных человеческих инстинктов, конечно, сексуального инстинкта, потому что это инстинкт, структурированный вокруг продолжения человеческого рода, и тем самым самый сильный из них. И вокруг этого была построена масса романтических представлений о том, что нужно освободить инстинкты. То есть одни кричали, что нужно освободить, а другие кричали, что их нужно загнать назад, что не нужно выпускать их из этого ящика.

Короче говоря, фрейдовская теория была понята как биологическая теория, и новизна психоанализа состояла якобы в новизне взгляда на человеческое существо, в котором оказался важным не «верх», а «низ». Все это, на мой взгляд, гора недоразумений. У самого Фрейда, конечно, присутствовали, в силу привычек его [как] позитивного ученого XIX в., чисто эволюционистские биологические представления о человеке. Можно найти ряд экскурсов такого рода у Фрейда. Сама структура ассоциаций и запас слов, вступающих в эти ассоциации у Фрейда, был чисто позитивистским. Конечно, в этом позитивистском свете он сам некоторые вещи осмыслял так, что давал повод для подобного рода истолкований, о которых я говорил. Но психоаналитическая работа, проделанная Фрейдом, сначала на себе, а потом оформленная в виде школы или секты врачей, которые особым образом посвящались в эту секту, поскольку Фрейд проделал на себе так называемый дикий психоанализ, то есть первичный психоанализ, потом запретил, то есть в этике психоанализа содержится запрет так называемого дикого психоанализа, — психоаналитиком может быть только тот человек, который в свою очередь подвергся психоанализу другим человеком, уже практикующим психоаналитиком; появление этой странной вещи, называемой психоанализом, было действительно революцией в интеллектуальном инструментарии, которым мы располагали к началу XX века. Есть ряд особенностей этой революции, которые роднят психоанализ в плане онтологических или философских проблем с аналогичными какими-то сдвигами и смещениями, происходившими вообще в науке и способе

мышления в XX веке. Я возьму один основной стержень, вокруг которого я попытаюсь дальше рассуждать.

Стрежнем является следующее простое различие, которое позволит мне взять из Фрейда то, что мне кажется [интересным]. Я могу, естественно, ошибаться, но мне кажется самым интересным в философском отношении у Фрейда и вообще в психоанализе различие между физическими явлениями и сознательными явлениями. В каком смысле? В одном фундаментальном смысле. Вся современная наука, называя современной наукой ту, которую мы унаследовали к началу XX века, покоится на резком утверждении, что для нас постижимы, научным образом могут быть воспроизведены, и, следовательно, обладают рациональной структурой, определенного рода явления, имеющие место в природе, в мире. Это — физические явления. Явления же, которые связаны, и мы знаем об этом, и этого нельзя избежать, с понятиями о первых, то есть о физических явлениях, и которые сопровождают любую нашу возможность проникнуть в физические явления, эти явления, называемые сознательными, то есть вот те, которые сопровождают анализ физических явлений, они в принципе не укладываются в ту же самую картину мира, которая рисуется точной наукой или физикой, и не поддаются рациональному анализу. То есть научно мы знаем в мире о том, о тех явлениях, которые физически в нем имеют место, и мы не знаем научно о тех явлениях, которые несомненно имеют место в мире и которые являются сознательными явлениями. Сознательные явления характеризуются, в отличие от физических процессов и действий, имеющих место в мире, прежде всего [тем], что все сознательные действия связаны с индивидуализацией действующего агента или предмета, объекта действующего. Он индивидуализирует себя в самом этом действии, и, во-вторых, экранирует себя. Этот экран называется сознанием. Такие явления в физическом мире не встречаются. Они встречаются в мире сознания. Вот это самое грубое различие. Так вот, значит, об одних мы знаем научно, можем в них проникать, а вторых мы не знаем научно, в силу свойств индивидуализации и экранизации.

В этом заслуга Фрейда, и на этом основывается резкое различие, вернее, даже не различие — разрыв между физическими науками и науками о сознании. Этот разрыв до сих пор наблюдается. Мы не умеем еще в одном гомогенном языке, то есть таком языке, который выполнял бы правила однородности, которые требуют от него физика и математика, мы не можем в языке, который оставался бы однородным, говорить одновременно о физических и сознательных явлениях. О чем, кстати, свидетельствуют некоторые забавные парадоксы в квантовой механике, где особым образом стоит проблемы сознания. Так вот, заслуга Фрейда была в том, что он был первым в XX веке, кто попытался ввести сознательные явления в область научного рассмотрения. То есть в область такого рассмотрения, где [об обоих этих явлениях], сознательность которых не отрицается, не элиминируется и не редуцируется, можно было бы говорить объективным и контролируемым образом. Тем самым я хочу сказать, что в действительности основной

проблемой психоанализа является не бессознательное, а сознательное. То есть сознание стало проблемой. Здесь под проблемой имеется в виду нечто, над чем начинают ломать голову и это ломание головы продуктивно, то есть приводит к каким-то результатам, новым понятиям и к новым представлениям. Фрейд сделал шаг к объективному анализу сознательных явлений, открыв явления, которые было бы можно назвать смешанными явлениями или явлениями третьего рода. Я сказал, что есть физические явления в составе мира и есть сознательные явления в составе мира, а оказалось, что есть еще и смешанные явления в составе мира. И вот это выявление смешанных явлений, или явлений третьего рода, и выработка соответствующих методов анализа такого рода вещей, произвела некоторые преобразования во всей классической методологии физической науки, поскольку под физической наукой я понимаю всякую науку. В той мере, в какой она наука, она физика. Что я имею в виду?

Я начну тогда с простого примера, чтобы как-то лучше двигаться. Введем сначала одну посылку. Ход, вот к этим явлениям, о которых я говорил, начинается с того, что появляется и реализуется идея, что в самом сознании, не выходя за рамки сознания, возможны и существуют, действуют неконтролируемые неявные механизмы и зависимости. Не те, которые вне сознания лежат и на сознание действуют, трансцендентные сознанию, нет, в самом сознании есть неявные механизмы и зависимости.

Пример к введению вот этой посылки, которую я пока ввел кратко и не разъясняя. Один джентльмен, [которого], очевидно, (как потом окажется или оказалось) возмутило какое-то явление или обстоятельство, событие, сообщая о котором другим, сказал, по-русски говоря, так: обнаружилось какое-то обстоятельство или выступило какое-то явление. По-немецки это *zum Vorschein kommen*. (*Vorschein* — значит, выйти на передний план, выйти на сцену.) Это стандартная стилистическая конструкция в немецком языке. Употребляя ее, чтобы сказать о чем-то, о каком-то явлении, на которое [джентльмен] хотел обратить внимание (при чем он не собирался высказывать никакой оценки этому явлению, он просто формально говорил о том, пользуясь этим стилистическим построением, что вот явление появилось, оно имеет место, выступило на передний план), он сказал: *zum Vorschein gekommen ist*. Ну, «швайн» вы, конечно, знаете. Всякий школьник, начавший учить немецкий с третьего класса, знает, что такое «швайн». *Zum vorschwein...* это так называемый *lapsus linguae*, который Фрейд первый и изучал. *Lapsus linguae, lapsus calami*, то есть описки, оговорки и т.д. Такой вот «монстр». Такого слова в немецком языке не существует. Есть *Vorschein*, есть *Schwein*, а вот такого чемоданного слова *Vorschwein*, которое имело бы еще смысл, такого слова не существует. Это совмещение нескольких слов, но живущих своей определенной жизнью. Какой жизнью? Жизнью симптома. Вот это показывает, что, в действительности, не зная и не отдавая себе в этом отчета, думал человек, произнося эту фразу. Он считал, вот то, о чем он хотел сказать, большим смыслом, и он это и сказал. Вернее, не он сказал, это сказалось. Значит, мы имеем здесь две вещи. Значит, нечто, что говорится

помимо или через прямо говоримое, отличается от этого прямо говоримого. Следовательно, мы имеем некоторые прямые аналитические объекты мысли и имеем какие-то другие косвенные объекты мысли, которые высказываются через первые, отличаются от них и, в-третьих, являются действительным содержанием первых. То есть действительным содержанием сказанного аналитически прямо, ясного содержания сознания, было другое, скрытое содержание. И проблема, раз она существует, состоит в том, чтобы нам уметь его обнаруживать. А ведь можно и не уметь, потому что описки, оговорки были известны давно, они считались просто мусором, отходным материалом, сбивом в общем нормальной работе психического аппарата. То есть случайностями, которые бывают при всяком процессе и в котором можно участвовать. А взять эту случайность как нечто существенное и сквозь нее увидеть что-то — это было как раз заслугой Фрейда. Так же мы со счетов сбрасываем сны, как такие неупорядоченные, сбивчивые формы работы нормального сознания. Ну, просто мы спим, и сознание вытворяет там неконтролируемо все, что угодно, и это все не имеет значения. Отходный, побочный продукт. Нет, наоборот, Фрейд все это переворачивает.

Теперь я хочу обратить внимание на следующее обстоятельство, что *Vorschwein* — это монстр, то есть особый предмет, имеющий материальную форму. При этом это предмет абсурдный, не существующий. То есть он не существует по нормам языка. И во-вторых, как я говорил, он что-то выражает. Другой такой же пример каких-то образований, которые существуют в физической материальной форме.

Джентльмен предлагает даме проводить ее, по-немецки это *begleiten* — провожать, а есть в немецком языке еще другой глагол — *leidigen* — наносить ущерб. Ну, и предложения проводить даму, редко бывают невинными, хотя те другие соображения, которые за этим есть, тоже не стоит порицать. Просто они не высказываются прямо, а высказываются в виде предложения даме руки, дама пока еще «без сердца», но вот — «проводить даму». И он сказал ей: разрешите мне вас *begleiden*. То есть там соединился *begleiten*, один глагол, с другим — *leidigen*, и образовался третий глагол, монстр, не существующий в немецком языке и тоже поддающийся анализу. То есть поддающийся анализу по типу, что это выражение, в котором высказалось действительное состояние мыслей человека, сделавшего эту оговорку. И вслушавшись в то, что она говорит, мы понимаем, что подсознательно этот молодой человек определенным образом оценивал сам свое предложение проводить даму. Он считал свое предложение наносящим ущерб даме. Теперь сделаем еще один шаг.

Такого рода образования распадаются, не живут долгой жизнью. Они именно оговорки или описки. Но представьте себе, что такими же могут быть другие предметы, которые и есть вот те предметы, которые требуют, поддаются и являются предметом психоанализа. Вот, скажем, я обращаю внимание для начала на такую вот монструозную сторону этих предметов. Но хотя в литературном творчестве, вы знаете, что могут [быть] специальные образования, которые живут литературной жизнью и остаются в

литературном языке, так называемые «чемоданные слова», где вот эта штука делается вполне сознательно в поисках художественного эффекта. Я даже сам в свое время придумал такое чемоданное слово — «холостяпа». Понятно, из чего состоит оно или?.. Растяпа и холостяк — холостяпа. Седин был один из великих (я имею в виду [Луи]-Фердинанда Седина, французского писателя), мастеров по сочинению такого рода слов-чемоданов, очень выразительных. Скажем, наблюдая сограждан своего города, которые в порыве патриотизма организовались в нечто [вроде] национальной гвардии и маршировали с какими-то повязками по городу и патрулировали, он обогатил французский язык новым словом. Он назвал их *patriottrouille*. Потому что есть два слова во французском языке: *patriote* — патриот, такое же как в русском, и патруй, но по-французски *patruille*. Как раз очень выразительно, и есть эффект, и понимания, и эффект художественный.

Я хочу сказать, что реально в нашей психической жизни существуют ходячие и долго живущие — в отличие от обмолвок — иероглифы, где материальное тело совмещено со смыслом. И сам иероглиф не имеет с другой стороны постижимого рационального смысла, прямого аналитического содержания сознания, ясного для самого себя и выражаемого им. Вот, скажем, в некоторых психозах, как Фрейд показывал, вот таким вот монстром является, например, особый блеск или лоск, или нет, как сказать, лоснящийся [нос]. По каким-то причинам какие-то смыслы, реальные психические смыслы сцепились или зацепились за этот предмет, упаковались в нем и живут в нем, порождая некоторые патогенные действия. Но это не обязательно. Такого рода явления имеют более широкое в нашей сознательной жизни место и не всегда порождают патогенные явления. Я оговаривал с самого начала, что психоанализ — это тогда, когда такого рода вещи порождают патогенные эффекты. Чтобы расширить поле ваших возможных ассоциаций (а я именно движусь так и вовсе не собираюсь вам никакого догматического содержания передать, которое вы записали бы, запомнили, и это было бы какой-то системой знания, в данном случае о психоанализе это все пустое дело), я приведу вам пример из области, где этот факт, родственной психоанализу, но в то же время отличный, потому что без патогенных последствий, использовался для художественного эффекта, и причем как весьма содержательный и гениальный новаторский литературный метод в XX веке. Я имею в виду Марселя Пруста, и просто хочу вам сказать, что вот пирожное Мадлены, называемое «Мадлен» — разновидность пирожного, или плитка от тротуара Венеции — это ведь структура та же самая, о которой я вам сейчас говорю. Наложите образ обмолвки на это, то есть, имея в виду вот это вот, во-первых, некоторое какое-то физическое существо, ну, физическая форма слова, и в нем упаковано, уложено что-то. И это все вместе — монстр, абсурдно. Поедая в зрелом возрасте, (сомнительно в зрелом возрасте, потому что для слишком зрелого возраста Пруст не дожил) пирожное, Пруст вдруг мысленно и в памяти своей вот сейчас, вот здесь вступил в страну детства, для него зазвучала масса вещей, звуков и запахов, которые никакого отношения к пирожному «Мадлен» не имели, которые когда-то, когда он их переживал, он

хотел бы их запомнить сознательно, но потом, как он прекрасно понимал, — и на этом основывался его метод, вот эта идея «потерянного времени», — наша память работает совершенно иначе. Мы можем хотеть запомнить впечатление, а оно как раз избежало нашего сознательного усилия и упаковалось произвольно в какой-то предмет и в нем осталось. Вот целая страна упаковалась в пирожное, которое он ел в детстве в саду и на террасе целыми образованиями, смыслов, представлений, которые требовали додумывания, которые еще не были ясны самому субъекту; они так сработались, вложились в пирожное. Так же, как (и я сейчас дам другую ассоциацию) какие-то смыслы уложились в «лоснящийся нос», который потом стал навязчивым, повторяться в снах, диктовать формы поведения и даже языковые формы. Когда человек даже стал изобретать себе фамилию, воображаемую биографию, где есть персонаж по фамилии Глянц. А Глянц — это как раз — блеск, лоск и т.д.

Так вот, значит, мы имеем предметы: пирожное — словесная вещественная форма в случае тех вот, которые я приводил, которые есть вещи совершенно особого рода. Я их как раз и называю вещами третьего рода. В них упаковано что-то, что переживалось, не было понято или было неправильно понято и ушло в эту вещественную монструозную форму. Что происходит потом? А потом происходит, по каким-то причинам, просто спонтанно, а у Фрейда посредством определенным образом организованной и контролируемой методики, раскалывание формы, высвобождение прошлого и понимающее его переживание. То есть другой сознательный опыт, в котором — что происходит? — в котором расцепляется предшествующее сцепление. В этом и состоит весь метод Фрейда. Как лечиться и что лечить? Лечатся вот эти монстры, имеющие патогенные следствия, но лечатся путем активного переживания нового сознательного опыта, который смог бы расцепить вот это сцепление и эту упаковку. Здесь, кстати, скрыта очень важная черта психоанализа как теории, которая отличают его от классического вида теории. А именно, что у всех классических теорий есть всегда какой-то заранее заданный объект или область объекта, которая может быть дана путем определения или перечисления как заранее готового множества. И в этом смысле теория есть картина этих объектов или этого множества, в которое, повторяю, может быть введено даже определение. Психоанализ такого объекта не имеет и это часто вызывает недоразумение, и поэтому психоаналитиков часто обвиняют в шарлатанстве, что это не наука, потому что понятия и эксперименты не воспроизводимы, то есть самым основным свойством научного эксперимента не обладают. То есть не могут быть повторены и воспроизведены другим исследователем в другом месте и в другое время и т.д. Но дело в том, что такие упреки всегда предполагают, что это теория в обычном смысле этого слова. Это не так. И, кстати говоря, это не новинка, потому что уже Людвиг Витгенштейн в свое время говорил, что (чувствуя очевидно эту особенность некоторых теоретических построений, причем, не психоаналитических вовсе, а в математике, в физике) есть такие теории, которые похожи на лестницу. Мы лестницей пользуемся, чтобы

подняться, скажем, на чердак или на второй этаж, но ведь мы, когда пришли туда, куда шли, не тащим за собой лестницу. Мы ее можем отбросить. Он имел в виду, следовательно, некоторые теории, которые есть построения, посредством которых мы куда-то приходим и которые, следовательно, могут не храниться вовсе, как картина независимо от картины существующего предмета, который дан был бы как нечто готовое. Короче говоря, если мы построим определенную процедуру, которая переключит нас на какой-то другой регистр сознательного опыта и в котором произойдет то, что я говорил, скажем, расцепление вот этих вот связок, замыкание на вот эти особые вещественные психические образования, то что мне потом описывать и о чем иметь теорию? Нечего. Только есть одно, и вот здесь я впервые ввожу намек на то, что я обещал вам с самого начала, а именно на символический характер аппарата психоанализа. Действительно, самых решающих его понятий. Тогда оказывается, что понятия (и в психоанализе это именно так), относятся не к описанию предметов, прежде всего, а задают и описывают условия определенного рода работы с этими предметами. И за этим вот косвенным или символическим характером психоанализа стоит другая черта, о которой я скажу позже, и [которая] является собственно основанием этого качества или свойства психоаналитической процедуры. Что здесь скрывается за вот этой теорией, — одно свойство, [о] котором я уже говорил и которое направлено на эти особые монстры нашей психической жизни? А эти монстры живут своей, описуемой объективно жизнью, и являются одним из примеров неконтролируемых и неявных зависимостей и механизмов в нашем сознании. Почему в сознании, а не в бессознательном?

Это я объясню, зайдя в рассуждениях с другого конца, чтобы пояснить одновременно и философско-онтологическую проблему, скрытую за этой проблемой сознания, вернее, этой проблемой употребления термина сознания вот в такого рода случаях. В классической науке физические процессы описываются, грубо говоря, в перспективе некоего абсолютного наблюдателя. Общеизвестно, что это так, но академик Фок это выражал следующим образом. То есть, поскольку он не философ, он имел право так говорить, а мне придется это перевести на философский язык. Он говорил так, что классической физике свойственны некоторые абсолютизации наблюдения физических процессов. Речь, конечно, идет об абсолютном наблюдении, допущении абсолютного наблюдения. Вот, я, сейчас сразу грубо иду к психоанализу, опуская многие звенья. Ведь отдайте себе отчет. Как мы анализируем сознание? Мы всегда предполагаем, что есть, нам известны каким-то путем предметы вне этого сознания и мы сопоставляем сознание с этими предметами. Ну, простая вещь. Вот это факт, что передо мною сидит девушка, а рядом молодой человек. Есть факт: различие полов. Но в действительности, и из-за этого весь сыр-бор загорелся, что именно называть фактами, это является фактом в той перспективе, которая является внешней перспективой абсолютного наблюдения. Потому что исходным тезисом психоанализа (и сейчас я поясню, что я имею в виду, все сразу

станет понятно) является следующее: не высказываемый тезис, но пронизывающий весь психоанализ и являющийся ядром всего этого дела, что различие полов не является фактом психической жизни человеческих существ. Различие полов является фактом только тогда, только в том смысле и только для того, кто узнал это различие. А *факт* не существует в том смысле, что ребенку нельзя передать знание. Знание ведь существует, что один ребенок мальчик, а другой — девочка. И эта разница не существует и передать знание о ней невозможно. Эти факты, все опыты наблюдения психиатрические и т.д. и другие, показывали одну очень «страшную» вещь, что разница полов, чтобы с ней жить как с фактом, должна быть сначала воображена. Вот тогда она становится фактом. Физическим фактом. То есть, что события или факты происходят одновременно не только в пространстве внешнем субъекту, а одновременно во времени смысла и понимания. Оказывается, что ребенок должен открыть для себя этот факт, который станет фактом после особой работы воображения и фантазии. Все дети, оказывается, являются, ну, не философами, а сочинителями особого рода. Без фантазмов, оказывается, нет физического факта. Или фактом является то, что получило смысл, проработалось во времени смысла и понимания. Дети сочиняют теорию происхождения. Вот, скажем, знаменитый комплекс кастрации есть отложение в психической жизни и в истории индивидуального сознания интенсивной работы, которая проделана ребенком, чтобы установить, посредством этой работы, факт тот, что у одного существа, простите меня за выражение, выпуклость, а у другого существа — впуклость, или ничего, дыра. Как это, что это? Откуда это? И в психоанализе это обозначено, например, таким термином — «комплекс кастрации». Обычно понимают так, что дело в том, что психоанализ предполагает реально в человеческом существе некоторые позитивные качества или свойства... какие-то вещи, которые мы потом, *post factum* в психологическом наблюдении называем качествами или свойствами. Вот, скажем, человек скуп. Фрейд показывает (потом это вошло даже в расхожие литературные описания, например, это у Сартра в новелле, вернее, даже повесть это, «Шеф» или «Вождь», или я не знаю, как она переводилась на русский), что такое скупость. Это означает, что какие-то смыслы неотъемлемые от данной психики, потребности духовные и т.д. замкнулись на отношении к деньгам и стали осуществляться и реализовываться через что-то, не имеющее к ним в прямом смысле никакого отношения. Точно также Фрейд показывал, что такое галлюцинация. Бессмысленно галлюцинацию, также точно как различие полов у детей, сопоставлять с фактом. Ведь ты не можешь ребенку сказать, что ты мальчик, а это девочка. Это не имеет значения. Также как человек, у которого галлюцинация, вы не можете ему сказать, послушай: «розовых слонов» не существует, тебе кажется это. То есть методика Фрейда и философия фрейдовская выпадает из различий «истинно — ложно». В каком смысле выпадает? А просто, если видение розового слона выполняет какие-то другие смыслы, то это видение реально. В смысле, оно не может исчезнуть от указания на внешнюю в аб-

солотной перспективе наблюдения реальность, в которой нет розовых слонов. Чтобы иметь дело с розовыми слонами, как действительным предметом, скажем, психоаналитического лечения, нужно выявить ту реальность, в которой эти слоны существуют, как носители или замыкатели на себя каких-то других смыслов. То есть пирожное «Мадлен», которое уложило в себя цветы и запахи и краски пейзажа, никакого отношения к пирожному не имеющие. И если [розовые] слоны оказались таковыми, то вы не снимете их никакими рассуждениями, поучениями, указаниями, тыканием пальцем на реальность, свободную от розовых слонов.

Значит, вот эти вот третьи или смешанные вещи есть реальные события, которые случаются не только в физической действительности, но одновременно в пространстве и времени смысла и понимания. Следовательно, они не есть события в абсолютном смысле этого слова. Точно также как разница полов не есть абсолютный факт с точки зрения анализа такого рода вещей, о которых я только что говорил. С несообщаемостью знания мы сталкиваемся очень часто, но просто не даем себе в этом отчета. Ведь то, что я называл классической процедурой анализа, свойственной физической науке, как она и по сегодняшний день работает, предполагает существование такого пространства наблюдения, по всем точкам которого знание переносимо. Я могу всегда оказаться в другой точке, в которой кто-то наблюдал что-то, и воссоздать рефлексией и т.д. процесс этого наблюдения, повторить его. Так ведь? Так. Хорошо. Ну, тогда вы мне скажите: а как быть с вещами, которые таковы, что существенно важен и неустраним сам эмпирический факт их случая? Что они должны быть или не быть. Ну, скажем, вы можете сказать, имея опыт, вам, допустим, 40 лет, а тому, кому вы говорите, ему 16, и он впервые влюбляется. И вы хотите передать ему умные и опытные знания, вообще,— как себя вести в такого рода случаях. Не [передается] это знание. В ту точку, там, где человеку 16 лет, не перелетается. Так же, как ребенку (я подчеркиваю сходность случая), вы не передадите знания, что он мальчик, а вот девочка, и что это значит. Нечто *становится* фактом, а не является фактом. Фактом просто самим по себе. То есть нечто становится фактом после актов смысла и понимания. Я ведь повторяю, вот эта вот классическая процедура предполагает, что знание передаваемо по всем пунктам, точкам пространства наблюдения. Психоанализ от этой посылки отказывается. Отказывается, по одной простой причине. И сейчас я выхожу к очень важному обстоятельству в характере психоанализа. Если мы призадумаемся, мы поймем, что не только есть проблема, что нужно, чтобы какие-то чувства были пережиты, реально, эмпирически имели место, и их нельзя заменить знаниями об этом, а это событие в мире: переживаемая любовь, эмоция, но не только эмоция — это, казалось бы, ничего не значит, это простая банальность, а акты понимания, например? Ведь вы поймите, и мы это прекрасно знаем, просто не задумываемся над этим, ведь понять-то ни за кого нельзя. И в этом смысле знание ведь не передаваемо. Вообще, в принципе, в обучении. Мы можем максимально детерминистически организовать процесс обучения, определить

каждое звено, каждый шаг, но когда доходит до головы, куда знание должно перелиться, там будет неминуемый зазор. Ваша цепь обусловливания не дойдет до конца, потому что *он* должен понять. И ничего с этим не сделаешь. Он должен понять. То есть всегда предполагается некоторый дополнительный и спонтанно на собственном основании существующий акт, который все это дело сопровождает, существование которого для определенных проблем мы можем не учитывать, а для каких-то проблем не можем не учитывать. И я тогда, чтобы замкнуть сразу все эти ходы, приведу одну простую цитату, известную вам из совсем другой области. Из квантовой физики. Я имею в виду слова гениального, удивительно пластичного по образу мыслей физика — Нильса Бора, который пытаюсь пояснить своим оппонентам и окружающим людям, что, собственно, за дело, что это за *дополнительность* и вообще все эти проблемы, и делая это в общем-то не очень то уклюже и т.д., но с большой, как мне кажется, ясностью тем не менее, (это казалось бы парадоксально, что ясность не может быть неуклюжей, а ясность как раз она самое неуклюжее явление, какое только может быть, какое только есть), говорил, что в ряде случаев мы имеем дело не с объектами, над которыми мы можем ставить эксперименты, а с проявлениями действий той же самой природы, к которой принадлежит сам экспериментатор. Грубо говоря, это и есть область самого психоанализа, то есть психоанализ в своих проблемах, а именно, в проблемах созревания человеческого существа. То есть предметом психоанализа является детство. Это не общая психологическая теория, не тем более какая-нибудь идеология. Психоанализ имеет один единственный узкий предмет. Он имеет следующее. Он говорит: на определенном рубеже, грубо — с двух до шести-восьми лет — происходит такая-то работа. Она иногда создает таких монстров, которые имеют патогенные действия. Они уходят, эти монстры, скрываются, не видны, а патогенные действия мы наблюдаем. Мы должны иметь метод реконструкции и нахождения этих монстров. В предположении, что и почему именно они, или на них зацепились, какие-то жизненно важные смыслы, психические смыслы Данного человеческого существа. И, во-вторых, и сейчас я снова возвращаю вас к Бору, то, что здесь будет происходить при анализе и при лечении (то есть анализ и терапия неразделимы в психоанализе — не существует психоанализа вне практики, вне терапии), — это не исследование глубин бессознательного, которое лежало бы, как скрытый ящик лежит в столе, а (и это опять Бор прекрасно понимал, потому что он столкнулся с аналогичными вещами в физике, это отношение чисто структурно, методологически, а не по содержанию), мы имеем дело не с исследованием чего-то, а с новым сознательным опытом. То есть не с объектом, над которым мы можем поставить эксперимент, а с проявлением действия природы, к которой принадлежит сам наблюдающий и экспериментирующий субъект. И проблема в том, чтобы заново, в новом сознательном опыте пережить то, что когда-то пережилось неадекватным или непонятным образом, ушло и уложилось в какие-то вещественные сцепления и получило какую-то самостоятельную жизнь.

Вот отсюда понятно, что эти явления, которые принадлежат к проявлениям действия природы, к которой принадлежит сам же экспериментатор, они, во-первых, их эмпирическое наличие или отсутствие, не заместимы. Они происходят внутри исследования, а не в объекте, который исследуется. Это очень важная вещь. Они внутри исследования, во-вторых, индуцируются. То есть фактически то, что называется новым сознательным опытом, есть максимальная организация такой индукции, чтобы внутри этой индукции, в какой-то точке, к которой мы не приходим непрерывным движением, также как [к] вашей голове я не могу прийти непрерывным движением, там стоит зазор, за которым вспыхивает акт понимания. Но до зазора этого можно доходить грамотно или неграмотно. Так вот, психоанализ есть организация вот такой вот индукции. Но вспыхнуть опыт должен сам. Отсюда все эти сложные проблемы взаимоотношения между пациентом и врачом, где, естественно, психоаналитик пытается организовать свое общение так, что он ведь не врач, он имеет дело не с предметом, о котором он знает то, что сам пациент-предмет не знает. Ведь физические предметы на нас не обижаются, когда мы предполагаем, а именно это мы предполагаем, и это есть собственно знание, что такое знание о физическом мире — знание о чем-то, что само этого знания не имеет. Так ведь? Мы предполагаем, что пациент для психоаналитика — это открытая книга, открытая путем исследования (конечно, сама по себе любая книга закрыта, ее нужно открывать), о которой он знает, например, что в действительности думает пациент. Что в действительности хочет пациент? А пациент не знает, ни что он думает в действительности, ни что он хочет и т.д. И он, то есть врач, производит с ним какие-то магические операции и передает фактически эти знания. Но, во-первых, оказывается, что вообще не должен быть так называемый трансфер, то есть [должна] возникнуть ситуация реального переживания и реального общения между врачом и пациентом, совсем не врачебного, а человеческого. Ну, также как вот шестнадцатилетний человек должен реально проиграть все стадии любви и обмана. А любовь, по определению, иллюзия. Это не оценка любви, а содержание любви. В лечении это все должно совершиться. То есть врач должен занять в психике пациента определенное место, определенного существа, на которое могут быть перенесены глубочайшие привязанности, влечения и инстинкты. И все это должно быть разыграно в ходе психоаналитического лечения, которое может длиться годами. И, следовательно, мы имеем дело с такими ситуациями, относительно которых мы не имеем никакой заранее данной истины. Мы имеем дело с ситуациями, которые есть организация, или машины, построенные так, чтобы что-то произошло. А может и не произойти. Передаваемо ли это, коммуницируемо ли это знание? То есть, обладает ли оно чертами и особенностями научного знания? Ведь, хотя в квантовой механике часто приходится иметь дело с индивидуальными явлениями (но особого рода, конечно, не такими, как в психоанализе), но тем не менее индивидуальными явлениями, но то знание, которое строится о мире, тем не менее однозначно, и может быть во-

спроизведено и повторено другим исследователем или экспериментатором. А в случае психоанализа как? И вот этот вопрос как раз очень сложный.

Ну, с одной стороны, безусловно, это особого рода научное знание и особого рода теория. В той части, в какой понятия этой теории описывают не какой-нибудь предмет, а описывают условия работы с этим предметом, они описывают лишь косвенно. Ну, скажем так, Фрейд когда-то говорил (и это замечание прошло мимо внимания многих слушателей и многих психоаналитиков также), что: «Я, — говорил он, — никогда не говорил о комплексе Эдипа». Хотя, казалось бы, комплекс Эдипа самое основное, что есть в психоанализе. Поймите, ведь, обычно, предполагается, что вот то, о чем говорит психоанализ, есть в человеческой душе, Это, в том числе, и комплекс кастрации, и комплекс Эдипа, и т.д. Или что психоанализ имеет в виду какие-то реальные события, случившиеся в детстве. Ну, скажем, чтобы иметь комплекс Эдипа, нужно хотя бы, чтобы у тебя был отец. Так ведь? Ну, а мы знаем массу случаев, когда люди не имели отцов. Как же быть тогда? И очень часто говорят: а вот смотрите, что значит, чушь такая... потому что предполагается каждый раз, [будто] и Фрейд говорит, и психоанализ вообще говорит о свойствах людей, и о реальных событиях в их жизни. Или, например, вы знаете [что такое] «первичная сцена соблазна», это известное понятие в психоанализе. Это или взаимоотношение мальчика или девочки с взрослым членом семьи, где там дяди, тети, где возникают ситуации первичных эротических отношений, якобы попытка соблазна со стороны взрослого дяди своей племянницы. Или наблюдаемая якобы ребенком сцена полового акта между его родителями. И вот, было это или не было? Значит, можно опровергнуть психоанализ, [если действительно] установить, что *вот этого* не было. Так дело в том, что ни о чем этом психоанализ не говорит. И я снова вернусь к тому, что я сказал, подвесив половину фразы. Я сказал, [что Фрейд] говорил: «Я никогда не говорил о комплексе Эдипа». И добавлял: «Я всегда говорил только о метафоре отца». О *метафоре отца*. То есть он говорил, что понятие комплекса Эдипа относится к работе фантазмирования и воображения, и смысловой трансформации физических фактов, которые еще не являются физическими фактами со стороны субъекта. То есть со стороны ребенка. А и метафора к тому же еще есть вещественное образование. Ведь мы часто чисто духовно относимся к нашему языку. Думаем, что там смысл. А что такое метафора? Метафора — это вещи, заменяющие другие вещи, метафорически заменяющие их. Я говорю лишь о метафоре отца, и оказывается совершенно не важно, был ли реальный отец у этого ребенка или нет. Точно также сцена соблазна, сцена наблюдаемого полового акта — оказывается, что все это структурные элементы вот этой работы психики, которая описывается в этих понятиях, и они воспроизводимы другими исследователями. Потому что каждый раз имеются в виду генеративные, а не отражающие свойства психики. Что я имею в виду. Вот Юнг тоже столкнулся с этим, и из-за этого собственно он и выработал понятие «коллективного бессознательного». Понятие довольно-таки мифологическое. Фрейд, в общем, остерегался такого рода вещей. Он

больше все-таки придерживался ощущаемого им символического характера своего же собственного аппарата анализа. Что имелось в виду? Чтобы пояснить это, я замкну то, что я говорил перед этим простым утверждением. Те события, о которых идет речь в психоанализе, не есть события, которые произошли в индивидуальной истории. Соблазны, отец, кастрация — это все, и т.д. То есть в работе анализа мы не имеем этих событий как реальных событий, найдя которые, мы потом могли что-то объяснить. Точно так же, как скажем, Юнг говорил об этом в связи с анализом биографии, скажем, великих людей и великих писателей. Есть ряд событий, которые имели место в индивидуальной истории и которые имеет смысл найти, потому что они объясняют что-то. А анализ снов и т.д. говорит о том, что какие-то события явны, но они не имели места в индивидуальной истории. Так вот как раз об этом и идет речь в психоанализе. Речь идет о том, что какие-то явления, описываемые в понятиях психоанализа, имеют структурное, а не реальное происхождение в истории какого-нибудь субъекта. И, следовательно, наоборот, описание и выявление такого рода структур есть теоретическая работа, вполне воспроизводимая и сообщаемая. Но там есть одно все-таки, в психоанализе не воспроизводимое и не сообщаемое. Может быть, так же, как вообще не воспроизводим и не сообщаем ум. Простое понятие нашего обыденного языка, которое мы почему-то забываем, когда рассуждаем о мышлении и сознании, можно описать в виде определенных структур и т.д. Ну, скажем, можно описать структуру мышления как-то; есть еще, что никогда не входит в описание структуры мышления, например, логикой. Есть ум, или, как говорил Кант, способность суждения. Ум, или способность суждения. Вот все есть, но нужна способность суждения увидеть это — ум. Я не случайно это говорю, потому что я веду к следующему. Я еще один момент, последующий шаг сделаю на уровне обыденного смысла. Как вот, что вы думаете о профессии врача? Вот врачей учат, несомненно. Но я, например, весьма скептически относясь к своим умственным способностям, никогда не осмелился бы быть врачом, потому что как бы тебя не учили, сколько бы ты не знал, есть вот, нужно быть очень умным человеком в простом смысле этого слова. Решиться на это очень трудно. Такое рассуждение в общем можно продолжить на все, но зависит от того, насколько, с каким почтением, мы относимся к самой профессии. В данном случае, скажем, профессия врача вызывает у меня трепет и отдаю себе отчет, что какого ума она требует в суждениях врача, в способности суждения врача. Ну, послушайте, скажите мне, очень часто, все занимаются интерпретацией сновидений и всяких таких вещей — это действительно предмет. Но, что здесь можно, и как мы можем научиться интерпретировать сновидения? В каком-то смысле, чему-то можем научиться? Опыту. Но опыт [может] наращиваться у умного, а у глупого он как-то не очень наращивается. Так вот, какого просто ума или способности суждения требует проделывание простейшей интерпретации простейшего сна? Это чудовищно... По-моему, он как раз (это видишь, когда читаешь Фрейда), когда он сам это делал — чудо. А чудо не воспроизводимо, конечно, не передаваемо. Только нас

спасает то, что чудо не случается однократно, что бывает много чудес. Ну, несколько чудес. Вот, чтобы закончить свое рассуждение (я уже много у вас времени отнял) я скажу вот о чем. Значит, пожалуй, в 50-х годах (будем условно считать) нашего века произошло известное вам, своеобразное такое — не расцвет психоанализа, потому что психоанализ в США действительно является чумой и это, не ожидая именно этой формы чумы, предвидел Фрейд. Потому что, как вы знаете, сойдя с парохода во время одного своего визита в Соединенные Штаты, и видя встречающих, он сказал, своему собеседнику, стоявшему рядом: «они не знают, что мы привезли чуму».

Так вот, действительно, одна из самых распространенных вещей, модных и т.д. в американской медицинской практике, я не говорю о психологии в данном случае. Так вот, не расцвет, конечно, но какое-то особое явление в психоанализе произошло в 50-х годах, примерно, во Франции и называется это школой Лакана. Она причудливым образом носит такой, очень такой лингвистический характер. Так вот, я хочу сказать следующее. Независимо от оценки определенных понятий, достижений этой школы — реальных терапевтических и т.д. — я должен сказать, что представители этой школы и, в частности, Лакан прежде всего правы в том, что они говорят, что это возвращение к Фрейду. Потому что это школа в действительности есть попытка довольно-таки удачного восстановления Фрейда в чистом его виде. В том виде, как я его перед этим описывал. Я имею в виду не биологизаторство, не инстинктивистов. Совершенно без всяких драматических рассуждений о том, что давать дорогу инстинктам (да здравствуют инстинкты!), или наоборот нужно давить их, без превращения психоанализа в общую психологию, потому что такие попытки делались и т.д., здесь все это срезается, и интересно, что существо, классическим существом Фрейда или фрейдизма оказывается язык. То есть языковая реальность. Ну, там есть свои преувеличения, я связываю это с заумным употреблением некоторых лингвистических методов и пр., но это действительно так. В каком смысле? В одном простом смысле.

Психоанализ имеет дело с теми явлениями, которые даны всегда в языке и никогда — вне его. Или явления такие, которые даны вместе с языком их осмысления. И нет никакой точки зрения и никакого пункта, с которого мы могли бы посмотреть на предмет и его язык отдельно один от другого. Мы не можем этого сделать и найти. В этом смысле как раз это и есть смешанные явления, где объект никоим образом не дан вне языка о самом себе. В принципе не может быть дан. А это вот как раз то, что я говорил вам о том, что события происходят не только во внешнем пространстве, но одновременно во времени смысла и понимания. И только в этом континууме, где и вещи и смыслы понимания вместе, можно четырехмерным его назвать, или как угодно, в этом континууме и существует то, что называется фактом, явлением, событием и т.д. И не случайно, повторяю, такое вот внимание к языку и к языковым явлениям в новой разновидности психоанализа и представлено французской школой психоанализа. Ну, вот, пожалуй, все. И,

может быть, мне стоит оставить больше времени на вопросы или просто на беседу.

Вопросы — ответы

Вопрос не слышен.

М. М.: Ну, естественно, что наука существует в языке, но я ведь говорило явлениях, изучаемых наукой. Я о них говорил, что они существуют в языке. Ведь реальным физическим фактом является в области сознания и психики факт в той мере, как он понят и осмыслен. Он вместе, вот все это сцепление, это образование действует как факт.

Вопрос: Когда было первое разделение на физические и сознательные явления, то потом появились явления третьего рода. Так вот, Вы говорили о том, что вот как раз содержание тех фраз, которые мы произносим, являются как раз предметами третьего рода. Так [есть ли] какое-то свое собственное содержание у сознательных явлений, или оно редуцируется вот к этим явлениями третьего рода? Или можно сказать так: является ли сознание каким-то таким мгновенным актом, который тут же переводит все это, вот эти явления третьего [рода] в какую-то другую плоскость?

И второй вопрос: <...> воспроизводит не предмет, то есть нам дается не сам предмет, а норма по воспроизводству этого предмета. Проблема тогда уже действительно трансформируется, но все равно остается задача передачи хотя бы тогда нормы деятельности по воспроизводству этого предмета. То есть все равно проблема не проникновения одного сознания в другое, она сохраняет только <...> И, соответственно, третий вопрос, который возникает из второго: что явления, которые будут реставрированы когда-то в вашей реальной жизни в то же время присутствуют в образе «розовых слонов» и т.д., но производство *чего*, воспроизводство каких предметов, если не реально *что-то* присутствует, будь это «роковая» какая-то душа и т.д. Именно сначала вопрос *чего*, *что* воспроизводится, или это вообще не воспроизводство, а производство, генерация? Тогда не понятно, как индивидуальное сознание может вообще соприкоснуться с другим? А если все же воспроизводство чего-то определенного, а не производство, тогда уже <...>.

М. М.: Очень много вопросов вы упаковали во все это, и трудно здесь мне отвечать. Ну, что касается вот первого вопроса, то я имел в виду то, что проделанная Фрейдом работа открывает нам какой-то кусочек так называемых сознательных явлений. Не открывая нам весь континент сознания. Скажем, мы по-прежнему не умеем говорить (поскольку это и не предмет психоанализа), не умеем вот говорить о тех других явлениях в области сознания по отношению к которым психоанализом изучаемые вещи являются фактически скрытыми, неявными и т.д. О них мы научились говорить, не выбрасывая их во внешний физический мир (вот [об этих] неявных). Раньше ведь делалась простая вещь. То, что называлось объективным, реально помещалось всегда вне сознания. Теперь какой-то кусочек сознания начали мы в этих терминах анализировать, вот в терминах

объективного или неявного независимого сознания, но не выходя за пределы самого определенного рода явления. А именно, явления, которые есть явления смысла и понимания, потому что ведь действительное открытие Фрейда состояло в том, что он открыл, что сознание не привилегия (как классика считала — высшим моментом работы человеческого существа является акт сознания чего-то). А Фрейд показал, что, во-первых, акт осознания дискретен, и, во-вторых, он может быть препятствием, поскольку непонимание не есть артефакт понимания, а есть самостоятельное продуктивное явление, и не ждет понимания. Вот в этом смысле *дискретность сознания*. Нет непрерывной линии, вот как будто ребенок развивается и поймет когда-то вещи, известные взрослому, и есть какая-то линия непрерывная между непониманием и пониманием. [Будто] понимание есть продукт рассеивания тумана, который окружал его самого, и который мы называли непониманием на предшествующей стадии. Это обычная эволюционистская точка зрения, [проводить] такую непрерывную линию. А смысл философский психоанализа интересен как раз тем, что он совершенно иначе на это посмотрел. Не употребляя этих понятий, поскольку он не философией занимался, но философское предположение там такое, что непонимание не есть туман развиваемый, а продуктивное явления. Например, вот пирожное, независимо от психоанализа, я его вам иллюстрировал. Ведь там работа памяти другая. Непонятное упаковалось, или непонятным путем запомненное, совсем несознательно взято, продуктивно. Вот что я имел в виду, вводя эти различия.

Что касается последнего, а именно — или к родовой жизни относятся эти явления или к поколениям, на мой взгляд, они относятся к поколениям, конечно. В смысле, к генеративным свойствам психики. Пояснить это очень сложно, это от меня потребовало бы головоломной работы и много времени. Это структуры человеческого мышления и сознания индуцируют актуал-генетические какие-то явления. Все происходит непрерывно, непрерывно заново все порождается. В действительности все, что мы рассматриваем как некую такую преемственную непрерывность, есть наша умозрительная иллюзия, а реальный мир, в том числе мир психики, построен иначе. И ничего, кроме таких вот индукций генеративных, или, как вот если бы резонанс, скажем, условно. Ну, это условная метафора. Ничего в действительности другого нет. И это никогда не является просто индивидуальными событиями в истории данного субъекта. Какими-то эмпирическими фактами. Порождают структуры, а не эмпирическое содержание. Я закончу тогда так это. Раз я уже просто не осмелился этого сказать, когда (ну, это, собственно говоря, было подтекстом того, что я говорил о французской школе психоанализа) говорил о языке. Значит, объекты не существуют вне языка. Это означает еще и одну простую вещь, что справедливо сказано в одном из Евангелий, что *в начале было слово*. В одном очень странном смысле этого рассуждения. Это, кстати, знали многие, но я, мне очень трудно будет это передать, потому что это вещь такая интуитивно-стилистическая, не у меня, а вообще по природе она такова, и ее

трудно передать. Вот сейчас я попытаюсь это сделать, и одновременно мы выясним, что такое резонанс или генерация. Или сделаем вид, что поясним. Как-то Монтень сказал следующую забавную фразу, что законы существуют после того, как они написаны. Так вот я четко вижу, что это значит. А вот как только сталкиваюсь с задачей, вслух об этом говорить, трудно! Понимаете, здесь Монтень имеет в виду следующую вещь, что имелось в виду и в Евангелии, кстати. Что вещи не существуют, если они не попадают, что они должны сначала о себе что-то в публичном пространстве сказать, отразиться от сказанного о себе и стать в себе. Развиться, снова отразиться и т.д. Закон не может существовать как вот существует, как мы договорились якобы молчаливо, как вот скажем в России принято. Вот мы знаем, что такое вместе, коллективно, соборно мы знаем, что такое справедливость, поэтому европейская культура немножко другая. Ее как раз Монтень и выражает: законы существуют после того, как они написаны. То есть возникает реальность в зеркале вот этих многократных отражений. А она есть закон образования человеческой психики. В начале было слово. И это знал также и поэт XIX века Стефан Малларме. Он говорил, что обычно считают, что поэмы пишутся идеями, что стихи пишутся идеями. Стихи пишутся словами! И сейчас я поясню, что это значит. Он фактически имел в виду, что я должен написать что-то, чтобы понять, что я хотел написать. То есть он прямо переворачивает посылку. Посылка у нас обычно такая, что существует ясные, для себя прозрачные содержания мысли, которые ищут форму, находят языковую форму и пользуются ей как средством выражения. А в действительности существует такая вот шутка, что нужно начать строить конструкцию, записать закон, например, или слово, и — начинается порождение того, чего ты сам предварительно до этого вовсе не знал. И не будет такого состояния, когда ты вот так предварительно будешь все знать, а потом наконец это выразишь. Значит, какие-то вещи, явления становятся в пространстве, зеркальном пространстве такого резонанса. Вначале было слово!.. А это означает простую вещь. Что значит Бог. Это означает, чтобы возник какой-то... <обрыв>.

Логос. Философско-литературный журнал.
1994, № 5, с. 123–140

Социально-политические концепции в психоанализе

С. К. Роцин

1. ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФРЕЙДИЗМА И ЕГО СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ

Несмотря на то что и строгом (и первоначальном) смысле слова психоанализ означает лишь клинический метод диагностики и объяснения невротических состояний, в течение многих лет в это понятие вкладывается более глубокое и притом не всегда одинаковое содержание. Поэтому необходимо внести ясность в вопрос о том, что может подразумеваться под этим названием и как его понимаем мы.

В своем развитии психоанализ прошел несколько этапов, и при этом на каждом следующем этапе его содержание дополнялось новым, в результате чего изменялась его роль в психологии и в самом обществе Запада. По отношению к содержанию и функциям психоанализ можно рассматривать как: 1) метод психотерапевтической практики; 2) концепцию личности, составляющую методологическую основу для фрейдистской метапсихологии; 3) психологическую метатеорию, претендующую на объяснение законов психической жизни; 4) теорию общественно-исторического развития и обществоведения, предлагающую свою интерпретацию социальных, идеологических и политических институтов общества и закономерностей его жизни и эволюции.

Оценивая итоги своей работы в книге «Моя жизнь и психоанализ», опубликованной в Германии в 1925 г., Фрейд писал: «Первоначально он (психоанализ. — С. Р.) означал определенный терапевтический метод; теперь он стал также названием науки, науки о психическом бессознательном. Эта наука редко может дать самостоятельно полное решение какой-то проблемы, но она призвана внести значительный вклад в содержание самых разнообразных наук. Область, в которой применим психоанализ, по существу имеет те же измерения, что и область психологии...»

Фрейд не только четко сформулировал здесь идею о совпадении границ психоанализа и психологии в целом, но и недвусмысленно подчеркивает значение своего учения для «самых разнообразных наук». Речь идет по существу о методологической функции психоанализа в общественных науках. Эти претензии Фрейда проявились уже в работе «Тотем и табу» (1913–1914), в которой он на основе антропологии попытался с помощью своего метода дать социально-исторический анализ явлений идеологического и политического характера.

Именно в таком ключе Фрейд оценивает смысл своей работы. «В четырех статьях о тотеме и табу, — пишет он, — я сделал попытку разработать с помощью психоанализа проблему психологии народов, которая вела не-

посредственно к происхождению важнейших культурных установлений, государственных порядков, нравственности, религии...» Как метод исследования истории и общества психоанализ получил наибольшее развитие в одной из последних работ Фрейда — «Цивилизация и ее болезни» (1930). Реальная роль психоанализа в современной науке и общественном сознании Запада позволяет считать, что он «превратился в своеобразную философию жизни, мировоззрение, претендующее быть универсальной концепцией и разрешить не только медицинские и психологические проблемы, но и объяснить закономерности общественного развития».

Такого широкого понимания функций фрейдизма придерживаются сегодня и многие его приверженцы. В вышедшем в 1973 г. в США сборнике статей «Зигмунд Фрейд», например, его составитель Поль Роазен прямо называет Фрейда «творцом современной социальной науки».

Другой представитель психоаналитической школы — Ч. Райкрофт полагает, что психоанализ можно считать «идеологией».

Для нашего исследования психоанализ представляет интерес прежде всего как концепция личности и как социальная теория, хотя и в качестве клинического метода он тоже выполняет определенную социально-идеологическую функцию. Психоаналитическая модель личности важна для нас постольку, поскольку она образует методологическое основание для глобальных и частных социально-психологических, социологических и политических теорий, а последние составляют психоаналитическую основу подхода к идеологической и политической практике.

При анализе предпосылок возникновения психоаналитического учения следует учитывать как общественно-исторические особенности соответствующего периода, так и те процессы, которые происходили внутри психологической науки. Конец XIX и начало XX вв. характеризуются прежде всего трансформацией капиталистических отношений в империалистические и связанным с этим резким обострением всех противоречий, присущих капиталистическому обществу. Монополизация капитала породила новое соотношение сил в экономике, поставив мелкую и часть средней буржуазии в крайне неустойчивое положение зависимости от крупных корпораций. Привычные представления этого класса были подорваны, а неспособность понять логику событий создала почву для развития иррационалистических взглядов и настроений. «Наступила эпоха империализма, — пишет М. Г. Ярошевский, резко обострившая все социальные противоречия. В философии стали доминировать иррационализм, мистика, учение о том, что перед голосом инстинктов бессилен ничтожный голос сознания. Нестабильность экономической и политической жизни порождала в мелкобуржуазной среде чувства беспокойства, подавленности, неуверенности в будущем. В этой атмосфере и складывалась система взглядов Фрейда на строение и динамику психической деятельности».

Быстрый и опасный для капитала рост политической активности пролетариата становился важнейшим фактором общественной жизни. Он не только порождал страх у буржуазии, но и требовал какого-то объяснения, а

найти рациональное объяснение, не выходя за рамки буржуазного сознания, не удавалось. Наконец, беспрецедентная для того времени по своим масштабам первая мировая война и исторические закономерности развития капитализма не укладывались в традиционные представления. Проще всего было усмотреть объяснение всем этим явлениям в «человеческой природе», что и сделал Фрейд, выдвинув свою теорию группового нарциссизма и инстинкта смерти, которая предлагала удобное обоснование социальных конфликтов и войн.

Кажущаяся нередко странной и непонятной идея пансексуализма, захватившая Фрейда, также имеет объективные предпосылки в социальной действительности его времени. Дело в том, что лицемерная буржуазная мораль того периода, ставившая женщину в условия полной зависимости от мужчины, лишала ее права даже на личную эмоциональную жизнь. В семье она рассматривалась лишь как производитель потомства, радости нормальной человеческой любви считались позорными для женщины из «респектабельного» общества. Неудивительно, что, оказавшись в положении фальшивого пуританизма и не находя из него выхода, женщина нередко становилась жертвой эмоциональных и психических расстройств. Сталкиваясь постоянно с сексуальными проблемами у своих пациенток, Фрейд уверовал в идею глобальной детерминирующей роли полового инстинкта в психической жизни человека. Он не учел при этом, что названные проблемы были порождены конкретными социальными условиями и нормами, а не законами развития человеческой психики.

В развитии самой психологической науки фрейдизм, как отмечает Е. В. Шорохова, явился реакцией на неспособность функциональной психологии построить из разрозненно понимаемых психических процессов и явлений целостную структуру личности. Постановка Фрейдом проблемы целостной личности и ее динамики может рассматриваться как одна из его заслуг, однако предложенное им решение этой проблемы было построено на порочных методологических основаниях. Учение Фрейда было также реакцией на господство в его время в неврологии принципов, согласно которым объяснение психической патологии следовало искать только лишь в анатомических и физиологических свойствах организма. Фрейд показал, что психика обладает собственной активностью, однако понимание истоков (инстинкты, влечения) этой активности носило у него идеалистический, метафизический характер.

В буржуазной психологии иногда делаются попытки объяснить содержание фрейдизма особенностями личности самого Фрейда. Упоминаются его собственные невротические состояния, делаются намеки на отклонения в его половом развитии и т.п. Это крайне вульгарный и ненаучный подход к вопросу. Личные особенности создателя психоаналитической теории могли сказаться в какой-то степени лишь на общей ее тональности, ее эмоциональной окраске. Мы имеем и виду прежде всего крайне пессимистический характер взглядов Фрейда. Возникновение и усиление тона пессимизма совпадают с определенным периодом в его жизни. Несмотря на большую

выдержку, энергию и трудоспособность, Фрейд в последний период жизни жалуется на усталость, и мысли его все чаще обращаются к смерти.

Эти личные настроения нашли свое отражение в одной из важнейших работ Фрейда — «По ту сторону принципа удовольствия», опубликованной в 1920 г. Именно в этот период почти одновременно скончались его дочь и близкий друг, смерть которых он переживал очень остро. В 1923 г. умер его внук, что также было болезненным ударом для него. Тогда же у Фрейда было обнаружено онкологическое заболевание, в связи с которым он перенес тридцать три операции. Эти события не могли не сказаться на его состоянии и настроениях, которые усугубили общий пессимистический тон его взглядов. Как писал сам Фрейд, цель его деятельности заключалась в том, чтобы «трансформировать отчаяние невротика в общее чувство несчастья, которое является обычным для человечества».

Тем не менее развитие психоаналитических концепций происходило прежде всего под влиянием объективных факторов. Это подтверждается тем, что в разных странах психоанализ приобрел различные оттенки, отражавшие особенности условий общественной жизни в этих странах. В США, например, исторические традиции развития страны и формирования нации обусловили вполне определенную точку зрения на воспитание. Согласно этой точке зрения душа ребенка при рождении представляет собой «*tabula rasa*» и из любого ребенка можно сделать все, что угодно, в том числе и «стопроцентного американца», способного к борьбе за преуспевание в жизни, если правильно сформировать его характер и дать ему здоровье.

Такой подход обусловил определенные отношения в американской семье, предоставляющие детям довольно большую самостоятельность, и придавал особый вес функциям учителя, доктора и нередко священника. По свидетельству английского антрополога Дж. Горера, названные обстоятельства поставили психоаналитиков в США в особое положение. Они соединили в себе функции не только психотерапевта, но и духовного наставника, указывающего пути приспособления к жизни, и педагога, формирующего характер. Пансексуалистские идеи при этом оказались отодвинутыми на задний план. В свете сказанного нельзя считать случайным тот факт, что число членов Американской психоаналитической ассоциации выросло за 1910–60 гг. больше чем в 5 раз.

По свидетельству того же Горера, в Англии преобладает убеждение, что дети рождаются на свет с заложенными в них «животными», разрушительными, дурными тенденциями, и цель воспитания заключается и том, чтобы с помощью строгости, наказания и жесткой дисциплины эти тенденции подавить. Британская школа психоанализа во главе с Мелани Кляйн впитала эти традиционные представления, рассматривая детей как носителей чудовищных фантазий и желаний, которые в период взрослой жизни могут возрождаться в виде психозов. Отсюда сложилось убеждение, что необходимо подвергать детей психоанализу в самом раннем возрасте.

Во Франции психоанализ больше всего отошел от ортодоксальных принципов, но при этом «психоаналитический словарь» глубоко вошел в

язык философии, теории культуры и литературы, часто теряя свои первоначальный смысл. Примером может служить концепция Жака Лакана, переведшего в определенном смысле фрейдистскую теорию на язык лингвистики. До сих пор во Франции больше, чем где-либо, проявляется интерес к психоаналитическим интерпретациям произведений литературы и искусства. Так, крупнейший психологический журнал «Бюллетэн де психологи» посвятил в 1978 г. этой теме целый номер. В нем с позиций психоанализа рассматриваются произведения литературы, живописи, философии, кино («Хиросима, любовь моя») и даже музыки.

Методология и содержание фрейдизма и неопрейдизма достаточно полно проанализированы в работах многих советских авторов, поэтому мы уделим основное внимание лишь тем методологическим принципам психоанализа, которые составили основу его социально-политических аспектов и концепций. Мы не будем касаться также тех положительных влияний, которые фрейдизм оказал на развитие психологической науки, лишь напомним в этой связи правильную рекомендацию Ф. В. Бассина и В. Е. Рожнова, сформулированную ими в предисловии к книге французских авторов К. В. Клемана, П. Брюно и Л. Сэва «Марксистская критика психоанализа». «Когда мы обращаемся к тематике, которую по традиции рассматривают как “область психоанализа”, — пишут они, — следует четко ограничивать ее *фактическое содержание* от характеризующей ее *методологии изучения*. Анализируя с марксистских позиции первое, необходимо сохранить критичность в отношении второй».

Как известно, фрейдизм составляет основу и наиболее влиятельную часть психоаналитического учения. Но, помимо него, возникло и развилось большое число более или менее самостоятельных неопрейдистских течений, каждое из которых имеет свои особенности. Однако более важны не отличающие их элементы, а объединяющие их в единую школу общие принципы.

«Даже тогда, когда неопрейдисты пытаются заменить классические психоаналитические понятия несколько иными, по виду модернизированными, они все-таки руководствуются той же методологией...», — подчеркивает Е. В. Шорохова Аналогичной точки зрения придерживаются иногда и сами психоаналитики. «Хотя фрейдистские профессиональные организации, — пишет Ч. Райкрофт, — рассматривают термин «психоанализ» как относящийся лишь к их собственной теории и практике, а сторонники Юнга и Адлера в надежде дифференцироваться от фрейдистов называют себя соответственно аналитическими и индивидуальными психологами, эти различия не получили признания даже среди просвещенной публики, на которую всегда производило большее впечатление сходство между школами, чем различия между ними.

<...> Методологические принципы биологизации личности и психологизации общественных отношений, используемые в психоаналитических социально-политических теориях, приводят к тому, что в качестве основных детерминант личности и ее роли в обществе фигурируют комплексы Эдипа,

«анальные» характеры, нарциссизм, инстинкт смерти, чувство неполноценности и т.п., а включенность самих деятелей в реальные классовые и политические группы, интересы которых они представляют и реализуют, полностью игнорируются. Тем самым грубо искажается реальная картина политической жизни, вводится в заблуждение общественное мнение. Научную несостоятельность психоаналитического подхода к личности и ее социальному поведению разоблачает сама жизнь. И это вынуждены признавать сами психоаналитики. Одним из таких признаний служит хорошо известная на Западе книга авторитетного австрийского психоаналитика Б. Беттелхейма «Просвещенное сердце». Судьба подвергла его суровым испытаниям: в годы войны он был узником фашистских концлагерей. Наблюдая поведение различных людей в экстремальных условиях лагеря, Беттелхейм убедился, что психоанализ не способен дать ключ к его объяснению. «В условиях, преобладавших в лагерях, — пишет он, — оказалось невозможным рассматривать храбрые, ставящие под угрозу жизнь поступки с позиций инстинкта смерти, агрессивности, обращенной против себя, проверки жизненности тела, мегаломаньячного отрицания опасности, актерского удовлетворения, нарциссизма или любой другой категории психоанализа... Способ, каким человек действовал в критический момент, нельзя было вывести из его внутренних, скрытых мотивов. Ни его сны, героические или трусливые, ни свободные ассоциации или осознанные фантазии — ничто не позволяло сделать точное предсказание относительно того, пойдет ли он в следующий момент на риск жизнью, чтобы защитить жизнь других, или же в панике предаст многих в тщетной попытке получить какую-то привилегию для себя». Глубокое профессиональное знание психоанализа оказалось бесполезным и для самого Беттелхейма. «Самое удивительное заключалось в том, что психоанализ, который я привык считать лучшим ключом ко всем человеческим проблемам, не помог мне найти решение вопроса о том, как вообще выжить в лагерях и как выжить, сохранив хотя бы некоторое достоинство».

Вместе с тем Беттелхейм увидел, что поведение личности детерминировано не соотношением Ид, Эго и Супер-Эго, а той активной идеологической и политической позицией, которую занимает личность. Самыми жизнестойкими и способными на борьбу в невероятных условиях фашистских концлагерей оказались, по свидетельству Беттелхейма, политические заключенные, прежде всего коммунисты. Их вера в свои идеалы, убежденность в правоте своего дела придавали им силы, оптимизм, надежду на жизнь и победу.

В то же время люди, лишенные общественно значимых идейных принципов, замкнувшиеся в узком мире мелких, эгоистичных интересов и потому не имевшие морально-психологической внутренней опоры, подвергались быстрой личностной дезинтеграции. Они начинали идентифицировать себя либо со своими палачами, подражая и прислуживая им, либо с уголовниками. «Их поведение, — пишет Беттелхейм, — показало, насколько слабо аполитичный средний класс Германии мог противостоять национал-

социализму. У них не было ни моральной, ни политической, ни социальной философии, которая помогла бы им сохранить свою целостность и давала внутреннюю силу для сопротивления с нацизмом. У них не было или почти не было ресурсов, на которые можно было бы опереться, попав в заключение. Их самоуважение строилось на статусе и уважении, которые были связаны лишь с их положением и зависели от их работы, семейной роли или подобных внешних признаков».

Наблюдения Боттелхейма лишний раз подтверждают правильность марксистского понимания личности. Прежде всего оно означает, «что личность впервые возникает в обществе, что человек вступает в историю (и ребенок вступает в жизнь) лишь как индивид, наделенный определенными природными свойствами и способностями, и что личностью он становится лишь в качестве субъекта общественных отношений». Понятие «субъект общественных отношений» предполагает, что человек не просто пассивная единица в обществе, он социально активен, деятелен и лишь как субъект деятельности он становится личностью. В свою очередь в деятельности человека реализуется «совокупность его общественных по своей природе отношений к миру», которые и составляют реальный базис его личности.

Мы не будем заниматься прогнозами относительно будущего психоанализа. Этот вопрос постоянно дебатруется в нескончаемом потоке книг и статей, публикуемых на Западе в различных изданиях чуть ли не ежедневно. Одни авторы утверждают, что психоанализ «умер», другие говорят, что слухи о его «смерти» преувеличены, третьи считают, что мы лишь вступаем в век психоанализа. Важно отметить, что дискуссия ведется главным образом вокруг медико-терапевтического аспекта психоанализа, а вопрос о его идеологической и социальной роли возникает значительно реже.

Если учесть, что фрейдистские и неофрейдистские идеи стали неразрывной частью ряда социальных и политических теорий, если не забывать, что понятия психоанализа укоренились в западной литературе, искусствоведении, педагогике и бытовом языке (а эти понятия являются носителями определенных идей), если не сбрасывать со счета тот факт, что взгляды Фрейда и его последователей пропагандируются в широкой популярной литературе, массовых политических журналах, то нужно признать, что говорить о смерти психоанализа еще рано.

Рощин С. К. Западная психология как инструмент идеологии и политики. М., «Наука», 1980, с. 63–109

Влечения и комплексы

И. С. Кон

Самой влиятельной сексологической школой первой половины XX века был, безусловно, психоанализ Зигмунда Фрейда. Психоанализ как философская и психологическая теория и как метод лечения неврозов, безусловно, значительно шире сексологической проблематики. Я не буду обсуждать здесь этих вопросов, отослав читателя к специальной литературе. К сожалению, систематического изложения и критики фрейдовской теории сексуальности в свете современных научных данных на русском языке нет. В отличие от большинства своих предшественников, З. Фрейд рассматривает сексуальность не как частный, локальный, аспект человеческой жизни, а как ее основу и стержень. Половое влечение, «либидо» составляет, по З. Фрейду, источник всей психической энергии индивида, а всякое эмоциональное удовлетворение он называет сексуальным. Ядро того, что мы называем любовью, — писал З. Фрейд, — половая любовь, целью которой является сексуальная близость. Эго влечение лежит и в основе таких «несексуальных» чувств, как любовь к самому себе, родительская и сыновья любовь, дружба, любовь к человечеству в целом и даже привязанность к конкретным предметам и абстрактным идеям. Все они, по З. Фрейду, «суть проявления одних и тех же инстинктивных импульсов. В отношениях между полами они пробивают себе путь к сексуальному союзу, а в других случаях отвлекаются от этой цели или не могут достичь ее. Тем не менее первоначальную либидинозную природу этих чувств всегда можно распознать по жажде близости и самопожертвования». Такая расширительная трактовка либидо навлекла на Фрейда небезосновательные обвинения в пансексуализме. Однако это не был вульгарный, механический редукционизм. Тезис, что «сексуальные импульсы» включают все эмоциональные и дружественные влечения, к которым в просторечии применяется слово «любовь», неразрывно связан у З. Фрейда с тем особым значением, которое он вкладывает в понятие «сексуальность»: «В первую очередь сексуальность отделяется от своей слишком тесной связи с гениталиями и рассматривается как более общая телесная функция, имеющая своей целью удовольствие и только опосредованно служащая целям воспроизводства».

Иначе говоря, сексуальные переживания отнюдь не сводятся к генитальным. Опираясь на данные клиники, З. Фрейд утверждает, что у человека имеется не одна, а несколько эрогенных зон, раздражение которых вызывает эротические ощущения, причем значение этих зон с возрастом меняется. В соответствии с этим З. Фрейд выделяет несколько фаз психосексуального развития.

Первая фаза, оральная, охватывает первый год жизни, когда основным органом удовольствия является для младенца рот (сосание, затем кусание). Вторая, анальная, фаза (от 1 до 3 лет) характеризуется повышенным интересом ребенка к дефекации; контролируя этот процесс, ребенок получает

чувственное удовольствие и одновременно вырабатывает навыки самоконтроля. Третья, фаллическая, фаза (от 3 до 5 лет) означает усиление интереса к гениталиям, что выражается, в частности, в мастурбации. Главным символом этого возраста является половой член, фаллос (отсюда название фазы), а основной психологической задачей — адекватная половая идентификация. Мальчик должен преодолеть бессознательное влечение к матери (эдипов комплекс) и идентифицироваться с отцом, а девочка — преодолеть влечение к отцу (комплекс Электры) и идентифицироваться с матерью. Четвертая, латентная, фаза, продолжающаяся до начала полового созревания, характеризуется временным ослаблением сексуальных реакций и интересов; либидо как бы дремлет, уступая место формированию сознательного Я и предметных интересов ребенка. С половым созреванием начинается генитальная фаза развития, когда либидо ищет и находит удовлетворение на путях половой близости. Если этому что-то мешает, то происходит как бы возврат, регресс к пройденным фазам. В психологической регрессии или «фиксации» на пройденных этапах Фрейд видел ключ к пониманию девиантных форм сексуальности. Отнюдь не отрицая возможных конституциональных и нейрохимических факторов, предрасполагающих индивида к той или иной девиации, З. Фрейд считал, что, пока эти факторы не открыты, а возможно и после этого, главным и единственным средством лечения сексуальных отклонений может быть психоанализ, то есть выяснение психической травмы, задержавшей или исказившей нормальное психосексуальное развитие индивида, и преодоление психологических последствий этой травмы путем осознания ее причин.

Предложенный З. Фрейдом подход к сексуальности, снимая жесткий биологический детерминизм, концентрировал внимание на особенностях индивидуального развития. З. Фрейд анализирует тончайшие нюансы психосексуальной мотивации, соотношение «чувственного» и «нежной» влечения, эротических и неэротических привязанностей. Не ограничиваясь изучением психики отдельно взятого человека, он стремится выявить связь индивидуального сексуального поведения с культурными нормами, вскрыть филогенетические корни сексуального символизма, истоки и сущность важнейших сексуальных табу и запретов, например запрещения инцеста (кровосмешения) или охраны девственности. З. Фрейд подчеркивает, что некоторые типичные формы сексопатологии, например психическая импотенция, имеют в действительности социальные причины. Свою сексологическую теорию он иллюстрирует не только данными клиники, но и материалами истории, этнографии, изучения биографии и творчества великих людей (Микеланджело, Леонардо да Винчи, Гёте и др.).

Влияние З. Фрейда на развитие сексологии во всех ее аспектах было исключительно велико. Прежде всего Фрейд, как никто другой, подчеркнул роль и значение сексуальности в человеческой жизни. Если викторианская эпоха считала секс скорее удовольствием, развлечением, без которого можно и обойтись, то теперь осознается его необходимость не только с точки зрения

продолжения рода, но и для нормального функционирования личности. Весьма ценными были указания на органическую связь сексуальных и несексуальных переживаний и возможность перехода одного в другое. Это значит, что сексуальность не может быть понята вне целостной личности, а личность — без учета ее сексуальных переживаний. Взаимодействие природного и социального в развитии сексуальности понимается теперь не механически, а на основе преломления того и другого в индивидуальной биографии, побуждая психотерапевта искать истоки психосексуальных аномалий и трудностей в прошлом опыте личности. Весьма плодотворной оказалась мысль З. Фрейда о значении ранних детских переживаний и, в частности, отношений с родителями как эмоционального фона и даже непосредственной причины формирования определенного типа сексуального поведения. Анализ неосознаваемых переживаний — сексуальных символов, защитных механизмов, эротических фантазий и сновидений — был не только важен в клиническом отношении, но и стимулировал сравнительно-историческое изучение этих явлений на материалах истории религии и культуры. Половые извращения, казавшиеся преступлением или следствием физической дегенерации, предстали теперь как гипертрофия или фиксация отдельных сторон и компонентов нормального психосексуального развития, элементы которых каждый может при желании обнаружить в своей собственной психике.

Это открытие вызвало настоящий культурный шок. Как писал в своей книге «Необходима осторожность» Герберт Уэллс, «в течение столетий Номо Тьюлеру (сатирический образ буржуа. — *И. К.*) удавалось делать вид, будто его тайные влечения и наиболее непривлекательные действия фактически не имеют места, будто дурные поступки его ближних представляют собой «отклонения от нормы» и срывы, к которым сам он не имеет отношения — “Ах, какой ужас” — или же которые вызваны совершенно исключительными обстоятельствами, вроде дьявольского наваждения.

Только после появления психоанализа на дневной и, пожалуй, даже слишком резкий свет был позорно извлечен в качестве его “подсознательного” тот сложный клубок влечений и грез, существование которого он до сих пор отрицал и таил. “Что это такое? Вы меня просто удивляете”, — произнес психоаналитик, словно фокусник, вытаскивающий кролика из шевелюры почтенного зрителя. “У каждого из нас есть подсознательное”, — объявил он. “Решительно у каждого. Да! Но...”

Мы стали вспоминать такие вещи, о которых привыкли не думать. Это было очень неприятно»¹.

Концепция З. Фрейда вызвала сначала скандал, ее называли клеветой на человечество. Когда в 1910 г. на международном конгрессе психиатров в Гамбурге кто-то предложил обсудить теорию З. Фрейда, председатель заявил «Это предмет не для научного конгресса, а для полиции» Постепенно картина менялась. Фрейдизм, хотя и с существенными модификациями,

¹ Уэллс Г., Необходима осторожность/Пер. с англ. — М., 1951, с. 131.

нашел поддержку у многих влиятельных представителей научной и особенно у художественной интеллигенции. Психиатрия оказалась методом лечения или, во всяком случае, объяснения и облегчения некоторых психосексуальных расстройств. Даже враждебные Фрейду клиницисты стали находить у него множество ценных частных наблюдений. С середины 20-х годов фрейдизм стал практически господствующей ориентацией в западноевропейской и американской сексологии.

Однако влияние Фрейда на развитие сексологии было противоречиво. Оценивая его труды в свете современных научных данных, поражаешься тому, как точно он сумел почувствовать и локализовать основные проблемы сексологии, и вместе с тем тому, как ошибочны оказались многие предложенные им содержательные решения. Не вдаваясь в детали и спорные вопросы, укажу основные линии, в которых современная теоретическая сексология особенно резко расходится с З. Фрейдом.

Прежде всего резкой критике подвергается пансексуализм. Как справедливо указывал известный американский психиатр Роберт Столлер, понятие «половой» у З. Фрейда весьма многозначно. Оно обозначает и биологические свойства, дифференцирующие организмы на мужские и женские, и либидо как инстинкт продолжения жизни, и чувственные переживания, связанные с получением удовольствия, и репродуктивное поведение, направленное на продолжение рода, и интенсивные эротические ощущения в разных частях тела, сопровождаемые фантазиями. Своей расширительной трактовкой либидо З. Фрейд стремился подчеркнуть единство эмоционального мира личности. Если понимать либидо в широком смысле как источник всей эмоциональной жизни индивида, то утверждение о либидинозном характере всех человеческих привязанностей — простая тавтология. Если вкладывать в это слово более узкий смысл, связывающий либидо с чувственно-эротическими, генитальными переживаниями, то свести к нему все богатство человеческих отношений явно не удастся. З. Фрейд был прав, доказывая, что либидо часто выступает в превращенных, неэротических по своему явному содержанию и мотивам, формах. Однако, как мы увидим дальше, существует и обратный процесс, когда явно сексуальное по внешним признакам поведение, например демонстрация гениталий или половой акт, в действительности выполняет несексуальные функции, психологические или социальные.

Второй главный недостаток теории З. Фрейда — психогидравлическая модель сексуальности. Хотя З. Фрейд признает влияние на личность культуры и воспитания, в центре его построений остаются внутриличностные процессы. Индивид обладает, по Фрейду, определенным фиксированным количеством психической энергии, которую общество помогает ему так или иначе «канализировать» и реализовать. Поскольку количество этой энергии ограничено, индивид должен выбирать между сексуальной активностью и какими-то другими видами деятельности, в которых заинтересовано общество. Отсюда следует неустранимый конфликт между сексом и культурой. Подавление сексуальности порождает неврозы, а

ее свобода — упадок культуры. Репрессивная половая мораль, по З. Фрейду, это цена, которую человечество платит за развитие цивилизации. В свете современных данных эта антитеза представляется ложной. Во-первых, люди обладают разными энергетическими ресурсами, и при нормальном физиологическом режиме половая активность не только не мешает другим видам деятельности, но даже повышает ее общий тонус. Во-вторых, культура не просто указывает каналы, по которым должна изливаться сексуальная энергия, но и формирует конкретный сценарий сексуального поведения индивида, характерные для него психосексуальные установки и ориентации. Речь идет, таким образом, не об универсальном конфликте биологической «сексуальности» и «культуры», а о конкретных противоречиях между относительно стабильными нормами морали и более изменчивым и вариабельным индивидуальным поведением.

Викторианская ограниченность лежит и в основе фрейдовской концепции женской сексуальности. Истинный сын своего времени и класса, З. Фрейд не сомневался в том, что все эмпирически наблюдаемые половые различия, включая мужскую гегемонию, — следствие универсального биологического закона. Современная наука считает спор о том, какой пол является высшим, таким же бессмысленным, как спор о высших и низших расах. Не выдержали эмпирической проверки и многие частные сексологические положения З. Фрейда, касающиеся женщин: об универсальной «зависти к половому члену», пониженной сексуальности женщин и т.д.

Коренным образом пересмотрена ныне и фрейдовская теория детской сексуальности. Разграничение биологических и психологических аспектов бисексуальности выявило несколько качественно различных критических периодов половой дифференцировки, не совпадающих с теми, которые постулировал Фрейд. Содержание выделенных им фаз сегодня также трактуется иначе. Идея универсальности эдипова комплекса была уже в 20-х годах поставлена под сомнение Б. Малиновским, а затем и вовсе отброшена этнографами. Не выдержала эмпирической проверки и фрейдовская теория идентификации. Не отрицая значения для мальчика идентификации с каким-то мужским образом, психологи указывают, что таким мужчиной совсем не обязательно бывает отец. Вообще зависимость психосексуальной идентификации ребенка от его взаимоотношений с родителями гораздо сложнее и многозначнее, чем предполагает модель эдипова комплекса. Опровергнуто мнение З. Фрейда о том, что психологические различия между мальчиками и девочками появляются лишь в 5–6 лет, не подтверждается существование «латентного периода» и т.д.

Осознание этих и многих других слабостей теории З. Фрейда привело к тому, что психоанализ постепенно, начиная с 60-х годов, утратил ведущее место в зарубежной сексологии (в СССР он таковое никогда не занимал). С одной стороны, его критикуют представители биологических наук. С другой стороны, современная сексология придает значительно большее значение социально-культурным факторам психосексуального развития. Это характерно даже для ученых, которые сами были воспитаны на психоанализе

(Эрик Эриксон, Гарри Салливан, Роберт Столлер, Леон Солцмен и др.). Отдавая должное З. Фрейду, они далеко отходят от его общих установок. Характерно, что наиболее серьезные авторитетные общие курсы и теоретические труды по сексологии, вышедшие в последние годы на Западе, написаны с нефрейдистских или даже с антифрейдистских позиций, хотя никто не отрицает большого вклада в науку и интуиции З. Фрейда.

*Кон И. С. Введение в сексологию.
М., «Медицина», 1988, с. 16–22*

Зигмунд Фрейд: возрождение в СССР? (фрагмент)

А. И. Белкин

Писать о Зигмунде Фрейде просто. О нем написано так много и так красиво, что цитирование имеющейся литературы может доставить удовольствие и тому, кто пишет, и тому, кто будет читать. К этому следует добавить, что почти 60 лет в нашей стране не издавались работы Фрейда, и изложение его мыслей будет новым взглядом на нашу действительность. Писать об авторе психоанализа легко. Существует много штампов, которые настолько глубоко укоренились в сознании, что вряд ли кто посмеет отвергнуть их.

О Фрейде писали, например, такие мастера художественной прозы, как Томас Манн, Стефан Цвейг, Ромен Роллан.

Писать о Фрейде необычайно сложно. Стереотипы и заученные истины возвращают тебя к уже известному и незаметно могут привести к банальщине. Есть риск стать в позу знатока и кого-то поучать, говорить избитыми фразами. Но самое трудное, пожалуй — объективно оценить не только те колоссальные изменения в психологической и медицинской науке, которые произвел психоанализ, но и его влияние на такие разнообразные области, как социология, философия, культура, антропология, мораль, этика, искусство, литература, история и даже политическая наука. Да и как подступиться к этой проблеме?

И я решаюсь отойти от академических канонов, нарушить традиции написания подобных очерков и высказаться об авторе психоанализа, основываясь, главным образом, на собственной оценке его трудов и биографических сведений о нем. Попробую высказаться о психоанализе, как о чем-то индивидуальном, пропустив свои мысли, суждения и чувства сквозь призму жизненных воспоминаний, бесед с учителями, дискуссий с друзьями, глубоких разочарований и веры в свободу и разум. Я сознаю, что написать вступительную статью о Фрейде, превратив ее, пусть даже отчасти, в некую форму самовыражения, наверное, не слишком скромно. Однако мне почему-то кажется, что Зигмунд Фрейд благословил бы меня именно на такое изложение. А возможно бы и добавил, что ученый не вправе только беспристрастно описывать факты, ибо сами по себе они мало о чем говорят, если не служат никакой идее... В теории — величие науки... Но сразу же напрашиваются вопросы, а может ли психоанализ быть принят как теория? Какие имеются на этот счет суждения? Известно, что на сегодня в науке существуют три главных критерия, исходя из которых может быть принята или отвергнута та или иная теория. Это внутренняя несогласованность, несоответствие с эмпирическими фактами, наличие другой аналогичной теории, которая шире и глубже объясняет свой предмет. Большинство

психоаналитических теорий, по моему глубокому убеждению, удовлетворяют этим требованиям, и потому психоанализ является наукой не в меньшей степени, чем физика.

Верно и то, что положения психоаналитиков способны обескуражить любого логика, но по-видимому, не потому, что психоанализ иррационален, а потому, что во многом иррационально человеческое поведение.

ПСИХОАНАЛИЗ И ЕГО СОЗДАТЕЛЬ

Термин «психоанализ» наиболее четко был раскрыт З. Фрейдом в его статье, опубликованной им в «Британской энциклопедии» в 1926 г. У него два значения. Во-первых, им обозначают метод лечения психических расстройств и, во-вторых, учение о бессознательных психических процессах. По мнению многих выдающихся деятелей науки и культуры, проникновение в психологию бессознательного — одно из величайших интеллектуальных достижений человечества. Психоанализ породил разнообразные социокультурные и медико-психологические направления исследований. Можно смело сказать, что психоанализ — это новая наука о структуре психики человека в ее онтогенетическом развитии; это учение о внутренних конфликтах и защитных механизмах личности. Это учение о психопатологии обыденной жизни, о причине невротических расстройств, глубинах сексуального влечения и особенностях взаимодействия людей в коллективе. Творчество Фрейда оказало также исключительное влияние на развитие наших представлений о периоде детства и о процессе социализации личности.

Фрейд первый показал, что существует различие между тем, что возникает в сознании, и тем, что является скрытой психической реальностью (то есть наличие мыслей и желаний, которые не осознаются). При этом индивид часто не только не желает ничего знать о своем бессознательном, но и сопротивляется этому знанию.

Фрейд был не первым, кто столкнулся с проблемой бессознательного, но он первый предложил стройную теорию этого феномена, оттолкнувшись от клинических фактов.

Вклад Фрейда в психологию состоял в том, что он задал вопрос «почему?», и тем положил начало исследованию процесса мотивации. Он стоял на позиции строгого детерминизма психических феноменов, процесс мышления рассматривался им в контексте целостной модели личности, разделенной на иррациональное, бессознательное, наделенное памятью предсознательное и ориентированное на реальность сознание. Он разрушил барьер между нормой и патологией. Поведение описывается в теории Фрейда, исходя из принципа удовольствия, в соответствии с которым действует «Я», и трансформацией психической энергии — либидо, источником которой является бессознательное. Психическое здоровье отождествлялось Фрейдом с «гармоническим балансом» инстинктивных требований самосохранения Я к моральным требованиям Сверх-Я.

Используя психоанализ, как метод самопознания, человек заглянул в глубины своей души и увидел там не только совесть, стремление к свободе, идеал, но и грозные отголоски ушедших эпох: неистовую злобу, насилие, фанатизм, заостренные стереотипы, безумие войн, бесчисленные проявления агрессивности, признаки надвигающегося крушения своей личности. Он увидел, что стандартизация вторглась в его духовную жизнь, побуждая всех одинаково мыслить, реагировать, поступать. Это видение напоминало ему жизнь его далеких предков с их мифологическим мышлением, слабо выраженным индивидуальным началом и верой в силу общественных ритуалов. И человек почувствовал, что ему надо оказывать сопротивление психологическому порабощению, что существует искусный, хорошо продуманный контроль не только над его сознанием, но и невидимое воздействие на его бессознательную сферу. И если он не будет сопротивляться, то общество вылепит из него свой, нужный данной социальной системе экземпляр. И человека охватила невыносимая тревога за его настоящее существование. Захотелось презреть многочисленные условности, связать воедино реальное и бессознательное, найти путь к психологической свободе и возможностям реализации своего Я.

Значение, масштаб и глубину прозрений, внесенных Фрейдом в научную, интеллектуальную и культурную жизнь нашей эпохи, трудно переоценить.

Однако З. Фрейд неоднократно подчеркивал, что теория психоанализа окончательно не сформирована. Недаром одна из его последних статей выразительно называлась «Анализ конечный и бесконечный» (1937 г.). Появляются новые данные, которые изменяют даже те теоретические положения, которые сегодня кажутся основополагающими. Учение о бессознательном, как отмечал Фрейд, открыто для пересмотра и развития.

Он признавал это естественным, поскольку его учение, обобщающее психологические наблюдения разных сфер жизни, не является догмой. Одновременно Фрейд считал психоанализ «глубинной психологией». Тем не менее вся история учения о бессознательном позволяет считать, что не столько фактический материал, клиническая практика и биологические концепции того времени, сколько огромная философская эрудиция и необычайная наблюдательность, творческое мышление и глубочайшая интуиция Фрейда породили концепцию психоанализа. Мне представляется, что это был, скорее всего, момент озарения. По существу, в первых трех работах изложены почти все основные положения о бессознательном. И не случайно возникает чувство великого от всего, к чему он прикоснулся. Беспрерывная борьба за психоанализ требовала воли и смелости...

Но вот что интересно, почему автор психоанализа постоянно и неустанно повторяет, даже в небольшом эссе, что в своих теоретических построениях он опирается на клинический опыт, что врачебная практика и данные психологических наблюдений составляют фундамент его учения. Об этом можно только догадываться, поскольку дневники Фрейда и его переписка в значительной части уничтожены им самим, а частью переданы дочерью Анной в библиотеку Американского Конгресса.

Можно допустить, что З. Фрейд делал это сознательно, чтобы не оттолкнуть огромную армию психологов и врачей от своего учения. Кроме того, вторжение врача в чужую область знания, каковой для него была философия, могло вызвать сильную критику в его адрес и затормозить развитие учения о бессознательном. Это был период, когда после расцвета многочисленных философских течений, началось падение их популярности. Большинство ученых принимали лишь те теории, которые основывались не на сомнительных спекулятивных предположениях, а на многократно проверенных фактах, в частности, на клинических и психологических наблюдениях и экспериментах.

Автор учения о бессознательном стремится использовать примеры и термины из физики и химии, пытаясь тем самым дополнительно проиллюстрировать и подтвердить научность своей концепции, показать обоснованность выдвигаемых им теоретических положений. Он видит нечто общее между физикой и психоанализом, сравнивая такие понятия, как инстинкт», «мотивация», «нервная реакция», с понятием «сила», «масса», «притяжение». Описывая бессознательную деятельность, Фрейд приводит примеры из химии, эволюционной биологии, подчеркивая сходство его учения с естественнонаучными теориями.

Говоря о теории потребностей, влечений, инстинктов, Фрейд замечает, что существует язык, присущий психологии, который может быть со временем вытеснен «языком физики и химии», и что нужен инструмент, который, подобно микроскопу или иному аппарату, способному к объективной фиксации, поможет исследовать нашу психику.

Но несмотря на все усилия Фрейда, научный мир Европы поначалу так и не принял его теории. Но ученый не сдался. Его гений до последних дней жизни искал все новые и новые тропы внутри бессознательной сферы, пытаясь осветить самые темные ее уголки, проникнуть в тайну влечений, побуждений и импульсов человека. Он хотел познать суть бессознательной любви, бессознательного страха, гнева, ненависти. Но ведь они бессознательны... Их не измерить с помощью приборов. Как же все-таки узнать, что за энергия гнездится в глубинах психики?

И Фрейд проникает туда, куда проникнуть, казалось бы, не дано никому. Он убежден, что человеческий разум всемогущ.

В некоторых работах З. Фрейд пишет, что, в принципе, существует возможность познать бессознательное, уловить бессознательные намерения, часто определяющие поведение индивида.

Кроме деления области психического на сознательное и бессознательное, Фрейд выделял три структурных компонента личности: Оно, Я и Сверх-Я, где Оно в основном бессознательно, Я отчасти бессознательно и отчасти сознательно. Я является центром рациональной психической деятельности, который принимает решения и разрешает конфликты. Я, по существу, представляет разум, а Оно — страсти. Оно также является источником психической энергии, которая трансформирует Я, придавая ему индивидуальность, самобытность, неповторимость. Сверх-Я представляет

требования социальной реальности. От единства и совместного функционирования этих трех компонентов личности зависит нормальное поведение и развитие индивида.

Внутренняя независимость личности, считает Фрейд, достижима не ценой отвержения требований Оно, и не ценой освобождения от моральных представлений, а посредством интеграции этих психических феноменов в Я. Поскольку психоанализ является терапией, направленной на превращение бессознательного в сознательное, он представляет собой самопознание, которое ведет к внутренним изменениям и способствует развитию личности в направлении ее автономии. Самопознание в психоанализе приводит также к тому, что человек перестает быть рабом своих желаний как бессознательных импульсов, получает возможность направлять их, становится подлинной личностью.

Самораскрытие Фрейда — один из пунктов, который заставляет не только последователей и учеников, но даже противников по-новому взглянуть на него. Ведь Фрейд представил на суд современников и потомков в виде клинического материала свои фантазии и комплексы, свои импульсы, влечения. Он раскрыл самые сокровенные желания, неприятные даже для собственной памяти события, и это при том, что он вырос в буржуазной среде, где высоко ценилось все личное, частное, интимное. Манера и степень его самораскрытия настолько поразительны, что вызывают порой недоумение. Но этого требовал метод. И он шел на все эти жертвы, фактически используя себя в качестве «подопытного кролика».

Но с другой стороны, можно ли понять бессознательное без потока саморазоблачений? Ведь речь идет о самонаблюдении, методе, когда одна часть сознания исследует другую, препарировывает ее, позволяет увидеть себя в новом ракурсе, установить новую реальность психики, недоступную никаким точным методам.

Другими словами, в психоанализе для проникновения в скрытые глубины самосознания человек одновременно выступает и исследователем, и объектом исследования.

Фрейд показал, что существующие в науке о психике правила исследований для этого мало пригодны и дал другую систему отсчета в надежде, что она заменит существующую.

Но, изменив парадигму науки о психике, расширив пределы ее познания, Фрейд тем не менее не смог конкретизировать выдвинутую им модель. Достоверность полученных результатов натолкнулась на почти непреодолимую сложность их воспроизведения.

Многочисленные интерпретации и модификации теоретических построений постоянно заставляли Фрейда искать новые пути внутри парадигмы о бессознательном, в мотивах поведения, необходимости объяснения психического только психическим.

Конечно, последнее не означает, что автор учения о психоанализе отрицал важность исследования взаимодействия между психическим и физиологическим. Напротив, Фрейд неоднократно подчеркивал, насколько

важно знать, в результате каких воздействий (физических, органических, психогенных) возникают отдельные психопатологические феномены.

Особое внимание Фрейд обращает на вопрос детерминации. Психоанализ как естественная дисциплина (эти слова он упоминает особенно часто) обязан постоянно заботиться о детерминизме, поскольку категория казуальности является его основой. Исходя из этого, Фрейд принципиально отрицает возможность существования случайностей в природе самой психики.

Корни неврозов он усматривает в бессознательном. Перечисляя наиболее существенные моменты психоанализа, Фрейд настойчиво возвращается к тезису, что принцип детерминации и осмысленности — это основные части его концепции, что в психической деятельности нет произвола, как его нет и в неодушевленном мире — следует только искать и найти эти законы.

В своей работе Фрейд был неутомим. Он выдвигал гипотезы, затем уточнял и дополнял их. Находил новые формулировки, доказательства, подходы. А когда он чувствовал, что становится неубедительным, с поразительной ловкостью находил нужную фразу, довод, и читатель вновь попадал под обаяние его текста.

И все же «прорехи» в психоаналитическом учении оставались. Можно допустить, что Фрейд перешел к психоаналитическому исследованию социальных явлений, религии, культуры, творчества великих людей отчасти и потому, что здесь открывался больший простор для аналогий и меньше, нежели в биологии и медицине, оказывались нужны статистические и математические методы доказательств.

С того момента, как Фрейд обнародовал свою теорию, с повестки дня не сходит вопрос: кем же он был? Ученым-естествоиспытателем, мистиком, философом? Сам он не хотел, чтобы кто-либо проник в его интеллектуальную «кухню», быть может, предвидя, насколько ошибочными будут суждения о нем биографов. Он несколько раз уничтожал свои записи, черновики, наброски статей. В последний раз лишь бдительность дочери Анны спасла его бумаги от мусорной корзины. Отвечая на вопрос о том, что внес в науку З. Фрейд, можно сказать: он первооткрыватель еще одного измерения Разума. Не случайно различные специалисты в своих исследованиях опираются на труды З. Фрейда, заимствуя у него идеи, положения, мысли и получая мощный импульс для своего творчества. Врач находит здесь новые подходы к пониманию проблемы неврозов, извращений, эффективности нетрадиционной терапии; юрист обращает внимание на происхождение «немотивированных» преступлений; для писателя, поэта, драматурга труды Фрейда не только неисчерпаемый источник тем, но и ключ к пониманию процессов творчества; музыкант находит здесь язык мелодий и ритма; социолог — новый подход к культуре, религии, моде, особенностям взаимоотношения лидера и народа, пониманию психологии толпы и т.п.

Специфика трудов Фрейда — это не научная логика, а скорее, неведомый до сих пор стиль мышления, дающий обильные всходы. Ведь в психоанализе есть нечто такое, что будит творческую мысль даже тогда, когда оппонент отвергает учение. Негативный резонанс тоже порой оказывается полезной

реакцией. И напрасно некоторые исследователи говорят о «крахе психоанализа»¹. Скорее, напротив, можно говорить о величии Зигмунда Фрейда, ибо он дал импульс многим направлениям науки, обеспечил прорыв в невиданные глубины нашей психики, помог понять многое, что считалось таинственным. И самое ценное то, что психоанализ до сих пор вызывает неутраченную полемику. Развитие, идущее через борьбу мнений, дискуссий, это и есть подлинный прогресс знания.

Заслуги Фрейда перед наукой позволяют поставить его имя в один ряд с именами Н. Коперника, Ч. Дарвина, А. Эйнштейна.

ФРЕЙДИЗМ: ПОЛЕМИКА БЕЗ КОНЦА...

Сегодня, как и во времена первой публикации, отзывы коллег и ученых о З. Фрейде удивительно полярны. Здесь легко найти все: и ненависть, и преклонение, и полное отрицание, и слепое следование каждому слову Учителя. Почему же психоанализ на протяжении почти 100 лет оказывается мишенью нападков и предметом восхищения? Может быть, ответ надо искать не только в самом учении, но и в подходе к нему ученых, которые столь различно относятся к учению З. Фрейда. Проблема эта весьма сложна и, я бы сказал, деликатна. Ясно одно: вся структура их научного мышления иная, чем у Фрейда. Это, как правило, рационалисты, для которых логика прежде всего. Каждое умозаключение основано у них на воспроизводимости результатов в эксперименте. Теория, с их точки зрения, должна отличаться формальной строгостью, а используемый способ познания — клиника, эксперимент, воспроизводимость результатов. Предмет их исследований — сфера нормального и нарушенного сознания, а не бессознательного. И вдруг появляется человек, который берется изучать нечто такое, что не поддается изучению... «Бессознательная сфера, — заявляет он, — не подчиняется законам времени и пространства, этиологию многих форм психических расстройств надо искать в самых ранних этапах жизни младенца, начиная с рождения. Видимая причина заболевания не есть истинная причина... а только вершина айсберга, основание которого уходит в неведомую глубину». Как после всего этого начинающим и признанным ученым с их железной логикой, четкими последовательными умозаключениями не назвать Фрейда «выскочкой»?

Есть и другие критики фрейдизма: порожденные тоталитарной системой и периодом застоя фальсификаторы, ханжи и лицемеры. К сожалению, подобных критиков в среде ученых (философов, социопсихологов, психиатров) до недавнего времени было в избытке. Но борьба шла не на равных. Психоаналитик не мог им возразить, так как его не печатали. Потребовалась перестройка всей науки, гласность и демократизация общества, чтобы получить право высказать истинное суждение о

¹ Уэллс Г. Крах психоанализа. М.: Прогресс, 1968, — 287 с.

психоанализе, издать труды Фрейда, позволить людям самим разобраться в науке о бессознательном.

Читая многочисленные критические работы о психоанализе, бессознательном, теории либидо, эдиповом комплексе и других концепциях Фрейда, невольно задумываешься над вопросом, который интересует, наверное, многих — как сумела выжить теория Фрейда, появившаяся в столь враждебном для нее окружении и подвергшаяся за столетие своего существования такому количеству атак и опровержений, какое, пожалуй, не приходилось ни на одну другую теорию в истории науки. Думаю, что существенную роль в утверждении психоанализа сыграла личность самого Фрейда, его страстная убежденность в правильности выдвинутых положений и его огромная научная смелость. Достаточно вспомнить, какой небывалый резонанс, какие насмешки вызывали почти все его статьи и книги, как мужественно он переносил эти нападки. Но самую существенную, если не главную роль, сыграло то, что основные положения психоанализа оказались правильными! К этому следует добавить мастерский слог Фрейда, его умение излагать свои взгляды и убедительно трактовать факты, полученные и в клинике, и в повседневной жизни. И конечно, упорство ученого в достижении цели.

В числе тех из современников Фрейда, кто по достоинству оценил его концепцию, был Эйнштейн. «Я рад, — писал он З. Фрейду, — что это поколение имеет счастливую возможность выразить Вам, одному из величайших учителей, свое уважение и свою благодарность. Для скептически настроенных непрофессионалов Вы несомненно не облегчили пути нахождения независимого суждения. До самого последнего времени я мог только умоглядно чувствовать мощь хода Ваших мыслей с его огромным воздействием на мировоззрение нашей эры, но не был в состоянии составить определенное мнение о том, сколько оно содержит истины. Недавно, однако, мне удалось узнать о нескольких случаях, не столь важных сами по себе, но исключаящих, по-моему, всякую иную интерпретацию, кроме той, что дается теорией подавления. То, что я натолкнулся на них, чрезвычайно меня обрадовало; всегда радостно, когда большая и прекрасная концепция, оказывается, совпадает с реальностью».

Изучая психоанализ, человек должен открыть в себе нечто совсем новое, чтобы уловить переживания бессознательно протекающей жизни, в которой все отображается иначе, чем в нашем языковом сознании. При чтении Фрейда необходимы осторожность и терпение, благожелательное отношение к автору там, где здравый смысл способен преждевременно вынести свое суждение.

Важно разъяснять основы науки о бессознательном, исходная методология которой не отвечает общепризнанным канонам. Каждый должен сам открывать для себя Фрейда и не бояться предлагать иные гипотезы, теории, пути их проверки, не страшиться огромного авторитета великого ученого.

ИЗ ИСТОРИИ ПСИХОАНАЛИЗА

Россия была одной из стран, которая сразу же проявила серьезный интерес к психоанализу. С начала века в приложении к журналу «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» стали издаваться книги Зигмунда Фрейда (например, работа «О сновидениях» вышла уже в 1904 году).

В те годы многие русские студенты, врачи и психологи командировались в Европу для получения образования и совершенствования знаний. Наиболее популярными в среде психиатров и невропатологов были Германия, Австрия и Швейцария, вернувшись откуда, многие специалисты становились проводниками и популяризаторами психоаналитических идей.

К пионерам психоанализа в России следует отнести Н. Е. Осипова, который, познакомившись с теорией Фрейда в Цюрихе, активно начал пропагандировать ее в Москве. По материалам впечатлений от Цюрихской клиники, он написал статью о психологии комплексов и ассоциативном эксперименте.

Большую роль в распространении идей Фрейда сыграл основанный в Москве в 1908 году журнал «Психотерапия», на страницах которого регулярно печатались труды русских и зарубежных психоаналитиков.

Постепенно психоанализ распространился не только в Москве и Петербурге, но и в других городах — Ростове, Казани, Харькове, Минске. В Одессе доктор А. А. Певницкий начал применять психоаналитическое лечение (ему принадлежит интересная работа «О психоанализе при лечении алкоголиков», 1912).

13 марта 1908 года в Петербурге переводчик многих работ по психоанализу, доктор М. В. Вульф, чей авторитет психоаналитика признавал Фрейд, сделал доклад о фрейдистском методе терапии психоневрозов и необходимости его популяризации. На этом же заседании был поставлен вопрос об организации Русского психоаналитического общества.

В 1909 году на курсах усовершенствования врачей-психиатров, организованных при центральном приемном покое для душевнобольных, Н. А. Вырубов прочитал лекцию «Психоаналитический метод в изучении и терапии психоневрозов», где подтвердил правильность основных положений психоанализа.

Его перу принадлежат и две первые русские научные работы по психоанализу. Представляет интерес, что сподвижник и друг основоположника отечественной психиатрии С. С. Корсакова Н. Н. Баженов, автор блестящих статей на общественные и психиатрические темы, составитель докладов по вопросам законодательства о душевнобольных, вступил в переписку с Зигмундом Фрейдом, попросив австрийского ученого проконсультировать больного с тяжелым неврозом.

В 1910 году на собрании врачей Московской психиатрической клиники под председательством В. П. Сербского, врачом-ординатором М. М. Асатиани был сделан содержательный доклад на тему «Психоанализ истерического психоза».

Не вдаваясь в детали становления психоанализа в дореволюционной России, можно отметить не только все возрастающий интерес к нему многих русских психиатров и психотерапевтов, но и стремление осмыслить его с позиций работ И. М. Сеченова, В. М. Бехтерева, И. П. Павлова, найти физиологическое обоснование теории З. Фрейда. Эту тенденцию русского психоанализа четко выразил профессор А. А. Ухтомский: «Динамическая, функциональная психиатрия в лице психоаналитического метода подает руку диалектическому направлению физиологии нервной системы. *Они найдут общий путь и язык*» (курсив А. А. Ухтомского — А. Б.)¹.

Весьма существенным представляется и тот факт, что в России психоанализ никогда не противопоставлялся гипнозу. Напротив, можно проследить отчетливое стремление русских специалистов найти общность психофизиологических механизмов и возможность дополнить один метод другим. Важное место занимал и вопрос о границах применимости психоанализа. Характерной чертой психоанализа в России можно считать также его использование для глубокого философского осмысления ряда социальных явлений. Однако при всем огромном уважении к Зигмунду Фрейду, русские ученые никогда не следовали за ним слепо; критически относясь ко многим фрейдовским положениям, они стремились внести в них коррективы, сделать их более приемлемыми для культуры и традиций России.

После революции центрами психоанализа стали Москва, Ленинград, Казань, Харьков, Ростов-на-Дону, Одесса. Начиная с 1919 года, появляется много книг по психоанализу. Вновь создается Психоаналитическое общество, куда входят И. Д. Ермаков, М. В. Вульф, В. А. Белоусов, В. Ф. Шмидт, Ю. В. Каннабих, А. Р. Лурия и др.

Заслугой Психоаналитического общества было участие в организации при Наркомпросе Государственного психоаналитического института (ГПАИ), где под руководством И. Д. Ермакова была организована амбулатория, и активно велась лечебная работа. Психоаналитический институт занялся подготовкой кадров, в нем читались лекции и проводились семинары, на которых собирались не только врачи, но и творческая интеллигенция. Много времени уделялось психоанализу детей (С. Н. Шпильрейн), а также взглядам З. Фрейда на религию, культуру и революцию.

Своеобразной лабораторией ГПАИ был детский дом «Международная солидарность», где велась большая исследовательская работа по разработке новых методов детского воспитания, основанных на принципах психоанализа.

Нельзя не отметить участия русских ученых в исследовании психологии творчества. Это направление с огромной научной отдачей развивал И. Д. Ермаков.

По сей день остаются актуальными исследования русских психоаналитиков в области «экспериментального психоанализа». Были сделаны попытки выразить психоаналитическую теорию в терминах физиологии и заполнить

¹ Ухтомский А. А. Психоанализ и физиологическая теория поведения. Л., 1928, с. 9.

ту брешь, что наметилась тогда между психологией и физиологией. Высказывалась, в частности, идея о физиологическом объяснении невротических реакций.

Интересна работа А. Р. Лурия и А. Н. Леонтьева «Исследование объективных симптомов аффективных реакций» (1926)¹.

Обобщая проведенные исследования, авторы подчеркивали важность теории катарсиса Фрейда для понимания результатов их работы. Например, им удалось экспериментально подтвердить, что вскрытие сущности аффективной травмы позволяет больному более адекватно отреагировать на ситуацию.

Годом раньше (1925 г.) вышла замечательная работа Ю. В. Каннабиха², в которой, основываясь на собственном опыте, он дал глубокий анализ положительных и отрицательных сторон психоаналитической терапии. Русский исследователь отмечает, что регулярное занятие психоанализом приучает больного к более спокойному и объективному отношению к болезни, вырабатывает привычку отдавать себе ясный отчет во всех психических актах, в их причинных соотношениях и субъективных целях. Человек приучается реагировать на окружающее не посредством *рудиментарных, неоформленных* актов (смутных, неопределенных эмоций и незаконченных установок), а рефлексам высшего порядка — ясно и точно ограниченными идеями, то есть вполне законченными установками. Больной перестает быть игрушкой слепых настроений, недодуманных до конца мыслей и других инфантильных реакций. «Длительное общение с психотерапевтом — отмечает Ю. В. Каннабих, — подаваемый им пример труда, терпения, и выдержки способствует тому, что невротическая психика входит в более определенные и прочные берега: больной, отождествляя себя с врачом, заимствует у него способы ориентации и реагирования, что и облегчает ему приспособление к среде». Касаясь вопроса перенесения, Ю. В. Каннабих, в частности, замечает, что «пациент, чувствуя себя более приспособленным к жизни, испытывает стеническую эмоцию, а так как эта эмоция появилась вследствие общения с врачом, больной ищет такого общения, то есть *привязывается* к врачу, у него образуется *комплекс врача*; этот комплекс заимствует главную массу своей аффективной энергии от аффекта симптомов болезни; последние, таким образом, лишаются своей энергии и сходят на нет. Этот своеобразный рефлекс получил в психоанализе название *перенесения на врача*. Перенесение выполняет крайне полезную функцию: эгоистическая установка на себя и собственную болезнь через промежуточную ступень — установку на врача — превращается в установку на реальную жизнь и деятельность».

¹ Лурия А. Р., Леонтьев А. Н. Исследование объективных симптомов аффективных реакций. М., 1926.

² Каннабих Ю. В. Основы терапии. Л., 1925, с. 1–19.

Говоря о показаниях к *психоаналитической терапии*, автор выделяет истерию, невроз навязчивых состояний, фобии, психосексуальные отклонения и извращения и некоторые реактивно-аффективные синдромы.

Недостатком же психоаналитического метода, по мнению Ю. В. Каннабиха, является длительность лечения. Кроме того, психоанализ требует со стороны больного иногда довольно высокого уровня интеллектуального развития, иначе, например, свободное ассоциирование встречает большие препятствия. Это также сильно ограничивает применение этого способа лечения. Много писали против психоанализа, ссылаясь, во-первых, на моральные соображения, и, во-вторых, на его опасности.

Первое замечание, хочу сразу же подчеркнуть, констатирует Ю. В. Каннабих, лишено всякого смысла; опасности ни разу не были точно доказаны. Даже психоанализ *всего* по З. Фрейду, то есть с установкой на сексуальное, в умелых руках совершенно безопасен. Знаменательно, что критики и противники психоаналитического метода в большинстве случаев не имеют о нем научно-законченных сведений.

Но в конце 20-х годов начинаются планомерные нападки на психоанализ. Падает издание психоаналитических работ, а те, что выходят в свет, как правило, содержат уже не предисловия известных ученых, а обезличенные ремарки «от издательства», в которых утверждается, будто психоанализ «обнаружил свою идеалистическую, глубоко буржуазную реакционную природу» или же представляет «по своей социальной природе типичную мелкобуржуазную теорию». Серьезная критика подменяется наклеиванием ярлыков, искажением концепций, тенденциозной и односторонней трактовкой заключений Фрейда, выдергиванием отдельных цитат. Далее следует уже прямое гонение на психоанализ. Решение СНК от 14 августа 1925 г. о закрытии Психоаналитического института начинает активно проводиться в жизнь, несмотря на протесты многих ученых. Останавливаются две программы по изданию классических и новейших работ по психоанализу. Фактически прекращаются практически важные научные исследования. Многие работы русских ученых по психоанализу так и не увидели света. Последнюю работу по психоанализу Н. Н. Трауготт и соавторов, посвященную механизмам вытеснения, удалось с трудом опубликовать в 1934 году.

Затем последовал, полный запрет психоанализа. Издание трудов Фрейда и других серьезных психоаналитиков было фактически прекращено на многие годы.

Таким образом, был изъят из нашей жизни огромный пласт культуры, связанный с раскрытием существа психоаналитического учения Фрейда, его подхода к изучению глубин человеческой личности: отвергнута гипотеза о победе разума над животными инстинктами человека, закрыт путь к пониманию происхождения страха, опасности, слепой веры в непогрешимость и мудрость власть предержащих. «Инстинктивное знание угрожающих извне опасностей, по-видимому, не присуще от рождения человеку или же

врождено в очень незначительных размерах», — указывал Зигмунд Фрейд в работе «Страх».

Только с середины 50-х годов, с начала «оттепели» начали робко оживать исследования по психоанализу. Оказалось, что во многих областях, связанных с изучением психологии человека, наша страна отстала, что учение о бессознательном ушло далеко вперед. Пока мы занимались критикой работ Фрейда, западный мир развил многие рациональные стороны его учения. Стало ясно, что подсознательная сфера — огромный источник резервов человеческой психики, что, отказавшись от ее серьезного и широкого изучения, мы не только лишили сотни и тысячи больных медицинской помощи, но и снизили работоспособность целых поколений людей творческого труда.

Хочу, чтобы меня правильно поняли. Я не ратую за огульный перенос клинических методов и многочисленных концепций, разработанных на Западе, на нашу почву. Хочу лишь подчеркнуть, что негативное отношение к Зигмунду Фрейду, продержавшееся до середины 50-х годов, некоторое оживление исследований в «хрущевский» период и вновь двадцатилетний застой серьезно затормозили работы наших ученых в области бессознательного. Совещание по вопросам идеологической борьбы с современным фрейдизмом, которое состоялось при президиуме АМН СССР в 1958 году, послужило сигналом к появлению многочисленных работ, где неустанно повторялись одни и те же, давно устаревшие обвинения фрейдизма в идеалистических трактовках бессознательного, доказывался вред от применения психоанализа на практике, хотя ни один из подобных авторов, могу сказать это с уверенностью, лично не провел ни единого сеанса психоанализа.

Давно известно: выздороветь всегда труднее, чем заболеть. Для выздоровления как отдельного человека, так и общества в целом, необходимо преодолеть внутреннее сопротивление, превозмочь страх, признаться в своих ошибках, понять, откуда они происходят, «вытащить» их на уровень сознания. И при этом понять их генезис.

Поэтому сегодня учение Зигмунда Фрейда требует новых подходов с точки зрения последних достижений естественнонаучного и гуманитарного знания.

МОИ ПЕРВЫЕ ШАГИ К ПСИХОАНАЛИЗУ

Вспоминаю беседы с моим учителем — профессором Игорем Степановичем Сумбаевым, прекрасным специалистом в области психотерапии, замечательным ученым, клиницистом, знатоком психоанализа. От него в столице Восточной Сибири — Иркутске я услышал впервые правдивое слово об учении Фрейда. До этого в сознании жило лишь клише: «Фрейд — апологет буржуазной идеологии».

Там же, в далеком сибирском городе, я впервые прочел запретную книгу «Лекции по введению в психоанализ». Из рук Сумбаева я получил и другую работу — «Остроумие и его отношение к бессознательному». За год в

библиотеке учителя я прочел почти все работы Фрейда, изданные в России. Простудировал и работу Сумбаева, в которой он описывает случай лечения гомосексуализма методом свободных ассоциаций. В своих лекциях, к сожалению не опубликованных, советский ученый предвосхитил многое из того, что почти через 40 лет напишет Кеннет Левис в монографии «Психоаналитическая теория мужского гомосексуализма», вышедшей в 1988 году в Нью-Йорке.

Тогда же один из ассистентов профессора Сумбаева — Николай Владимирович Иванов — (позднее ставший известным советским психотерапевтом) под большим секретом рассказал, что по вечерам, когда весь персонал расходится, он проводит психоаналитическое лечение больных неврозами. И если я хочу, то он введет меня «в этот мир», мир бессознательного, закрытый для большинства советских врачей. Но для того, чтобы лучше все познать и уметь лечить других, я должен сам пройти курс психоанализа. «Иначе, — заключил Николай Владимирович, — ничего глубоко не поймешь. Нельзя научиться лечить по книгам. Но болтать об этом не следует — снимут с работы. Можешь и диплома лишиться. Но не волнуйся... дальше Сибири все равно не сошлют. В этом ее преимущество.

Начинался 1952 год. Репрессии продолжались. Невежество и ханжество одерживали победу над истинной наукой. И в это время в угловой комнате маленького деревянного домика, где размещался «психоневрологический диспансер», мы занимались на практике психоанализом. Учение И. П. Павлова, извращенное его исследователями, набрало полную силу. И хотя специальная терапия психически больных

длительным сном была просто бессмысленна, а то и вызывала ухудшение, почему-то это никого не смущало. На так называемой научной дискуссии по поводу значения учения И. П. Павлова для психиатрии, прошедшей на объединенном заседании президиума Академии медицинских наук и пленума правления Всесоюзного общества невропатологов и психиатров в октябре 1951 года было провозглашено, что физиология и патофизиология больших полушарий являются «прочной основой советской психиатрии», но «отдельные лица», — указывалось далее, — пытаются противопоставить павловскому учению глубоко чуждые советской науке идеалистические направления». К таковым, естественно, относилось и учение Фрейда.

Благодаря ежедневным психоаналитическим сеансам, я открыл для себя новый мир, но особенно остро пережил феномен «перенесения».

Согласно учению Фрейда, прежде чем удастся убедить пациента принять новую картину мира, психотерапевт должен установить с ним контакт, определенный автором психоанализа термином «трансфер» («перенесение»). Врач становится особо значимым для пациента человеком, что помогает ему переоценить свою прошлую жизнь заново, пройти ее вехи вместе с этим человеком, как бы заменяющим ему родителей. Но на этом пути у пациента возникает сложная и противоречивая гамма чувств по отношению к психотерапевту.

Помню, что в период прохождения курса психоанализа я испытывал к И. Сумбаеву одновременно и уважение, и злобу; желание бросить «самокопание» и непреодолимое стремление познать себя; враждебность к учителю и потребность вскрыть глубины своих переживаний. Вдумываясь во все это, еще раз поражаешься точности фрейдовской формулировки: «Психоанализ не создает переноса, он только открывает его сознанию и овладевает им, чтобы направить психические процессы к желательной цели». Я бы к этому добавил, что фактически лечит не аналитик, он создает ситуацию, в которой больной может сам себе помочь. Суть же феномена перенесения в том и состоит, что он облегчает появление новых установок и новой системы стандартов, ведет к смене жизненной позиции, создает ощущение внутреннего прозрения. Встречается этот феномен почти при всех формах человеческих отношений. Отношение же больного к врачу — это, по-видимому, лишь частный случай его проявления.

На собственном опыте могу сказать, что в процессе психоанализа уже с первых шагов возникает много вопросов к собственному Я. Человек в этот период становится одновременно и подсудимым, и судьей. Он как бы переживает очную ставку с самим собой; идет ускоренное саморазвитие личности; вскрываются многие инфантильные комплексы. Оставаясь наедине с собой, субъект устремляет свой взор внутрь своего Я, пробуждая живое воображение; сознание же пытается разглядеть мотивы поведения, причины возникновения потребностей, влечений, неожиданных импульсов, поднимает все сокровенное со дна души.

Под сокрушительным натиском свободных ассоциаций (первый шаг раскрытия своего Я) наступает прозрение, растут жизненные силы, мысленный взор вдруг раздвигает границы привычных представлений, и человек, чье поле зрения было только что ограничено завистью, недобрыми видениями, сутолокой и злобой дня, приобретает новый кругозор. По-видимому, пройдя психоанализ, невозможно остаться прежним. Ощущение, что ты увидел невидимое, долго держится в сознании. Человек получает новый материал, которым может по-своему манипулировать и двигаться дальше к тайникам своего Я. Интересно, что, попадая в мир фрейдовских дефиниций, в созданный им понятийный аппарат, многие специалисты получают импульс к творчеству, у них возникает желание поспорить с Фрейдом, возразить ему, дать что-то свое. И не важно, будет ли это прорыв в неведомое или просто перестройка личного мировосприятия; суть данного феномена в том, что, подхваченный импульсом фрейдовской теории, субъект оказывается в ином мыслительном пространстве, в новой гамме идей, дискутирует со своим привычным миром и разрушает его.

Ассоциации постоянно чередуются с мощной цензурой: забывается только что увиденный сон, путаются имена, при чтении возникает множество ошибок, подросток или взрослый одинаково ловят себя на желании всеобъемлющей свободы», не понимая до конца, что это такое и как объяснить эту потребность логически. Прорыв в сознание происходит неравномерно, и, я бы сказал, разновременен... В эти минуты субъект

особенно остро чувствует близость опытного друга — врача, тонкого психолога, любое слово которого оказывает почти магическое действие. Без такого контакта между врачом (или лицом, его заменяющим) и пациентом любой метод, и в первую очередь психоанализ, может не только оказаться неэффективным, но и ненароком затормозить саморазвитие субъекта, погасить новые установки, не дать пациенту сформировать новую систему ценностей, новую жизненную позицию!

Другими словами, как это неоднократно отмечал Фрейд, врач может неосторожными действиями закрепить, усугубить болезненные стереотипы. Более того, неосторожность обращения с психоанализом способна привести к снижению личных средств самовыражения, адекватных жизненному опыту субъекта.

Позже, уже после многих лет психоаналитической работы, я понял, что, имея дело с глубинными переживаниями человека, психоаналитик не должен уклоняться от вопросов совести, морали, смысла жизни и ее ценностей. Для этого важно досконально знать и уметь правильно оценивать те многочисленные ситуации, которые переживает пациент. Не случайно многие пациенты сильно привязываются к своим аналитикам. Человек поддается влиянию только тогда, когда между ним и тем, кто проводит психоанализ, возникает личностный контакт. Вообще хорошие результаты лечения можно получить, используя самые разные методы. Это — методики дыхания и музыкотерапия, стрессотерапия и психосинтез, йоготерапия и биоэнергетические методы и т.д. Общей чертой во всех этих случаях является одно — отношения глубокого доверия между тем, кто проводит лечение (врачом, учителем, психологом, методистом), и пациентом.

Однако наряду с подобными «неспецифическими» факторами, каким является вера (вера больного во врача, вера врача в свой метод, вера больного в свое выздоровление и вера врача в больного), каждый метод имеет специфику, присущую только данному типу воздействия. Это относится и к гипнозу, и к психоанализу, и к йоготерапии, и к экстрасенсорным воздействиям.

Вместе с тем, настало время, когда подобная групповая психотерапия должна менять свои формы в соответствии с теми огромными социально-психологическими сдвигами, которые совершаются сегодня в нашем обществе. В первую очередь, это связано с интеллектуальным развитием населения, самостоятельностью мышления и высокой степенью информированности в вопросах биологии, психологии, медицины. Задача врача — расширить спектр приемов, открывающих пациенту возможность глубокого самопроникновения.

Конечно, каждый человек проходит свой жизненный путь и по-своему воспринимает учение Фрейда. Можно принимать или не принимать на веру его гипотезы. Важно другое. Читающий и изучающий не может оставаться равнодушным к фрейдовскому учению.

ФРЕЙДИЗМ И ТОТАЛИТАРНАЯ СИСТЕМА

Некоторые советские психологи и философы в 20-х годах предпринимали попытки объединить исторический материализм с метапсихологией Зигмунда Фрейда. Были опубликованы многочисленные статьи и монографии о близости ряда положений Фрейда и Маркса.

Несмотря на то, что ряд идей Фрейда имеет чисто историческое значение, следует четко различать позицию марксистов в отношении психоанализа и отношение к нему тоталитарного режима. Почему, напрашивается вопрос, тоталитарные системы обнаружили полную непримиримость к учению о бессознательном? Что, казалось бы, опасного можно усмотреть в умозрительных, теоретических постулатах Фрейда, многие из которых противники фрейдизма клеймили как «бесплодную фантазию», «выдумку», «миф», «пустую схоластику»? Почему же «нереальность» фрейдизма вызвала столь мощное сопротивление огромной идеологической машины? При чем эта нетерпимость к психоанализу возникла на самых ранних этапах становления сталинской диктатуры, в период ее борьбы за покорное единомыслие народа, которое представляет собой главную идеологическую цель тоталитарного режима.

Не случайно, что начиная именно с конца 20-х годов, психоанализ начал со все нарастающей интенсивностью подвергаться запрету в СССР. Задолго до появления лысенковщины в биологии, гонений на кибернетику, печальной памяти сессии ВАСХНИЛ и прочих «идеологических» акций, издание трудов Зигмунда Фрейда и других серьезных психоаналитиков было фактически запрещено на долгие годы якобы во имя «гуманных» мотивов — не пропустить в сознание советского человека чуждой идеологии.

Примерно в это же время (май 1933 г.) в другой европейской стране, Германии, с не менее тоталитарным режимом, на одной из церемоний сожжения книг, когда очередь дошла до трудов З. Фрейда, Геббельс торжественно произнес, что предает эти произведения пламени «во имя благородства человеческого духа».

Говоря о тоталитарном режиме и его отношении к психоанализу, необходимо остановиться на нескольких моментах.

Первое — это идеологическая доктрина тоталитарного режима, то есть абсолютное единомыслие, четкое соблюдение установленных в обществе стереотипов и шаблонов поведения, участие в санкционированных ритуалах, усвоение типа эмоционального реагирования на слова и призывы вождя.

Второе — это полная нетерпимость даже к малейшему отклонению в поведении от общепринятых норм. Сталин, как нам хорошо известно, неуклонно проводил этот тезис в жизнь. Одновременно осуществлялась политика обожествления вождя, культивировалась любовь к нему, как к родному отцу, всеми способами укреплялась вера в могущество и непогрешимость «корифея всех наук».

В результате всякий инакомыслящий оказывается врагом, ибо жестко детерминированное общество смертельно боится плюрализма мнений. Отсюда тоталитарная централизация управления всеми сферами духовной и

общественной жизни. А главное — контроль «сверху», контроль специального аппарата над всеми мыслями и поступками людей.

Однако оказалось, существует учение, подтверждаемое практикой жизни, из которого неумолимо следует: полный контроль над мыслями человека и его поступками невозможен; воспитание не всеильно, ибо человеку присуще от природы нечто такое, что изначально не подвластно ему самому. И это нечто — бессознательная сфера психики человека. Она, как выясняется, недоступна влиянию извне и никакая идеология не может ее подчинить. Сфера эта не контролируется нашим сознанием; другими словами, бессознательная психика существует независимо от сознания. «Процессы бессознательной системы находятся вне времени, то есть они не распределены во временной последовательности и не меняются с течением времени, — писал Зигмунд Фрейд. — Более того, они мало принимают во внимание и реальность»¹.

Примечательно и то, что бессознательное одного человека может непосредственно влиять на бессознательное другого, как бы обходя самосознание. Этот факт, полагал З. Фрейд, заслуживает подробного исследования.

Бессознательная психика, с точки зрения Фрейда, не доступна нам непосредственно. Все люди отличаются друг от друга не только в силу среды обитания, по приобретенному опыту, генетике, воспитанию, но и в силу существования бессознательной сферы, где живут любовь и беспредельный эгоизм, милосердие и жестокость, ненависть к отцу и эротическое влечение к матери...

Фрейд утверждал, что в процессе психоанализа пациент становится другой личностью, таким человеком, каким мог бы стать при более благоприятных условиях. Психоаналитик, по Фрейду, добивается этих изменений, делая бессознательное сознательным, выявляя вытесненные болезненные переживания, заполняя пробелы памяти.

Поскольку психоанализ направлен на превращение бессознательного в сознательное, он является самопознанием, которое ведет к внутренним изменениям и способствует развитию личности в направлении автономии и свободы. Самопознание в психоанализе позволяет индивиду понять, что представляет собой он в психологическом и социальном смысле. Более того, индивид перестает быть объектом манипуляций над его психической сферой, получая большую возможность контролировать свои бессознательные влечения, аффекты, приобретая больше внутренней свободы и независимости.

Это никак не вяжется со стремлением тоталитарного режима добиться единообразия мыслей и действий, чувств и эмоций всех граждан, вбить в них культ единопочитания и обожествления вождя. Униформизм поведения даже в животном мире — это гибель для существования. Общество непрерывно претерпевает социокультурную эволюцию, поэтому остановка или застой в этом процессе ведут не просто к регрессу, но к неминуемой гибели. Во все

¹ Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. Москва—Петроград, 1923, с. 144–145.

живое сама природа заложила плюрализм реакций, поведения и эмоций. Заложила для того, чтобы продолжалась жизнь.

Итак, бессознательные представления, желания, стремления, страхи, чувства и т.д. создают непредсказуемость наших поступков, искажая, что называется, «логику поведения». «Бессознательное чувство», как указывает Фрейд, означает всего лишь зачаточное состояние или возможность, которые в случае развития, в конечном счете, предстанут в виде определенного содержания сознания, то есть, чувства.

Нововведения, возникающие благодаря активной психической деятельности, могут быстро распространиться, охватив целые группы людей и все общество. Более того, информация о них может передаваться от поколения к поколению и на бессознательном уровне. Иначе говоря, социальная эволюция обусловлена не только культурными, экономическими и социальными факторами, но и бессознательной психической деятельностью.

Если же к этому добавить, что в идеологии тоталитарной системы человеку нет места, он — лишь «винтик в общей машине», тогда как психоанализ, напротив, стремится показать все разнообразие душевной жизни личности, ее желания, импульсы, влечения, мысли, то становится понятным, почему система обрушилась на эту теорию столь суровые репрессии.

Любопытно, что главными действующими лицами в борьбе с психоанализом оказались бюрократы, взявшие на себя миссию идеологически обслуживать тоталитарный режим. Это они, объявив на словах учение Фрейда от начала до конца «вымыслом», на деле испугались его, усмотрев в нем серьезную угрозу их благополучию.

Резкий негативизм по отношению к психоанализу исходит не от марксистского учения о человеке, а от идеологов тоталитарной системы, которые прикрывают свои действия марксистско-ленинскими лозунгами, не имеющими ничего общего с подлинно философскими взглядами. Многие западные компартии, особенно итальянская, с большим уважением и глубоким пониманием относятся к учению о бессознательном, печатая на страницах коммунистических изданий многочисленные статьи, посвященные этой проблеме. Несколько отлично подготовленных изданий произведений З. Фрейда появилось недавно в ГДР.

Марксистское учение о человеке никогда не игнорировало научного наследия Зигмунда Фрейда. Критика многих положений этого учения, спор или несогласие с рядом последователей Фрейда отнюдь не означали запрет на работы ученого.

Немало коммунистов Запада и в настоящее время считают возможным использовать положения психоанализа для дальнейшего развития марксизма. Это прежде всего касается проблем, связанных с пониманием структуры и механизма человеческой субъективности, расшифровкой сущности, свойств и закономерностей массовой психологии, а также поисков новых подходов к субъективной реальности, которая столь многогранно и глубоко представлена в психоанализе. Иначе, речь идет о конструктивной разработке поставленных психоанализом проблем на более высоком научном уровне.

Тоталитарный же режим не только директивно запретил психоанализ, но активно и последовательно проводил политику подавления индивидуального самосознания человека и тем самым стимулировал его инстинктивную агрессивность. Тоталитарная система подменила индивидуальную историю личности историей класса, партии, различных коллективов. Человек терял свою индивидуальность.

Таким образом, идеологическая доктрина тоталитарной системы пренебрегала особенностями человеческой психики, в которую так глубоко проник Фрейд. Фактически все, что делалось в отношении человека в условиях сталинщины, имело глубокую антифрейдовскую направленность. Чего стоит уродование раннего детского опыта, способствовавшего остановке сексуального развития на инфантильном уровне, появлению невроза, формированию враждебности и подозрительности к ближним и, главное, — введение системы лжеотчета, согласно которой человек должен быть всегда счастлив, поскольку якобы «за него борется все общество».

Любопытно, что благодаря процессу вытеснения люди видели не истинную ситуацию, не подлинную реальность собственного бытия, а ту идеальную картинку, которую радужными красками рисовала сталинская пропаганда. Весь этот феномен можно назвать процессом деанализации. В процессе деанализации ограничивается свобода личности, утрачивается автономия. Человек со сниженным самосознанием превращается в существо, легко поддающееся любым манипуляциям. Над ним приобретают власть аффекты, инстинкты, страхи, фантазии, сновидения, периодические кошмары. Иррациональное побеждает сознательное. Об индивидуальной целостности субъекта при тоталитарном режиме не могло быть и речи. Личность описывалась только фрагментарно.

Болезненные состояния, например неврозы, трактовались как нарушения высшей нервной деятельности. Причины их связывались с экзогенной вредностью (психогения, интоксикация, травма). Диагноз игнорировал исторический метод исследования личности. Средства лечения от невроза видели в приспособлении человека к требованиям общества, гипнотическом воздействии и назначении лекарств.

Тоталитарный режим утверждал примат воспитания над всеми другими видами воздействия на личность. Основной акцент при этом делался на роль коллектива (детский сад школа, общественные организации).

«СОЦИАЛЬНЫЙ ЭДИП»

Особого внимания и глубокого изучения с психоаналитических позиций заслуживает вопрос о влиянии тоталитарных режимов на формирование личности. Потребуются годы напряженного труда, скрупулезный анализ фактов, теоретическое их осмысление, чтобы понять смысл социально-психологических феноменов, которые возникли в условиях сталинской деспотии. Я остановлюсь здесь лишь на одном из них. Известно, что наиболее важная для формирования психики ребенка проблема отношения с

родителями рассматривалась Фрейдом сквозь призму так называемого «эдипова комплекса». В известном древнегреческом мифе рассказывается об Эдипе, которому было предсказано Дельфийским оракулом, что он убьет отца и женится на матери. В результате сплетения ряда обстоятельств это предсказание сбылось! Термином «эдипов комплекс» Фрейд обозначал амбивалентность чувств ребенка по отношению к родителям. Мальчик стремится овладеть матерью как женщиной и устранить отца как соперника. В то же время он любит отца и жаждет его любви.

На определенном этапе онтогенеза ребенок отвращается от эдипова комплекса. Возможно, существенную роль в распаде играют социальные факторы, хотя нельзя исключить, что эдипов комплекс вытесняется в результате наступления соответствующего генетически запрограммированного этапа развития индивида. «Однако, — замечает Фрейд, не лишено интереса проследить, как осуществляется эта привнесенная закономерность и каким образом предрасположение используется случайными вредными моментами»¹.

Отказ от «первичных привязанностей» в соответствии с психоаналитической теорией заменяется идентификацией. Интроецированный в Я, отцовский или родительский авторитет образует там ядро Сверх-Я, которое может заимствовать строгость отца, равно как и другие черты его характера. Либинозные же стремления десексуализируются и сублимируются». Так рассматривал эту проблему Фрейд. Но сегодня, исходя из нашего исторического опыта, мы могли бы придать ей другой аспект. Что произойдет с детской психикой, если социальная система поставит на место биологического отца вождя и потребует, с помощью психологического прессинга, идентификации с «новым отцом»? Возникнет своеобразная подмена психологических категорий бессознательных влечений, импульсов, аффектов — их социальными эквивалентами. Говоря иначе, в каком направлении пойдет развитие ребенка, если естественный ход его идентификации с родителями будет нарушен?

По-видимому, нагляднее всего разобрать это явление на конкретном примере.

Приведу пример из моего детства. Шел 1937 год. Однажды наш одноклассник, сын военнослужащего, пришел гордый и важный, торжественно сообщив, что ночью у них был обыск. Забрали отца. «Может быть, даже расстреляют его», сказал он многозначительно и добавил, что именно он, Гена В., «разоблачил» отца, как врага народа». Учительница назвала ученика героем и долго говорила о том, что этот поступок — пример любви к Родине и лично к товарищу Сталину. Прошло более 30 лет. Мы случайно встретились. Я спросил его о прожитых годах. Задумавшись, он медленно ответил: «Отца реабилитировали... посмертно... есть документ...» На мой вопрос, что он думает о своей роли в гибели отца, В. ответил: «Время

¹ Фрейд З. Гибель эдипова комплекса. Психоаналитические этюды. Одесса, 1926.

такое было. Конечно, жаль отца. Но видимо у него была такая судьба. А я, вот, спиваюсь...»

Как понять этот феномен с психоаналитических позиций. Речь идет о том, что в силу тоталитарной системы на место родителей, образ которых столь важен для формирования личности, ставился облик вождя, по образцу и подобию сравнимый разве только лишь с Господом Богом. Ему всем строем, приписаны качества заботливого, справедливого, любящего и чрезвычайно мудрого человека, который к тому же постоянно думает о своих подданных, печется о детях и ненавидит врагов, стремящихся отнять это «счастливое детство»... Образ реального отца оказывается во много раз менее значимым в сравнении с вождем. Более того, отец может оказаться даже «врагом вождя», то есть негативно окрашенной личностью. Концепцию эдипова комплекса можно оспаривать, но попытка использовать теорию З. Фрейда для лучшего понимания ряда психологических и социальных феноменов вполне правомочна. Мой одноклассник в условиях тоталитарной системы дал повод к уничтожению родного отца во имя того, чтобы «угодить» вождю и получить его поощрение, пусть не прямое, а через учителя, вожакого, товарищей по школе.

«Социальный Эдип», как я назвал это явление, относится к аномалиям процесса идентификации в условиях тоталитарной системы, и в первую очередь, к социально допустимой форме отцеубийства через предательство, донос. Эта ситуация ярко отражена в поэме Александра Твардовского «По праву памяти»:

«Он говорил: иди за мною,
Оставь отца и мать свою,
Все мимолетное, земное
Оставь — и будешь ты в раю.

А мы, кичась неверьем в бога,
Во имя собственных святынь
Той жертвы требовали строго:
Отринь отца и мать отринь.

Забудь откуда вышел родом,
И осознай, не прекословь:
В ущерб любви к отцу народов —
Любая прочая любовь.

Согласно Фрейду, Эдипов комплекс — центральный феномен периода сексуального развития, относящийся к раннему детству. Затем он погибает (распадается) или в силу каких-либо причин вытесняется в глубины бессознательного.

Если принять фрейдовскую концепцию связи «эдипова комплекса» с идентификацией личности, то в отношении к образу отца-вождя можно

выделить две позитивные установки как к отцу и как к матери, что обеспечивает необычайно мощный, практически бескомпромиссный, процесс идентификации. Это проявляется во всеохватывающем отождествлении своего Я с образом вождя, который в данной ситуации выступает не только как идеал для подражания, но и как лицо, которому следует беспрекословно подчиняться. Вторым моментом здесь оказывается готовность субъекта объединяться со всеми, кто, подобно ему самому, признает власть вождя-отца. Совместное участие в одобренных лидером ритуалах, парадах, празднествах усиливает процесс подчинения идейному руководителю, обеспечивая тоталитарной системе единообразие мыслей, действия, типов эмоционального реагирования. Этим можно, отчасти, объяснить, что у большинства граждан тоталитарной системы определенные события, факты, ситуации вызывают сходные реакции, обеспечивая не только униформизм действий, но и готовность служить отцу-вождю и олицетворяемой им системе вплоть до самопожертвования. Анализ процесса идентификации в условиях тоталитарной системы показывает, как легко человек возвращается к своему первобытному состоянию, ибо, по З. Фрейду, человек доисторических веков продолжает жить в нашем бессознательном. Можно сказать, что все филогенетически вытесненные агрессивные влечения в специфических условиях тоталитарной системы берут своего рода реванш.

Признавая вождя-отца распорядителем своей судьбы, индивид черпает в его указаниях нормы, ценности и установки собственного поведения. Всех других людей он рассматривает лишь под одним углом: подходят ли они под эталоны, выдвинутые его вождем. Все, кто не укладываются в подобную стандартизацию, должны быть отвергнуты.

Хочу обратить внимание еще на один процесс, играющий важную роль в формировании феномена, названного «социальным Эдипом».

Дело в том, что, идентифицируя себя с вождем, субъект одновременно противопоставляет себя всем тем, кто имеет иную идентификацию. Наделяя идеологического отца положительными характеристиками, индивид на бессознательном уровне негативизирует всех, кто думает о нем иначе, исключая при этом какую-либо возможность правоты инакомыслия. Этот процесс, представляющий как бы обратную сторону идентификации, назван *дистинкцией*¹.

В дистинкции проявляется бессознательная предвзятость ко всему, что не относится к сфере усвоенных субъектом стереотипов. Отмежевываясь от других ценностей, понятий, типов эмоционального реагирования, субъект одновременно ощущает себя в одной цепи с себе подобными. Исследуя особенности процессов идентификации и дистинкции у граждан тоталитарной системы, можно отметить, что дистинкция как процесс дается проще, чем идентификация. Более того, она возникает быстрее, чем идентификация, поскольку здесь не требуется конкретного образа, эталона или идеала для подражания. Дистинкция на бессознательном уровне есть

¹ Белкин А. И. Индивидуальность и социализация. В кн.: Гормоны и мозг. М., 1979, с. 13–24.

размежевание с другой культурой. Не исключено, что на ранних этапах человеческой эволюции дистинкция играла положительную роль, обеспечивая индивиду постоянную напряженность внимания, напоминая об *угрозе* индивидуальному существованию, предупреждая об опасности. Сегодня, несмотря на прогресс человечества, дистинкция как психологический процесс продолжает оставаться все той же бессознательной, нагнетающей настороженность силой, особенно в условиях дефицита информации.

Но возникает еще один феномен, наиболее опасный для автономии личности. Интроецированный в психику подростка, авторитет вождя и созданной им системы участвует, говоря языком Фрейда, не только в формировании Я, но и Сверх-Я. Это значит, что оба — Я и Сверх-Я — в условиях тоталитарной системы оказываются подвластными вождю. Он может направить Я на убийство и снять через Сверх-Я голос совести, чувство вины и раскаяния.

Субъект возвращается к своему инфантильному состоянию. Происходит принудительное обобществление Сверх-Я, отрыв этой структуры от Я и Оно, разрушение психологической целостности личности. Дисциплинирующее, социализирующее влияние Сверх-Я ослабевает. Голоса совести, морали, раскаяния затухают. Человек совершает преступление на основе одной лишь директивы власти и эта же власть освобождает его от наказания, заглушает голос совести. Это совпадает с тем, что чувство самого себя, своего собственного Я перестает быть действительно самостоятельным, цельным — оно оказывается в руках той же системы. Вопреки всякой очевидности, человек со всеми его чувствами, мыслями, действиями не может противостоять ни вождю-отцу, ни созданной им системе. Возникает иной мир — мир бездуховности, в котором уничтожается культурное наследие прошлого. Этот своеобразный мир массового безумия не осознается его участниками. Человек видит свое счастье в иллюзиях, ареальности, обещаниях вождя. В ожидании «светлого будущего» он стремится забыться в алкоголе и погрузиться в безмыслие.

Развитие культуры, согласно психоанализу, налагает определенные ограничения на свободу. Эти ограничения оправданы, ибо они учитывают интересы общества и создают закономерное равновесие между стремлением отдельной личности и задачей сохранения социального порядка. При тоталитаризме речь идет о другом — о полном лишении индивида элементарной автономии. Жажда свободы уходит глубоко в бессознательную сферу, прорываясь в «немотивированной агрессии». Тот факт, что феномен совести, входящий в структуру Сверх-Я, оказывается в таких условиях во власти тоталитарной системы, низводит человека на уровень примитивных инстинктов. Чувство раскаяния исчезает. Совершение зла выглядит банальностью. Авторитетом высшей власти становится лишь оценка вождя. Ему принадлежит и решающее слово во всех вопросах права и морали. Сверх-Я не мучает свое грешное Я. Путь к любому преступлению открыт и оправдан. Без введенных Фрейдом понятий Я, Оно и Сверх-Я, их взаимосвязи, трудно психологически понять события совсем недавнего прошлого и объяснить

доносы, предательство, отцеубийство, равно как и бездуховность и разрушение культуры. Лишение инстанции Сверх-Я контроля над поступками, исключение свободного самоанализа и самоуглубления уродовало личность. Понятие совести редуцировалось, опускаясь постепенно на инфантильный уровень. Самым большим несчастьем для человека становился факт лишения расположенности высшей власти. Во имя этой расположенности человек отключал свое Сверх-Я, голос совести замолкал. Сверх-Я низко склоняло голову перед авторитетом вождя. Здесь не допускались сомнения, иные суждения, возражения. Интеллектуальная мощь вождя считалась беспредельной, решения неоспоримы. Историческое прошлое выводилось из настоящего. Только перед вождем нельзя лицемерить, лгать, скрывать свои самые затаенные желания. Любое отклонение от правил тоталитарной системы влекло возмездие, жестокое наказание. Уместно отметить, что страх перед высшей властью, ее суровостью и беззаконием обезоруживает человека, делая его послушной игрушкой господствующей системы. При этом вопросы этики, морали, нравственности в любом их виде отодвигаются в сторону, равно как и забота о человеке.

На передний план выходит тезис, что для человеческого Я психологически возможно все, что требуется от него властью. Более того, Я должно иметь неограниченное господство над своим Оно (то есть над своей бессознательной сферой). Однако здесь тоталитарный режим ошибся. В норме господство над Оно не может перейти известные границы. Если от человека требуют большего, то это приводит в одних случаях к неврозу, преступности, бунту, в других — к апатии и безразличию.

Конечно, изучение с психоаналитических позиций тоталитарной системы требует углубленного разбора многих явлений того периода, не поддающихся только рациональному объяснению. На этом пути, разумеется, следует быть очень осторожным и не забывать, что речь идет об одном подходе, который опасно отрывать от других взглядов и решений, основанных на иной методологической базе.

Фрейд З. Избранное. М., 1989, с. 5–33

Проблема совести в психоанализе

Ю. М. Бородай

Среди многочисленных обвинений, предъявляемых психоанализу, наиболее типично осуждение его как принципиально аморальной установки, игнорирующей все «прекрасное и высокое» в человеке, стремящейся обнаруживать «грязную» изнанку в любом нравственно «чистом» и альтруистичном побуждении. Известны неоднократные попытки Фрейда отвести это обвинение. По существу, все они сводятся к указанию на тот факт, что «психоанализ с самого начала приписывал моральным и эстетическим тенденциям в Я побуждение к вытеснению... Нам не было надобности дрожать за сохранение высшего в человеке, коль скоро мы поставили себе задачей заниматься изучением именно вытесненного в душевной жизни»¹.

Такова обычная для психоанализа схема морального «самооправдания» — схема не очень убедительная, ибо при ближайшем рассмотрении она сразу же выявляет свою «неискренность». Да, действительно, Фрейд приписывал моральным и эстетическим тенденциям в Я побуждение к вытеснению и тем самым, следовательно, априори постулировал функциональную значимость сверхличных нравственно-эстетических ценностей. Да, действительно... Но ведь вместе с тем, описывая нравственное Я лишь как часть глубоко аморального по своему исходному принципу (принцип удовольствия) Оно — ту часть, которая призвана приспособиться к диктату внешней социальной среды (принцип реальности), — Фрейд тем самым полагает Я со всеми его якобы «альтруистическими» порывами как необходимо воспроизводящуюся иллюзию. С точки зрения реально доминирующего Оно, моральные требования Я, если только они не абсолютно бессильны, имеют чисто отрицательно, патологическое значение, они суть лишь иллюзорное отражение тех реальных препятствий на пути к удовольствию, которых Оно не смогло преодолеть, то есть это своего рода оптический обман, поза: «не вышло? — а я и сам не хотел». Чрезмерная фиксация на нравственных иллюзиях, согласно психоаналитической установке, неизбежно ведет к неврозу.

Фрейд следующим образом раскрывает иллюзорность функциональной значимости нравственного Я: «По отношению к Оно — Я подобно всаднику, который должен обуздать превосходящую силу лошади, с той только разницей, что всадник питается совершить это собственными силами. Я же — силами заимствованными. Это сравнение может быть продолжено. Как всаднику, если он не хочет расстаться с лошастью, часто остается только вести ее туда, куда ей хочется, так и Я превращает обыкновенно волю Оно в действие, как будто бы это было его собственной волей»².

¹ Фрейд З. Я и Оно. — Л., 1924, с. 34.

² Там же, с. 22.

Таким образом, моральные «самооправдания» Фрейда вряд ли стоит принимать всерьез. Нам представляется, что более последовательным здесь было бы исходить из жесткого принципа: «наука не нуждается в моральных доводах»; и психоанализ, следовательно, не нуждается в самооправданиях ровно в той мере, в какой он является действительной наукой. Более того. Цель данной статьи — показать, что в рамках самой психоаналитической теории, и именно там, где объективный анализ фактов выдвигается на первый план по отношению к ведущей узкоутилитаристской концепции, — именно там в центр внимания неизбежно попадает феномен морально-альтруистической установки (совесть) как феномен отнюдь не иллюзорный. Это курьезное обстоятельство наталкивает на вывод: то, что почитается самым важным «открытием» психоанализа, то есть утилитаристская концепция невроза, является на деле вовсе не научным принципом, но лишь выражением определенной социальной позиции.

Теперь попробуем конкретно разобраться, где и каким образом психоанализ действительно (а не иллюзорно) наталкивается на проблему сверхличного фактора в психике. Для этого нам представляется целесообразным рассмотреть теорию «аутистического мышления» Э. Блейлера («принцип удовольствия» у Фрейда), которая явилась исходным пунктом развития не только психоанализа, но и генетической психологии Ж. Пиаже.

Мы не будем подробно освещать фактологическую сторону дела (обширный материал в аспекте развития детского мышления читатель может найти у Ж. Пиаже; в плане динамики сновидения и невроза — у З. Фрейда). Нас интересует общетеоретическая проблема аутизма. При этом мы не будем рассматривать биологическое противоречие, неизбежно возникающее при попытках интерпретировать это фундаментальнейшее явление с точки зрения филогенеза¹, а постараемся вскрыть здесь внутреннюю антиномию аутистического мышления, антиномию, которую Блейлер зафиксировал, скорее, как амбивалентность.

Э. Блейлер вошел в историю психиатрии как человек, впервые построивший связную теорию психогенного механизма группы шизофренических заболеваний, объединенных нозологической формой *dementia praecox*. Я подчеркиваю: психогенного механизма. Это следует оговорить особо, ибо в практике клинических исследований сильна еще тенденция принижать значение собственно психогенных процессов; нее усилия подчас односторонне концентрируются на поиске так называемых «объективных» органических изменений, каковых иногда просто нет. Конечно, сам психогенный механизм шизофрении в принципе можно полагать так или иначе обусловленным органической (соматической) патологией. Но это законное предположение не умаляет всей значимости относительно самостоятельных психогенных механизмов².

¹ См., например, полемику Л. С. Выготского с Ж. Пиаже в кн.: *Выготский Л. С. Избранные психологические исследования*. — М., 1956, с. 56–109.

² Точно так же, например, мы рассматриваем длительные и интенсивные «массовые психозы», вспыхивающие иногда в определенные «крутые» периоды истории; мы не без основания предполагаем, что

Однако, обратимся к Блейлеру. В чем суть его теории? Читаем: «Одним из важнейших симптомов шизофрении является преобладание внутренней жизни, сопровождающееся активным уходом из внешнего мира. Более тяжелые случаи полностью сводятся к грезам, в которых как бы проходит вся жизнь больных; в более легких случаях мы находим те же самые явления в меньшей степени. Этот симптом я назвал аутизмом»¹.

Сразу же уточним: «уход» из внешнего мира не следует понимать примитивно, то есть как вообще потерю целенаправленной активности, отказ от действий, проецируемых вовне. Наоборот: аутистические стремления могут направляться и на внешний мир — например, когда такой человек активно стремится перестроить общество, облагодетельствовать человечество и т.п.² Иными словами, аутистический «уход из реальности» вовсе не является отрицанием собственной, изнутри стимулируемой активности; напротив, именно здесь она приобретает ничем не ограниченный гипертрофированный размах. Отказ от реальности выявляется у шизофреника в активном неприятии требований окружающего мира, в ненависти ко всему реальному. Он порывает с действительностью именно потому, что его чрезмерно напряженное влечение вступает в конфликт с «данностью», со средой; оно (влечение) пытается осуществить себя независимо от чего бы то ни было, «здесь и теперь», вопреки действительности, не поддающейся деформации.

На практике грань между собственно патологическими симптомами и резко выраженными аутистическими устремлениями относительно здоровых людей оказывается весьма условной. Например, Э. Кречмер, наряду с шизофрениками (то есть больными, явными психопатами) выделяет шизотимиков — относительно здоровых индивидов, обнаруживающих, однако, в своей деятельности ярко выраженные шизоидные черты. Он полагает даже, что такого рода личности в соответствующих условиях могут сыграть выдающуюся роль. «Они герои переворотов, которым не нужно реалистов, когда невозможное становится единственной возможностью. Аутистическое мышление не становится здесь реальностью (это невозможно), но делается сильно действующим фактором при превращении одной исторической реальности в другую. При известных исторически заостренных ситуациях эти ферментивные действия аутистических лозунгов,

такого рода «массовый психоз» детерминирован в конечном счете глубинными социально-экономическими сдвигами. Например, фашизм в Германии 30–40 гг., несомненно, был вызван к жизни целым комплексом таких объективных причин, как экономическая и политическая неустойчивость в результате военного поражения, инфляция, неблагоприятное для немецких предпринимателей соотношение сил на мировом рынке и т.д., и т.д.; выявить эти причины — важнейшая задача. Но, вместе с тем, мы никогда до конца не поймем этот зловещий исторический феномен, если не вскрыем специфических закономерностей образования и динамики невротических представлений вообще, в том числе — и массовой патологии, «массового психоза», возникающего в известных критических обстоятельствах и, как правило, выдвигающего на передний план личность шизотимика-реформатора.

¹ Блейлер Э. Аутистическое мышление. М., 1924, с. 8.

² См. там же.

даже и фанатиков и утопистов среднего типа, влияют сильнее, чем реально-политические эксперименты и соображения»¹.

Но оставим пока в покое «везучих» шизотимиков и обратимся к обыкновенным шизофреническим «грезам», ибо, за исключением особенных обстоятельств, попытка «реализовать» комплекс напряженных аутистических «хотений» вопреки действительности оказывается осуществимой лишь в форме галлюцинаторного удовлетворения в условиях психиатрической клиники. Так, например, «пациентка находится на небе, общается со святыми, и все впечатления органов чувств, которые противоречат этому, претерпевают иллюзорное превращение в духе основной идеи или же вовсе не апперцептируются. Шизофреник в большинстве случаев смешивает оба мира... там, где он сознает противоречия, доминирующим является для него мир бредовых идей, тот мир, которому принадлежит большая реальность и соответственно которому он прежде всего поступает»².

Подчеркиваю: он все-таки сознает противоречия. Однако, поскольку в этом противоречии первая антитеза — аутистический бред — доминирует над реальностью, постольку и само это противоречие в целом принимает бредовую форму мучительных переживаний. Галлюцинаторно-бредовые переживания в тяжелых случаях могут быть доведены до такой степени, что совершенно стирается грань между реальным препятствием и вымыслом; ирреальный феномен произвольного представления буквально и целиком превращается в комплекс псевдорцепций.

Таким образом, хотя по своему психогенному механизму шизофрения есть бесконтрольное удовлетворение желания, что, казалось бы, должно приводить к экстазу и интенсивному чувству счастья, на самом деле это удовлетворение практически всегда обнаруживает свою амбивалентную природу и сопровождается не столько удовольствием, сколько невротическими страхами, болью и рядом других пренеприятнейших переживаний. Короче: «...необходимо обладать некоторой творческой способностью, для того чтобы создать себе совершенный галлюцинаторный рай. Этой способностью обладает далеко не всякий становящийся шизофреником»³.

Аутистическому счастью, по мнению Блейлера, мешают не только препятствия «объективного» порядка, когда, скажем, «голод или потребность в мочеиспускании все вновь и вновь дают знать о себе после того, как они получили галлюцинаторное удовлетворение в сновидении, и наиболее

¹ Кречмер Э. Строение тела и характер. М., 1930, с. 288. Шизотимический реформатор выявляет «беспоощадную ненависть к реальному миру... ничего не остается, кроме чистой голой этической религиозной схемы. Человечество, сделавшееся добродетельным благодаря страху, окруженное решетками. Если показывается кто-нибудь, который в малейшей степени нарушает категорический императив или игнорирует его, — тот лишается головы. Здесь ярче всех Робеспьер. Кровопийца? — Нет, — ученик Руссо, робкий нежный мечтатель, бледная добродетельная фигура... Он ничего не чувствует, кроме добродетели и идеала... Эту шизотимическую триаду — идеализм, фанатизм, деспотизм — мы находим и у более глубокой личности — Кальвина... Кальвин из теологических соображений в течение четырех лет казнил 50 человек» (см. там же).

² Блейлер Э. Аутистическое мышление. С. 32.

³ Там же, с. 52.

удачное внушение может лишь на время устранить продолжительные, органически обусловленные боли»¹. Не менее важны причины, так сказать, «метафизической» природы: «и полное достижение страстно желанной цели редко приносит с собой счастье. Таково положение вещей и в действительной жизни... Должно ли дело обстоять лучше при галлюцинаторных удовлетворениях?»²

При галлюцинаторных удовлетворениях дело должно обстоять хуже. Почему? Присмотримся внимательней к загадочной «метафизической» причине невозможности аутистического счастья.

Что касается самой «действительной жизни», прислушаемся к такому авторитету, как Достоевский: «Да осыпьте его всеми земными благами, утопите в счастье совсем с головой, так, чтобы только пузырьки вскакивали на поверхности счастья... так он вам и тут человек-то... рискнет даже пряниками и нарочно пожелает самого пагубного вздора»³.

То, что это не просто художественная гипербола, но действительный факт — мы увидим дальше при разборе аутистической динамики невротических представлений. Но спрашивается: почему это так? Послушаем Достоевского еще разок: «Человек любит созидать и дороги прокладывать, это бесспорно. Но... Почему вы знаете, может быть, он здание-то любит только издали, а отнюдь не вблизи»⁴. И еще: «Почему вы так твердо, так торжественно уверены, что только одно нормальное и положительное, — одним словом только одно благоденствие человеку выгодно? Не ошибается ли разум-то в выгодах? Ведь, может быть, человек любит не одно благоденствие? Может быть, он ровно настолько же любит страдание?.. А человек иногда ужасно любит страдание, до страсти, и это факт. Тут уж и со всемирной историей справляться нечего, опросите себя самого, если только вы человек и хоть сколько-нибудь жили»⁵.

Достоевский не хочет «справляться» со всемирной историей. А зря! История подарила нам поразительнейший в этом роде феномен — христианство. Ведь главная максима христианства заключается отнюдь не просто в призыве к терпению, к покорности судьбе. Максима терпения лежит в основе еще Ветхого завета и языческой античности. Напротив, христианство требует постоянного самоотречения вопреки естественным дарам судьбы; оно возводит в культ самобичевание, самоистязание. Страдание, обусловленное внешними факторами, вообще не принимается здесь в расчет как подлинно очистительная нравственная ценность. Именно постоянное самоистязание вопреки природе постулируется как наивысшее моральное благо и цель.

Но удивителен не сам феномен христианского учения как такового. «Искупительные» влечения к мукам, к самоотречению очень часто в напряженнейших формах выявляются в неврозах у людей, не имеющих никакого

¹ Там же.

² Там же, с. 53.

³ Достоевский Ф. М. Собр. соч., т. 4, с. 157.

⁴ Там же, с. 160.

⁵ Там же, с. 161.

отношения к христианской религии; и даже более того — в детских фантазиях и неврозах! Мы привыкли «отделяваться» от этого факта ссылкой на «патологию», «ненормальность», «извращение». Поразителен, однако, тот исторический факт, что христианское учение очень быстро завоевало популярность среди массы людей, казалось бы, вполне здоровых психически, став мировой религией. Мы никогда не сможем до конца понять этот исторический факт, если не признаем, что в самоограничении вообще, доводимом в крайних случаях до степени самоотречения, переходящего в чудовищные самоистязания, находится вполне реальный источник какого-то необъяснимого удовлетворения, элемент непосредственного наслаждения, отнюдь не связанного с одной только мистической верой в загробное счастье. Человек любит и хочет страдать! Это — действительный факт, который требует особенного внимания, ибо сутью его является сверхъестественный парадокс.

У Фрейда были попытки показать, что конституирующее ядро — «архетип» — этого поистине сардонического феномена составляет изначальная амбивалентность всех аутистических (эгоцентрических) человеческих замыслов. Амбивалентность эта проявляется в нравственной форме совести, то есть в исходном чувстве вины — вины, в глубине своей, как правило, «невротической», «метафизической», если угодно. Эта глубинная вина часто пробивает себе дорогу на поверхность в форме различных невротических симптомов и, прежде всего, в виде знакомого всем беспричинного (детского) страха. В экзистенциализме этот страх превратился даже в «онтологическую» категорию, не менее важную, чем сама «экзистенция». Вот как характеризует его К. Ясперс: «Настоящий страх тот, который считается последним, из которого нет больше выхода». Чтобы устранить такой страх, «надо иметь свою причину выше экзистенции»¹.

Однако примечательно: дети, страдающие невротическим страхом, никогда не пытаются «выйти за пределы экзистенции» (то есть кончить самоубийством, по Ясперсу). «Они бессознательно используют оригинальный и весьма действенный способ «самолечения» — просто-напросто начинают плохо себя вести, то есть явно провоцируют реальное наказание любыми подвернувшимися под руку «запрещенными действиями». Реализовав, «опредметив» таким способом непонятное чувство страха, добившись реальной «кары», они становятся покойны и довольны, испытывая облегчение. Известны и серьезные преступления взрослых невротиков, совершенные с одной целью — фиксировать необъяснимое чувство вины. Более того, многие преступления сравнительно нормальных индивидов, на первый взгляд не представляющие ничего загадочного, при глубоком анализе обнаруживают, что они лишь прикрываются, маскируются рациональными (корыстными) мотивами. В этом плане характерен образ «бледного преступника», романтически возвеличенный Ницше. Читаем: «Так говорит краснолицый судья: "...для чего убивал этот преступник? Он хотел

¹ *Jaspers K. Philosophie. Berlin, 1956. Bd. 3., S. 235.*

ограбить”. А я говорю вам: его душа хотела крови, а не грабежа; он жаждал счастья ножа! Но его бедный разум не вместил этого безумия и убедил его: “Разве так важно — кровь! — говорил он; неужели тебе нисколько не хочется совершить при этом грабеж? Отомстить?” И он послушался своего бедного разума... и вот, убивая, он ограбил»¹.

Зачем ограбил? Из-за того, что боялся себе самому открыться в безумии! — кто же убивает безо всякой цели? Волк, и тот убивает лишь для того, чтобы съесть. Но тем не менее этому «бледному» человеку зачем-то понадобилось преступление как таковое, именно потому, что оно — преступление. И кто сумеет сосчитать, сколько среди преступников, внешне последовательных корыстолюбцев, таких вот «бледных нищанцев», — невротиков, ищущих себе крест в преступлениях?

Фрейд, столкнувшийся с этим фактом, противоречащим его собственной «утилитаристской» концепции невроза, писал: «Была предпринята аналитическая работа, и результат ее оказался совершенно изумителен; выяснилось, что поступки эти были совершены прежде всего потому, что это были недозволенные поступки, и потому что выполнение их давало их виновнику известное душевное облегчение... Теперь чувство вины, по крайней мере, было как-то пристроено. Я должен утверждать, как бы парадоксально это ни звучало, что чувство вины существовало до проступка... Людей этих с полным правом можно было бы назвать преступниками вследствие сознания вины»².

Но что это за вина? В чем она конкретно заключается? На этот вопрос, при всем своем желании, не смог бы ответить ни один «бледный преступник». Фрейд, однако, попытался ответить за них: «Аналитическая работа дала везде один и тот же вывод, что это темное ощущение вины имело своим источником комплекс Эдипа». По сравнению с этим жутким бессознательным комплексом «преступления, совершенные для фиксации чувства вины, были во всяком случае облегчением для измучившихся людей. Здесь мы должны вспомнить, что отцеубийство и кровосмешение с матерью суть два великих человеческих преступления, единственные подвергающиеся преследованию и осуждению и в примитивных общественных союзах». Таким образом, по мнению Фрейда, «совесть, теперь являющаяся наследственной душевной силой, приобретена человечеством в связи с комплексом Эдипа»³.

Совесть — это реакция на преступные замыслы врожденного бессознательного влечения — таков вывод Фрейда. И как это ни парадоксально, следует признать, что именно в этом пункте «еретик» Фрейд смыкается с ортодоксальным христианским вероучением о «первородном грехе» как перводвигателе человеческой истории. Ведь вся история человечества, согласно христианству, есть история «искупления» какого-то страшного преступления, совершенного прачеловеком; преступления, которое было

¹ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Спб., 1911.

² Фрейд З. и др. Психоанализ и учение о характерах. М., 1923, с. 190.

³ Там же, с. 191. Подробнее см.: Фрейд З. Тотем и табу. М.-Пг., 1924.

источником «знания», но, вместе с тем, и причиной проклятья — изгнания из первобытно-животного «рая». С тех пор таинственный «первородный грех» постоянно витает над человечеством, он, так сказать, «онтогенетически воспроизводится у всех индивидуумов в виде сокровенных ночных «помыслов бесовских», преступных вожделений плоти, страсти к разрушениям и к «содому», он же является исходной причиной и другого «конца палки» — неизбежной борьбы вожделения и раскаяния, то есть внутренних мук совести.

Этот исходный миф непосредственно оборачивается аутистической мечтой о «спасителе», крестными муками искупившем первородное грехопадение и, тем самым, снявшем роковое проклятье. С другой стороны, этот миф превращается в культ всеобщих «искупительных» пыток: во-первых, в культ умерщвления плоти, то есть телесных страданий, а также — что важнее — в культ нравственного самоистязания, то есть постоянного глубинного «самокопания», саморазоблачения, с целью покаяния и морального усовершенствования. Эта христианская подозрительность к своему Я, принципиальное недоверие к собственной «изнутри греховной» натуре, страсть к постоянным саморазоблачениям обусловили углубленно-психологическую направленность всей новоевропейской культуры. В плане культурно-историческом христианство стало основой гносеологической переработки античной натурфилософии, ее превращения в теоретико-познавательную методологию, основанную на самопознании. Отцом современного изощренного психоанализа по праву следует считать святого отца Августина (во многих отношениях Августин мог бы дать фору даже и самому Фрейдю, в том числе, и в плане разработки сексуальной основы невротических симптомов; Августина считают своим праотцем все современные экзистенциалисты). С другой стороны, культ «искупительных» мук исторически выявлялся и в «альтруистических» попытках церкви «спасать» других, то есть принудительно истязать всех тех, что не желают самоистязаться, — в этом смысле не было более агрессивной религии, чем христианство. Но нас здесь интересует сейчас другое.

Итак: и психоанализом, и христианством проблема совести трактуется как первородная «врожденная» вина, непостижимая рационально и недоступная сознанию в своей первоначальной сути («бессознательное», по Фрейдю). Эта вина невротически выявляется в виде беспричинного страха, она же толкает человека к самоотвержению (альтруизму), а иногда, наоборот, ведет его на «преступление во имя кары» — покаяния¹. Что же это за вина?

Конечно, легче всего было бы просто-напросто отбросить весь этот «мистический бред», а заодно — и пресловутый «эдипов комплекс», модернизирующий христианское понятие греха как нравственного (и познавательного также!) перводвигателя. Именно по этому упрощенному

¹ Согласно учению Августина, только потенциальный великий грешник может стать подлинным и истинным святым, ибо святость и величие духа прямо пропорциональны напряжению той внутренней бесовской силы, того греховного искушения, с которым предстоит бороться и победить в конце концов. Отсюда и обывательская формула: «Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не спасешься».

пути пошли практичные неофрейдисты. Однако рассмотрение фактов психопатологии, а также анализ мышления и мифов примитивных обществ, убеждает, что все-таки именно здесь и «зарыта собака»: в мистическо-романтической форме трагической борьбы вины и совести «ухвачено» какое-то реальное содержание. Но какое?

Откладывая попытку рационально разрешить эту зловещую проблему, я предлагаю здесь лишь ее предварительный набросок и оставляю пока как открытый вопрос. Что такое совесть?

Древнегреческие «язычники» представляли себе эту «фиктивную функцию» (Рубинштейн) в виде ужасных горгон с ядовитыми змеями вместо волос; исступленных коварных Эриний, раздирающих виноватого человека и норовящих убить его в момент наивысшего торжества — осуществления страстно желанной цели. Именно эта «фиктивная функция» была и, мы полагаем, навсегда останется главной темой трагедий и мифов. Вспомним хотя бы безумную Макбет, которая упивается сладострастно своими мучениями, в галлюцинациях измышляет себе сама такую кару, какую и вообразить не смог бы изобретательнейший палач: и все это после того, как сокровеннейшие замыслы ее, которые она осуществляла с неизменной решимостью, оказались реализованными¹.

Конечно, леди Макбет — лишь гениальный вымысел Шекспира. На практике же чаще все обстоит наоборот: мы сталкиваемся чаще всего с психозами, возникшими как следствие неумения или принципиальной невозможности осуществить аутистический замысел, реализовать комплекс напряженных «хотений». Такой психоз, естественно, протекает в форме произвольно-галлюцинаторного исполнения желания вопреки действительности, не поддающейся деформации. Но характерно: и галлюцинаторное исполнение аутистических замыслов редко сопровождается длительным торжеством; оно, как правило, сменяется переживаниями, которым трудно подыскать другое название, кроме «искупительных» («макбетовских»). Психопат как бы сочиняет сам себе трагедию (более или менее оригинальную — это уж зависит от индивидуальных творческих способностей, образования, воспитания, темперамента и т.д.); трагедию, в которой он сам является главным действующим лицом и которую он галлюцинаторно воплощает в образах. Неважно при этом, что не только «искупительные» муки, но и само «преступление» — здесь воображаемые. Главное: рассмотрение конкретной динамики невротических представлений почти всегда создает впечатление, что психически больной человек сам себе хочет и сам себе ищет не только осуществления эгоистических замыслов, но и, — мук! Да только ли больной? То же самое подчас обнаруживается в аутистических фантазиях вполне здоровых индивидов. Спрашивается: не взрывает ли это изнутри само

¹ Примечательно: сам убийца — будущий король — безвольный человек, страдавший невротическими страхами, слепое орудие аутистической воли жены. Реализовав свой беспричинный страх в навязанном супругой преступлении, он, однако, меняется, становится последовательным, твердым реалистом, входит во вкус. Напротив, леди Макбет в момент осуществления желанной цели ощущает что-то вроде скуки. Эта «скука» очень скоро переходит в прямое безумие, насыщенное мучительными переживаниями.

понятие аутизма — бесконтрольного удовлетворения эгоистических желаний, которое, согласно Блейлеру, лежит в основе не только шизофрении, но всех неврозов вообще?

Послушаем, однако, Фрейда: «Психоаналитическая работа подарила нам следующий тезис: люди становятся нервными вследствие отказа в удовлетворении»¹. Трудно не согласиться с этим тезисом, наглядно демонстрируемым массой типичных заболеваний. Но как быть с невротическими расстройствами того типа, которые сам Фрейд образно назвал — «Крушение в момент успеха» (мы предпочли бы их называть «искупительными»)?

Приведем пример. Молодой ученый страстно завидовал своему почитаемому шефу и учителю; при этом он вполне здраво оценивал малую вероятность своих аутистических «шуточных» фантазий. По делу неожиданно обернулось так, что старого шефа устранили; на его месте — бывший ученик. Подчеркнем: все это произошло без каких бы то ни было реальных «злодейских» усилий со стороны счастливицы — карьериста-мечтателя. Торжество?.. Вскоре, однако, новоиспеченный шеф переселился в психиатрическую клинику, где предался измышлениям всякого рода преступлений с единственной целью — реализовать галлюцинаторно страшную кару самого себя. Эти, уже чисто невротические измышления внешне имеют мало общего с прежними «шуточными» планами достижения реальной цели, однако они все-таки ассоциативно связаны с той глубоко упрятанной от сознания болезненной точкой.

Суть интересующей нас проблемы заключается тут в следующем: если всякое психическое расстройство по своему исходному психогенному механизму есть аутизм, то есть патологически галлюцинаторная «реакция на отсутствие», то что же является «отсутствующим» в неврозах и психозах «искупительного» типа? Чего не хватало для полного счастья нашему фантазеру в реальности? Было бы понятно, если бы его психоз начался до счастливого события; в этом случае его можно было бы легко истолковать как результат «отказа в удовлетворении» (Фрейд), как следствие невозможности реализовать отчасти бессознательную, но тем более страстно желанную мечту (да и протекал бы этот психоз, очевидно, в других формах). Но как понять весьма нередкие случаи психических расстройств, возникающих именно в результате реального удовлетворения, в результате осуществления давно выношенных и желанных целей? Повторяем: чего еще не хватало нашему карьеристу-мечтателю в реальности? Что тут было «отсутствующим»? Кара!?

Это парадоксально, но это факт. Влечения совести сплошь и рядом оказываются не только равноценными, но подчас более сильными, чем все другие «хотения». При этом, с точки зрения аутистических механизмов сознания, неважно, было бы преступление фактом или только плодом воображения: «В то время как в реалистическом мышлении человек упрекает

¹ Фрейд З. и др. Психоанализ и учение о характерах, с. 190.

себя и раскаивается в совершенной несправедливости, аутистическое мышление порождает те же самые муки в связи с несправедливостью, которую человек лишь представил себе: и эти страдания... часто являются тем более тяжелыми, что логика не может прийти им на помощь, отчасти потому... что происхождение этих страданий неизвестно носителю их. Если больной не знает, почему он испытывает страх, то он не может доказать себе, что этот страх безоснователен»¹.

Последний пункт весьма существенен. Он отчасти объясняет то обстоятельство, что, если, с точки зрения обывателя, люди давно уже потеряли всякую совесть, то для психиатра она — фундаментальнейший факт, в том числе — и в любом обывателе. Все дело, однако, в том, что на поверхность чувство вины чаще всего всплывает вовсе не как прямое сознательное раскаяние, по прежде всего в виде разного рода невротических симптомов: неизвестно за что и откуда свалившихся мук (мук вполне реальных, — например, разного рода невротических болей, вплоть до паралича), необоснованных страхов и т.д.

Конечно, преступление может быть и отнюдь не «шуточным», то есть вовсе не «воображаемым», но реальным сознательным поступком, который как таковой не может, однако, вызвать никакого раскаяния, ибо оправдывается всей системой сознательно принятых установок. Сознательное раскаяние не может здесь возникнуть, ибо преступление логически обосновано, например, уже тем рациональным соображением, что «верить в совесть — смешно, а следовательно, и раскаиваться — глупо». И тем не менее... человеку страшно! Сам не поймет, отчего — нет никаких реальных оснований для страха. И все-таки — мучается. Ему неудержимо хочется мучать себя! За что? Он не знает. Скажите ему, что это все-таки совесть! — он не поверит. Он верит в болезнь, которую врач определил сакраментальной формулой: «функциональное расстройство психики». И — точка.

А простой факт этих «функциональных расстройств» заключается часто в том, что человеку «хочется пострадать», и он находит способ себя помучать — вопреки собственному сознанию, собственным убеждениям! Логика диктует: самоотречение — глупость: человек не может сам себе желать зла. Но все-таки... желает? — подспудно, бессознательно, в форме невротических симптомов, но желает! При этом сама логика становится людоедкой, она запрещает даже такой наивно-детский способ самоизлечения, как безобидные альтруистические фантазии; логика убивает их одним словом — «сопли»! «Интеллигентного» дельца с развитым современным вкусом буквально коробит этическая «слюнявость», в какой бы форме она ни проявлялась. Любая попытка облагородить страдание (самоотверженность) воспринимается как надувательство, ибо как «доказала наука», нет ни героев, ни подлецов, есть лишь нервнобольные; потому — романтик Шекспир устарел, «да здравствует Кафка и гинекология!»

¹ Блейлер Э. Аутистическое мышление, с. 45.

Впрочем, может быть так и надо? Во всяком случае, реалист Блейлер тоже считает «немножечко гадким» наивно сентиментальный способ самолечения путем, так сказать, духовно-альтруистического приобщения ко всему «прекрасному и высокому»: «Так прекрасно расточать свое сострадание вымышленной Гретхен, это не стоит ничего, кроме затраты на театральный билет. Но когда Гретхен приходится в жизни сталкиваться с этими же самыми мечтателями, то перед ней закрываются сердца и карманы, и она получает по-фарисейски сильный пинок»¹.

Тип, может быть, лучше уж иметь дело с «откровенным циником»?

Факты, однако, свидетельствуют: чем больше освобождается от «сентиментов» и становится жестче, рациональней сознание обывателя, тем катастрофичнее возрастает спрос на койки в психиатрических клиниках. В свете этих фактов раскрывается, между прочим, крайняя неудовлетворительность ходячего выражения — «откровенный циник». Это выражение подразумевает, что альтруизм и «добродетель» всегда немножечко подозрительны, ибо пахивают ханжеством. И действительно, в невротических симптомах у чрезмерно добродетельных индивидов (например, в расстройствах психики у старых дев, претендующих на «святость») выявляются подчас такие чудовищные бессознательные влечения, которым мог бы ужаснуться изощреннейший распутный кровопийца². Но, вместе с тем, клиника показывает, что и другая сторона жизни — «откровенный», то есть последовательный и сознательный, цинизм — на самом деле тоже далеко не так уж проста: убежденный циник часто осуществляет навязанную себе «злодейскую» роль расчетливого эгоиста, буквально насилуя самого себя, с немалым трудом подавляя, вытесняя из сознательно-моторной сферы неистребимые влечения к раскаяниям, альтруистическим порывам, состраданиям, и т.п. иррациональным «слюнявостям». Однако всякое сильное влечение, будучи подавлено, не исчезает; оно становится «подпольным», бессознательным и может отомстить за себя, разрушая психику. То, что слишком крепко заперто, перестает стучаться в дверь, но, если хватит сил, оно ломает стены.

Однако важно подчеркнуть и другое. Фрейд односторонне акцентировал факт крайне злостных аморальных бессознательных влечений, выявляющихся в сновидениях и невротических расстройствах у вполне добропорядочных людей. В дальнейшем это привело к тенденции трактовать бессознательное вообще как некую темную силу — «тайный притон» всякого рола злобно-эгоистических антисоциальных душевных движений, вытесненных из морально чистой, то есть «разумной» сферы «дневного сознания». Отсюда — далеко идущее противопоставление бессознательного и сознания как принципиально различных сил: животво-биологических, то

¹ Там же, с. 55.

² Этот типичный факт особенно ярко был вскрыт психоанализом. Неудивительно, что на первых порах психоанализ Фрейда был встречен «в штыки» добропорядочной профессурой — учеными-филистерами. Ожесточенную реакцию он вызвал и со стороны широкой буржуазной публики, которая тайком зачитывалась Фрейдом, но, вместе с тем, чувствовала себя глубоко оскорбленной в лучших своих помышлениях.

есть чисто звериных вожделений, и социальных образований, противостоящих темным силам бессознательного в качестве системы разумных установок, призванных подавлять слепые и разрушительные вожделения или, по возможности, трансформировать их в социально приемлемые формы поведения. В последнем современный психоанализ и видит свою терапевтическую задачу. Врачи-психоаналитики полагают, что чрезмерное подавление грубо эгоистических или сексуальных устремлений всегда чревато невротическим расстройством. Следовательно, нужно «вытащить» эти устремления из бессознательного, то есть освободить их, и подыскать для них социально приемлемый рациональный путь хотя бы частичной реализации. При этом упор делается именно на осознание, ибо, поскольку именно сознание заведует моторикой, бессознательным влечениям нет иного выхода вовне, кроме жутких сновидений или невротических расстройств.

Мы не будем углубляться здесь в разбор этой весьма сомнительной, на наш взгляд, «терапевтической» установки. Укажем лишь, что она выходит за рамки чистой медицины и неизбежно превращает психоаналитика в пророка пошлейших стандартов обывательской идеологии. С точки зрения этой установки общество представляется скопищем тайно вожделеющих эгоистов, единственно реальной задачей которых может быть лишь конформистское приспособление к наличной социальной среде. Дело «социопсихолога» — помочь индивиду решить эту задачу. Поскольку же единственным орудием социально приемлемого решения является «разум», постольку все практически-рациональное — хорошо, все бессознательно-импульсивное — плохо. Дело психоаналитика — помочь превращению бессознательно-импульсивного в практически-рациональные («разумные») установки поведения, то есть превратить невротика в расчетливого благополучного дельца. Такой «терапевтический» метод стал главным козырем в практике американских социопсихологов. И надо отдать им должное, их деятельность оказалась настолько успешной, что многие американцы стали приходить к выводу: пусть уж лучше люди становятся сумасшедшими, это все-таки менее гнусно¹.

Итак, исходный постулат большинства неофрейдистских конструкций: «бессознательное» — это антисоциальное, морально запретное.

В противоположность этой установке, я пытаюсь здесь подчеркнуть принципиально иной момент, а именно: исходной причиной подавления данного влечения, его превращения, тем самым, в бессознательную и потенциально невротическую силу, — причиной всего этого является вовсе не антисоциальная направленность вытесненного влечения. Наиболее ценные с социально-нравственной точки зрения альтруистические устремления сплошь и рядом безжалостно подавляются, вытесняются, если они противоречат системе сознательно принятых установок. И наоборот: самые зловещие животные вожделения могут быть вполне осознаны, логически

¹ См. рассказ Дж. Д. Селинджера «Хорошо ловится рыбка бананка» (Повести. М., 1967).

обоснованы и воплощены в моторных реакциях практического поведения. Естественно, что в этом случае «запретный» комплекс выявляет себя отнюдь не в форме импульсивно-невротического действия или навязчивых «злодейских» фантазий, удивительных, ужасных и отвратительных для самого переживающего их субъекта; этот комплекс реализует себя в системе разумно-расчетливых поступков, для разьяснения смысла которых вовсе не требуется психоанализ. Конечно, вмешательство психиатра может понадобиться и такому «разумному эгоисту», ибо в его «бессознательном» тоже наверняка живут чудовища, стремящиеся вырваться на волю, — невротические страхи, противоестественные «влечения к наказанию» и т.д. Однако эти чудовища — принципиально иной породы; и в этом — суть. Объясняя поразительный факт чудовищно-аморальных влечений, подпольно живущих в душе у вполне хороших людей, З. Фрейд писал: «Психоанализ в данном случае только подтверждает старое изречение Платона, что хорошие люди довольствуются сновидениями о том, что дурные совершают на самом деле»¹. Если это положение верно, то его можно перевернуть: плохие люди довольствуются сновидениями о том, что хорошие совершают на самом деле. На практике это отвечает библейскому «по плодам их узнаете их». В теории же необходимо сделать вывод: психика человека — это всегда «палка о двух концах»; все человеческие устремления изначально амбивалентны — в этом суть внутренней антиномии аутизма.

*Философская и социологическая мысль,
1989, № 12, с. 43–53*

¹ Фрейд З. Лекции по введению в психоанализ. М., 1922, т. 1, с. 152.

Зигмунд Фрейд — выдающийся исследователь психической жизни человека

М. Г. Ярошевский

Среди психологов XX века австрийскому доктору Зигмунду Фрейду принадлежит особое место. Его главный труд «Толкование сновидений» увидел свет в 1900 г. С тех пор в психологии восходили, сменяя друг друга, различные научные авторитеты. Но ни один из них не вызывает поныне такой негаснущий интерес, как Фрейд, как его учение. Объясняется это тем, что его работы, изменившие облик психологии в XX столетии, осветили коренные вопросы устройства внутреннего мира личности, ее побуждений и переживаний, конфликтов между ее вожделениями и чувством долга, причин душевных надломов, иллюзорных представлений человека о самом себе и окружающих.

Известно, что главным регулятором человеческого поведения служит сознание. Фрейд открыл, что за покровом сознания скрыт глубинный, «кипящий» пласт не осознаваемых личностью могущественных стремлений, влечений, желаний. Будучи лечащим врачом, он столкнулся с тем, что эти неосознаваемые переживания и мотивы могут серьезно отягощать жизнь и даже становиться причиной нервно-психических заболеваний. Это направило его на поиски средств избавления своих пациентов от конфликтов между тем, что говорит их сознание, и потаенными слепыми, бессознательными побуждениями. Так родился фрейдовский метод исцеления души, названный психоанализом.

Не ограничившись изучением и лечением невропатов, упорной работой по восстановлению их психического здоровья, Фрейд создал теорию, объяснявшую переживания и поведение не только больного, но и здорового человека. Эта теория приобрела в странах Запада столь великую популярность, что многие там и в наши дни убеждены, что «психология — это и есть Фрейд». Фрейдовская теория во многих зарубежных странах прочно вошла в учебники по психологии, психотерапии, психиатрии. Она оказала воздействие на другие науки о человеке — социологию, педагогику, антропологию, этнографию, а также на искусство и литературу.

На русском языке первые переводы книг этого ученого появились еще до революции. Они продолжали выходить и в первые послереволюционные годы, пользуясь успехом не только у специалистов-психологов, но также и у врачей, учителей, деятелей культуры. Это были годы, когда молодая советская психология только становилась на ноги. Она стремилась впитать в себя учение Маркса. Под этим углом зрения оценивались зарубежные теории — в том числе фрейдизм. И здесь обнаружилось несоответствие между очень многими представлениями Фрейда о душевной жизни человека, о движущих силах его поведения и тем, как объясняет эту жизнь, эти силы марксистская философия, ставшая компасом для советской науки. Попытки отдельных психологов объединить Фрейда и Маркса были отвергнуты. Для этого

имелись веские доводы, ибо методология этих учений, их объяснения механизмов психического развития принципиально различны. При этом, однако, все конкретное содержание исследований Фрейда также оказалось перечеркнутым. С тех пор, с середины 20-х годов, труды Фрейда больше не издавались. В существо его теории и методов перестали вникать. Забвению подверглось требование марксизма: не смешивать честный, серьезный поиск истины, открытые ученым проблемы и факты, разработанные им методики, с одной стороны, и то, как это преломилось в его идеях, несовместимых с нашим мировоззрением, — с другой.

Сам Фрейд признавал, что есть проблемы, до которых «нельзя долететь, но надо дойти хромая, и в этих случаях не грех хромать». Немало таких проблем он впервые увидел, вызвав к ним обостренный интерес ученого мира. Не случайно наш всемирно известный ученый, лауреат Нобелевской премии Петр Леонидович Капица в речи на одном из международных симпозиумов, касаясь высшей нервной деятельности человека, сказал, что «основателями этой базисной науки считаются И. П. Павлов и Зигмунд Фрейд. Они первые положили эксперимент в основу изучения процессов мышления. Ими были найдены закономерности восприятия человеком внешней среды, возникновения условных рефлексов, влияния подсознания на деятельность человека»¹.

Советский читатель должен знать об учении Фрейда не понаслышке, а из первых рук, с тем чтобы выработать самостоятельное, а не извне навязанное представление о нем. Знакомясь с работами Фрейда, с его представлениями о том, как устроена душевная жизнь, каковы ее сокровенные механизмы, мы тем самым расширяем границы сферы познания человека, его внутреннего мира. Такие фрейдовские термины, как «либидо», «супер-эго», «идентификация», «сублимация» и другие, можно услышать в западных странах в речи не только психолога или врача-психотерапевта, но и любого образованного человека, и хорошо, что наш читатель теперь будет знакомиться с Фрейдом по первоисточникам.

О фрейдизме опубликованы сотни книг, сложилась огромная библиотека, которая продолжает расти. Издано множество материалов, освещающих деятельность Фрейда и его школы, включая протоколы психоаналитических сеансов. Созданы энциклопедии психоанализа. Прослеживаются биографии некоторых пациентов Фрейда и т.п. Вместе с тем очевидна сильная оппозиция этому учению со стороны многих научных и философских школ. Но какой бы острой критике и даже злобным нападкам оно ни подвергалось, учение Фрейда вновь и вновь становится предметом дискуссий, порождает новые направления, так как в нем отразилась реальность психической жизни. Говоря об отражении, следует помнить, что его диалектико-материалистическое понимание предполагает различную степень приближения мысли к реальности. Ведь нередко эта реальность воссоздается неадекватно, в превращенных формах. Со многими неадекватно

¹ Капица П. Л. Эксперимент. Теория. Практика. — М., 1977, с. 329.

установленными современной наукой данными читатель встретится и в произведениях Фрейда. Мы увидим, как он, будучи мужественным исследователем, порой решительно расставался с прежде принятыми им положениями, тогда как ряд своих излюбленных идей продолжал фанатически культивировать, вопреки тому, что их безнадежную слабость показали не только противники психоанализа, но и его верные приверженцы. Ежедневно по 8–10 часов на протяжении многих десятилетий Фрейд занимался врачебной практикой. На фактах, почерпнутых в клинической практике, он проследил сложность и многоплановость структуры личности, значение в ее истории внутренних конфликтов и кризисов, последствия неудовлетворенных желаний. Фрейдом был введен в научный оборот ряд идей и проблем, показавших, что уровень сознания неотделим от других глубинных уровней психической активности, не изучив взаимодействие которых невозможно понять природу человека. Фрейд разработал ряд гипотез, моделей, понятий, запечатлевших своеобразие психики и прочно вошедших в арсенал современного научного знания о ней. К ним относятся, в частности, понятия о защитных механизмах (психологической защите), фрустрации, идентификации, рационализации, вытеснении, фиксации, катарсисе, силе *Я* и др. (см. ниже). Эти понятия обогатили также психотерапевтическую практику. Изучение Фрейдом роли сексуальных переживаний и сопряженных с ними душевных травм дало толчок развитию новых областей знания, в частности сексологии. Фрейдом было показано, сколь важно, прослеживая становление характера человека — его строение и динамику, учитывать детские годы и испытанное ребенком в этом периоде, в особенности отношения в семье, от которых зависит формирование его характера, его мотивационной сферы. Жизненность, практическая значимость поставленных Фрейдом проблем вытекает также из того, что в круг научного анализа им были вовлечены феномены, которые традиционная психология не привыкла принимать в расчет: чувства вины, неполноценности, тревожности, уход от реальной ситуации в область грез, возникновение внутренней тенденции к агрессивности.

Наша психология ищет свои ответы на сложные, интимные вопросы, поставленные Фрейдом. В науке же постановка вопроса — не менее трудная, не менее творческая задача, чем поиски ответов. Не соглашаясь с предложенным Фрейдом толкованием собранных им фактов, его теоретическими обобщениями, советские исследователи освещают их с других научных позиций. Вместе с тем, развивая свой подход к соотношению сознания и бессознательной психики, к противоречиям и конфликтам в развитии личности, они опираются на наследие прошлого. Чтобы критически переосмыслить это наследие, необходимо сперва им овладеть. Следует иметь в виду, что на современном этапе фрейдизм представляет собой не единую целостную систему, а множество различных научных школ и направлений, у которых имеются не только фанатичные приверженцы, но и не менее страстные противники. Чтобы понять ситуацию в мировой психологии, соотношение в ней различных научных сил, нужно знать учение самого

Фрейда, зная, как оно сложилось и приобрело столь глубокое влияние на различные подходы к психике человека — самого сложного явления в известной нам вселенной.

* *

*

Зигмунд Фрейд — создатель направления, которое приобрело известность под именем глубинной психологии и психоанализа, родился 6 мая 1856 г. в небольшом моравском городе Фрейбурге (ныне Пршибор, ЧССР) в семье небогатого торговца шерстью. В 1860 г. семья переехала в Вену, где будущий знаменитый ученый прожил около 80 лет. В большой семье было 8 детей, но только Зигмунд выделялся своими исключительными способностями, удивительно острым умом и страстью к чтению. Поэтому родители стремились создать для него лучшие условия. Если другие дети учили уроки при свечах, то Зигмунду выделили керосиновую лампу. Чтобы дети ему не мешали, им не позволяли при нем музицировать. Он окончил гимназию с отличием в 17 лет и поступил в знаменитый Венский университет.

Вена тогда была столицей Австро-Венгерской империи, ее культурным и интеллектуальным центром. В университете преподавали выдающиеся профессора. Обучаясь в университете, Фрейд вошел в студенческий союз по изучению истории, политики, философии (это в дальнейшем сказалось на его концепциях развития культуры). Но особый интерес для него представляли естественные науки, достижения которых произвели в середине прошлого века настоящую революцию в умах, заложив фундамент современного знания об организме, о живой природе. В великих открытиях этой эпохи — законе сохранения энергии и установленном Дарвином законе эволюции органического мира — черпал Фрейд убеждение в том, что научное знание есть знание причин явлений под строгим контролем опыта. На оба закона опирался Фрейд, когда перешел впоследствии к изучению человеческого поведения. Организм он представлял как своего рода аппарат, заряженный энергией, которая разряжается либо в нормальных, либо в патологических реакциях. В отличие от физических аппаратов, организм является продуктом эволюции всего человеческого рода и жизни отдельного индивида. Эти принципы распространялись на психику. Она также рассматривалась, во-первых, под углом зрения энергетических ресурсов личности, служащих «горючим» ее действий и переживаний, во-вторых, под углом зрения развития этой личности, несущей память и о детстве всего человечества, и о собственном детстве. Фрейд, таким образом, воспитывался на принципах и идеалах точного, опытного естествознания — физики и биологии. Он не ограничивался описанием явлений, а искал их причины и законы (такой подход известен под именем детерминизма, и во всем последующем творчестве Фрейд является детерминистом). Этим идеалам он следовал и тогда, когда перешел в область психологии. Его учителем был выдающийся

европейский физиолог Эрнст Брюкке¹. Под его руководством студент Фрейд работал в венском физиологическом институте, просиживая помногу часов за микроскопом. Под старость, будучи всемирно признанным психологом, он писал одному из своих друзей, что никогда не был так счастлив, как в годы, потраченные в лаборатории на изучение устройства нервных клеток спинного мозга животных. Умение сосредоточенно работать, всецело отдавая себя научным занятиям, выработанное в этот период, Фрейд сохранил на последующие десятилетия. Он намеревался стать профессиональным научным работником. Но вакантного места в физиологическом институте у Брюкке не было. Тем временем ухудшилось материальное положение Фрейда. Трудности обострились в связи с предстоящей женитьбой на такой же бедной, как и он, Марте Бернайс. Науку пришлось оставить и искать средства к существованию. Имелся один выход — стать практикующим врачом, хотя к этой профессии он никакого тяготения не испытывал. Он принял решение заняться частной практикой в качестве невропатолога. Для этого пришлось сперва пойти работать в клинику, так как медицинского опыта у него не было. В клинике Фрейд основательно осваивает методы диагностики и лечения детей с пораженным мозгом (больных детским параличом), а также различных нарушений речи (афазии). Его публикации об этом становятся известны в научных и медицинских кругах. Фрейд приобретает репутацию высококвалифицированного врача-невропатолога. Своих больных он лечил принятыми в то время методами физиотерапии. Считалось, что поскольку нервная система представляет собой материальный орган, то и болезненные изменения, которые в ней происходят, должны иметь материальные причины. Поэтому устранять их следует посредством физических процедур, воздействуя на больного теплом, водой, электричеством и др. Очень скоро, однако, Фрейд стал испытывать неудовлетворенность этими физиотерапевтическими процедурами. Эффективность лечения оставляла желать лучшего, и он задумался над возможностью применить другие методы, в частности гипноз, используя который некоторые врачи добивались хороших результатов. Одним из таких успешно практикующих врачей был Иосиф Брейер, который стал во всем покровительствовать молодому Фрейду. Они совместно обсуждали причины заболеваний своих пациентов и перспективы лечения.

Больными, которые к ним обращались, были главным образом женщины, страдавшие истерией. Болезнь проявлялась в разных симптомах — страхах (фобиях), потере чувствительности, отвращении к пище, раздвоении личности, галлюцинациях, спазмах и др. Применяя легкий гипноз (внушенное состояние, подобное сну), Брейер и Фрейд просили своих пациенток рассказывать о событиях, которые некогда сопровождали появление симптомов болезни. Выяснялось, что, когда больным удавалось вспомнить об этом и «выговориться», симптомы хотя бы на время исчезали.

¹ У Брюкке учились и в его лаборатории работали ученые из многих стран, в том числе отец русской физиологии и научной психологии И. М. Сеченов.

Такой эффект Брейер назвал древнегреческим словом «катарсис» (очищение). Древние философы использовали это слово, чтобы обозначить переживания, вызываемые у человека восприятием произведений искусства (музыки, трагедии). Предполагалось, что эти произведения очищают душу от омрачающих ее аффектов, принося тем самым «безвредную радость». Брейером этот термин был перенесен из эстетики¹ в психотерапию. За понятием о катарсисе крылась гипотеза, согласно которой симптомы болезни возникают вследствие того, что больной прежде испытал напряженное, аффективно окрашенное влечение к какому-либо действию. Симптомы (страхи, спазмы и т.д.) символически замещают это нереализованное, но желаемое действие. Энергия влечения разряжается в извращенной форме, как бы «застревая» в органах, которые начинают работать ненормально. Поэтому предполагалось, что главная задача врача — заставить больного вновь пережить подавленное влечение и тем самым придать энергии (нервно-психической энергии) другое направление, а именно — перевести ее в русло катарсиса, разрядить подавленное влечение в рассказе врачу о нем. В этой версии о травмировавших больного и потому вытесненных из сознания, аффективно окрашенных воспоминаниях, избавление от которых дает лечебный эффект (исчезают расстройства движений, восстанавливается чувствительность и т.д.), содержался зародыш будущего психоанализа Фрейда. Прежде всего, в этих клинических исследованиях «прорезалась» идея, к которой неизменно возвращался Фрейд. На передний план отчетливо выступили конфликтные отношения между сознанием и неосознаваемыми, но нарушающими нормальный ход поведения психическими состояниями. О том, что за порогом сознания теснятся былые впечатления, воспоминания, представления, способные влиять на его работу, давно было известно философам и психологам. Новые моменты, на которых задержалась мысль Брейера и Фрейда, касались, во-первых, сопротивления, которое сознание оказывает неосознаваемому, в результате чего и возникают заболевания органов чувств и движений (вплоть до временного паралича), во-вторых, обращения к средствам, позволяющим снять это сопротивление, сперва — к гипнозу, а затем — к так называемым «свободным ассоциациям», о которых речь пойдет дальше. Гипноз ослаблял контроль сознания, а порой и совсем снимал его. Это облегчало загипнотизированному пациенту решение задачи, которую Брейер и Фрейд ставили, — «излить душу» в рассказе о вытесненных из сознания переживаниях.

Особенно успешно использовали гипноз французские врачи, для изучения опыта которых Фрейд на несколько месяцев съездил в Париж к знаменитому неврологу Шарко (ныне его имя сохранилось в связи с одной из физиотерапевтических процедур — так называемым душем Шарко). Это был замечательный врач, прозванный «Наполеоном неврозов». У него лечилось большинство королевских семей Европы. Фрейд — молодой венский доктор

¹ Проблема катарсиса в искусстве широко обсуждалась в тогдашней литературе, в частности в работах Я. Бернейса — родственника Фрейда.

— присоединился к большой толпе практикантов, которая постоянно сопровождала знаменитость во время обходов больных и при сеансах их лечения гипнозом. Случай помог Фрейду сблизиться с Шарко, к которому он обратился с предложением перевести его лекции на немецкий. В этих лекциях утверждалось, что причину истерии, как и любых других заболеваний, следует искать только в физиологии, в нарушении нормальной работы организма, нервной системы. В одной из бесед с Фрейдом Шарко заметил, что источник странностей в поведении невротика таится в особенностях его половой жизни. Это наблюдение запало в голову Фрейда, тем более что и он сам, да и другие врачи сталкивались с зависимостью нервных заболеваний от сексуальных факторов. Через несколько лет, под впечатлением этих наблюдений и предположений, Фрейд выдвинул постулат, придавший всем его последующим концепциям, каких бы психологических проблем они ни касались, особую окраску и навсегда соединивший его имя с идеей всеобщей сексуальности во всех человеческих делах. Эта идея о роли сексуального влечения как главного двигателя поведения людей, их истории и культуры придала фрейдизму специфическую окраску, прочно ассоциировала его с представлениями, сводящими все бесчисленное многообразие проявлений жизнедеятельности к прямому или замаскированному вмешательству сексуальных сил. Такой подход, обозначаемый термином «пансексуализм», стяжал Фрейду во многих странах Запада огромную популярность — притом далеко за пределами психологии. В этом принципе стали усматривать своего рода универсальный ключ ко всем человеческим проблемам. По этому поводу известный советский психолог Л. С. Выготский еще в 20-х годах писал: «Творчество Достоевского раскрывается тем же ключом, что и тотем и табу первобытных племен; христианская церковь, коммунизм, первобытная орда — все в психоанализе выводится из одного источника... Здесь психоанализ не продолжает, а отрицает методологию марксизма»¹. Но если бы психоанализ ограничивался таким подходом, ложность которого давно доказали различные научные школы, исходя не только из философских аргументов, но и из анализа реальных феноменов социокультурного развития человечества, то пришлось бы признать загадкой длительность и силу его влияния на современную мысль, на многие направления исследований поведения в различных областях знания. Какой смысл имело бы обращение к текстам Фрейда, если бы в любых формах психической регуляции поведения и в любых порождениях культуры, при взгляде на них глазами Фрейда, не видели ничего кроме причудливых рудиментов сексуальных влечений? Конечно, трезвое, спокойное изучение этих влечений и сопряженных с ними комплексов переживаний средствами позитивной науки является, вопреки ханжеской морали, важным делом в плане как познания характера и поведения людей, так и их полового воспитания. Науке об этой сфере — сексологии — принадлежит законное место среди других дисциплин,

¹ *Выготский Л. С. Собр. соч., М., 1982, т. 1, с. 332.*

изучающих биосоциальную природу человека. Нет ничего более ошибочного при оценке исторической роли Фрейда, как видеть в нем главного апологета секса и первого лидера науки сексологии — с одной стороны, считать эту роль исчерпанной его вкладом в проблематику этой науки — с другой.

Такой образ Фрейда культивировали как его противники, так и многие приверженцы психоанализа как панацеи от всех человеческих бед, коренящихся якобы в темном, иррациональном половом инстинкте, спасти от пагубного влияния которого на социальную жизнь явился новый мессия — Фрейд. В различных гипотезах и представлениях Фрейда потаенным силам сексуальности действительно было придано могущественное влияние на судьбу человека, и для того, чтобы считать Фрейда трубадуром этих сил, он сам дал достаточно оснований. Однако, подобно тому как применительно к поведению своих пациентов Фрейд в их реакциях искал скрытый от их сознания реальный смысл, в суждениях самого Фрейда, его теориях заключалось гораздо больше, чем это им самим осознавалось. И именно эти «зашифрованные» идеи, а не версия о всемогуществе полового влечения, стали животворным источником его влияния на науку о человеке.

Чтобы понять смысл его влияния, надо иметь в виду, что в научном творчестве, его результатах следует различать субъективное и объективное. Ряд своих постулатов Фрейд оценивал как незыблемые (такие, как эдипов комплекс, страх кастрации у мальчиков и т.п.). С подобными феноменами он встречался в своей клинической практике. Фрейду представилось, что он здесь имеет дело не с симптомами, наблюдаемыми у отдельных лиц, страдающих психоневротическими расстройствами, а с проявлением глубинных начал человеческой природы. И сколько бы возражений ни выдвигалось против этих догм психоанализа, его создатель оставался поразительно слеп к любой критике. Заметив (и здесь он не был одинок, многие врачи до Фрейда писали об этом) сексуальную этиологию неврозов у своих пациентов, Фрейд отождествил любые скрытые от сознания вождения человека с сексуальными. Этим он и взбудоражил интеллектуальный мир. Сексуально озабоченный невропат Фрейда стал своего рода моделью поведения человека в любых ситуациях и культурах. Тем самым это поведение получило превратную трактовку. Объективное научное знание превратилось в миф, в который оставалось только верить, «став на колени». Однако оказался учение Фрейда не более чем сугубо мифологической конструкцией, оно не вошло бы в запас научных представлений, а метод психоанализа не оказался бы одним из самых влиятельных среди множества техник психотерапии. А ведь именно такова историческая реальность. С ней приходится считаться и ее следует объяснить.

Выше была приведена та оценка вклада Фрейда в создание учения о высшей нервной деятельности, которую дал академик П. Л. Капица. Прочитав мнение другого лауреата Нобелевской премии Альберта Эйнштейна, писавшего 80-летнему Фрейду: «Я рад, что это поколение имеет счастливую возможность выразить вам, одному из величайших учителей, свое уважение

и свою благодарность. До самого последнего времени я мог только чувствовать умозрительную мощь вашего хода мыслей, с его огромным воздействием на мировоззрение нашей эры, но не был в состоянии представить определенное мнение о том, сколько оно содержит истины. Недавно, однако, мне удалось узнать о нескольких случаях, не столь важных самих по себе, но исключаящих, по-моему, всякую иную интерпретацию, кроме той, которая дается теорией подавления. То, что я натолкнулся на них, чрезвычайно меня обрадовало: всегда радостно, когда большая и прекрасная концепция оказывается совпадающей с реальностью»¹. Уже само по себе то, что ученый, который произвел великий переворот в науке, считает ход фрейдовских мыслей оказавшим «огромное воздействие на мировоззрение нашей эры», требует от нас обратиться к источнику этого воздействия.

Нетрудно понять, что упор на сексуальный фактор (по поводу которого во времена Фрейда уже существовала огромная литература) сам по себе не мог произвести революцию в психологии, радикально изменить систему понятий этой науки. Ведь действие этого фактора легко объяснимо чисто физиологическими причинами — функционированием половых желез, работой центров вегетативной нервной системы и т.п. На почве физиологии стоял первоначально и Фрейд, прежде чем перешел в зыбкую, не имеющую прочных опорных точек область психологии. На отважный шаг в эту темную область его направила, как отмечалось, практика лечения истерии. Но решился он на него не сразу. Даже гипноз, применение которого, казалось бы, не оставляло сомнений в том, что воздействие врача на пациента носит психологический характер, объяснялся многими врачами как чисто физиологическое явление. Именно так думал Шарко, которым восхищался Фрейд. Однако дальнейшие раздумья Фрейда поколебали его убеждения в правильности принятого школой Шарко мнения. Он становится участником споров между французскими врачами по поводу того, считать ли гипноз эффектом внушения, которому подвержены все люди, или же загипнотизировать, как учил Шарко, можно только нервнобольных (истериков). На Фрейда большое впечатление произвело так называемое постгипнотическое внушение. При нем человеку в состоянии гипноза внушалась команда совершить после пробуждения какое-либо действие, например, раскрыть зонтик. Проснувшись, он выполнял команду, хотя дождя не было, и поэтому его действие оказывалось бессмысленным. На вопрос же о том, почему он это сделал, человек, не зная истинной причины, подыскивал ответ, который был призван каким-то образом придать его нелепому поведению разумность: «Я хотел проверить, не испорчен ли мой зонтик» и т.п. Подобные факты указывали не только на то, что человек может совершать поступки, мотивы которых он не осознает, но и на его стремление придумать эти мотивы, подыскать рациональные основания своим поступкам. Впоследствии Фрейд назвал подобное оправдание человеком своих действий рационализацией. Все это заставляло задуматься над проблемой неосознаваемых побуждений,

¹ Цит. по: *Freud S. Ausgewählte Schriften*. 1 Band. L., 1969, S. 12.

которые реально движут людьми, однако в их сознании адекватной проекции не получают. Перед глазами невропатологов выступила весьма странная с точки зрения тогдашних взглядов картина. Люди, воспитанные в духе своего времени, на идеалах точного естествознания, главная формула которого гласила «нет действия без причины», считали, что причиной является расстройство нервной системы. Однако расстройства, с которыми они повседневно имели дело, оказывались необычными. Пациент говорил одно, а двигало им, побуждало действовать совсем другое. Опыты же с гипнозом (вроде внушенной команды открыть после пробуждения зонтик) убедительно свидетельствовали, что человек способен неумышленно придумывать мотивы своего поведения. Какой же был механизм этих странных реакций — физиологический или психологический? Ни физиология, ни психология ответить на этот вопрос не могли. Физиология говорила о рефлексах, нервных функциях, мышечных реакциях и т.п. Но ни одно из ее понятий не могло объяснить причины болезненных состояний. Психология говорила о сознании, способности мыслить, подчинять действие заранее принятой цели и т.д. И с этой — психологической — стороны поиск причин поведения невролика также ничего не давал. А без знания причин оставалось действовать вслепую. Фрейда это не устраивало — не только как врача, желающего действовать рационально, но и как натуралиста, непреклонно верившего в то, что все происходящее в организме включено в «железную» цепь причин и следствий, стоит под необратимыми законами природы. Ведь он был учеником Гельмгольца и Дарвина. От них воспринял идеалы естественнонаучного познания, и прежде всего принцип детерминизма — зависимости явлений от производящих их факторов. Фрейд ощущал бессилие этого принципа перед тем, что требовала клиника неврозов. Его наблюдения за случаями, когда длительное лечение истерии благодаря применению гипноза давало положительный эффект, указывали, что источник страдания скрыт в сфере, неведомой ни физиологии, ни психологии. Практика требовала отказаться от прежних подходов и продвигаться либо к новой физиологии, либо к новой психологии.

Не сразу молодые невропатологи Брейер и Фрейд произвели выбор. Совместно они подготовили книгу «Исследования истерии» Она вышла в 1895 г. Иногда ее оценивают как первую главу в истории созданного Фрейдом психоанализа. Для этого имеются известные основания, поскольку в указанной книге можно различить намеки на многие представления будущего психоанализа: и о динамике вытесненных из сознания влечений, из-за которых возникают расстройства движений, восприятий и т.п., и об очистительной роли погружения в прошлое с целью восстановить события и обстоятельства, нанесшие душевную травму. Это были достоверные клинические факты, установленные Брейером и Фрейдом. Но из фактов как таковых теория не возникает.

Как уже говорилось, Брейер и Фрейд пришли в клинику после нескольких лет работы в физиологической лаборатории. Оба были естествоиспытателями до мозга костей и, прежде чем занялись медициной, уже приобрели

известность своими открытиями в области физиологии нервной системы. Поэтому и в своей медицинской практике они, в отличие от обычных врачей-эмпириков, руководствовались теоретическими идеями передовой физиологии. В то время нервная система рассматривалась как энергетическая машина. Брейер и Фрейд мыслили в терминах нервной энергии. Они предполагали, что ее баланс в организме нарушается при неврозе (истерии), возвращаясь к нормальному уровню благодаря разряду этой энергии, каким является катарсис. Будучи блестящим знатоком строения нервной системы, ее клеток и волокон, которые годами изучал с помощью скальпеля и микроскопа, Фрейд предпринял отважную попытку набросать теоретическую схему процессов, происходящих в нервной системе, когда ее энергия не находит нормального выхода, а разряжается на путях, ведущих к нарушению работы органов зрения, слуха, мышечного аппарата и другим симптомам болезни. Сохранились записи с изложением этой схемы, получившей уже в наше время высокую оценку физиологов. Но Фрейд испытывал крайнюю неудовлетворенность своим проектом (он известен как «Проект научной психологии»). Фрейд вскоре расстался и с ним, и с физиологией, которой отдал годы напряженного труда. Это вовсе не означало, что он с тех пор считал обращение к физиологии бессмысленным. Напротив, Фрейд полагал, что со временем знания о нервной системе шагнут столь далеко, что для его психоаналитических представлений будет найден достойный физиологический эквивалент. Но на современную ему физиологию, как показали его мучительные раздумья над «Проектом научной психологии», рассчитывать не приходилось. Он не предполагал, что через два десятилетия Павлов откроет в лабораторном эксперименте простейший физиологический механизм невротической реакции. Один описанный Фрейдом случай привлек внимание И. П. Павлова и дал импульс к разработке весьма продуктивной главы его учения о высшей нервной деятельности — концепции экспериментальных неврозов. О возникновении этой концепции Павлов рассказал на одной из своих знаменитых «сред»¹. Цитирую по протоколу: «Иван Петрович сообщает о том, что именно натолкнуло его на мысль производить неврозы сшибками. В одной из своих ранних работ Фрейд описал случай невроза у девушки, которая много лет перед тем должна была ухаживать за больным отцом, обреченным на смерть, которого она очень любила и старалась поэтому казаться веселой, скрывая от него опасность болезни. Психоанализом Фрейд установил, что это легло в основу позже развившегося невроза. Рассматривая это как трудную встречу процессов возбуждения и торможения, Иван Петрович как раз и положил в основу метода вызывания экспериментальных неврозов на собаках это трудное столкновение двух противоположных процессов»².

¹ Еженедельно по средам он собирал сотрудников своей лаборатории, чтобы обсудить ход текущих опытов, рассмотреть новые планы, поделиться соображениями по общенаучным вопросам.

² Павловские среды. М.; Л., 1949, т. 1, с. 112.

Через много лет Фрейд случайно узнал о том, что Павлов, создавая свое учение об экспериментальных неврозах, отталкивался от его пионерской работы. Об этом ему сообщил выдающийся нейрофизиолог Ральф Джерард, который в своей публикации свидетельствует: «Я посетил Павлова незадолго до его кончины, и он сказал мне, что его эксперименты по изучению условнорефлекторно вызываемых неврозов были стимулированы чтением одной работы Фрейда. Через неделю я выехал из Ленинграда в Вену, где сообщил об этом Фрейду. Сердито фыркнув, он воскликнул: «Это могло бы мне чрезвычайно помочь, если бы он сказал это несколькими десятилетиями раньше»¹. Возможно, что он вспомнил при этом о неудаче, постигшей его в попытках физиологически объяснить невроз. Вместе с тем, оставаясь в пределах этого объяснения, он не смог бы создать принесший ему всемирную славу психоанализ. В понятиях, которыми оперировал Павлов, отражалась динамика нервных физиологических процессов — возбуждения и торможения. Они образуют ту канву, без которой не мог бы возникнуть психологический «узор». Но сам этот «узор» жизнь создает по особым законам. Поиск этих законов занята психология. В течение многих столетий она считалась служанкой философии. Однако в середине прошлого века картина изменилась. Психология обрела самостоятельность, прочно заняв собственное место среди других наук.

В ту пору, когда к ней обратился Фрейд, психология считалась наукой о сознании. Под ним понималось прямое знание субъекта о том, что происходит в его собственной душе. Именно это знание принималось за незыблемый краеугольный камень психологии. Фрейд, опираясь на свой клинический опыт, его подорвал. Ведь его больные страдали именно оттого, что не знали о своих влечениях, о том, что некогда вызвало душевную боль. Лишь подавив контроль сознания (в частности, применив гипноз), удавалось найти следы некогда травмировавших личность событий. В смелом вторжении в дебри бессознательной психики и заключался пионерский шаг Фрейда.

Попытка вывести психику из работы «нервной машины» Фрейду не удалась. Но и добытые в ту эпоху психологические представления были бессильны пролить свет на патологическое поведение людей, лечением которых был повседневно занят Фрейд, ибо эти представления охватывали лишь то, что подвластно сознанию. Фрейд открыл третью альтернативу. Ключ к тайнам душевной жизни он стал искать не в физиологии и не в психологии сознания, а в психологии бессознательного. Мы увидим, что, вступив в эту область, он сделал немало ошибочных шагов, предложил немало решений, не выдержавших испытания научными средствами. Но эти заблуждения не должны дать повод пренебречь его новаторскими исканиями.

Работа в клинике требовала применения методических средств, позволяющих проникнуть в скрытые от сознания психические пласты. На

¹ *Worden F., Swazey I., Adelman G. (eds.). The Neurosciences: Path of Discovery. — Cambridge and London, 1975, p. 469.*

первых порах главным и единственным орудием, как мы знаем, был гипноз. Фрейд не владел им столь мастерски, как Брейер. Неудовлетворенность гипнозом побудила его искать другие средства.

На одно из них Фрейда натолкнул феномен, приобретший в дальнейшем в психоанализе особое значение под именем «трансфера» (перенесения). Общение врача с пациентом приобретало особую эмоциональную окраску, когда этот пациент переносил свои неизжитые бессознательные желания, сохранявшиеся с детских лет, на личность самого врача. Фрейд установил этот факт, наблюдая за одной из пациенток доктора Брейера, которая стала выражать по отношению к последнему чувства страха, любви и другие, некогда испытываемые по отношению к родителям. Брейера это привело в смятение, и он отказался от дальнейшей терапии. Фрейд же, подвергнув это явление изучению, увидел в нем способ разъяснить больному истинные причины его невроза. Установив перенос бессознательных детских влечений с тех лиц, которые некогда их вызывали, на терапевта, последний мог обнажить смысл этих переживаний, довести их до сознания больного, помочь тем самым их изжить, освободиться от них (благодаря тому, что стал понимать, что же его мучает).

Трансфер, вслед за гипнозом, выступил как еще один способ проникновения в область подавленных, вытесненных влечений. Но главным терапевтическим средством, изобретенным Фрейдом и ставшим на многие годы «основой основ» его психоанализа, стали так называемые «свободные ассоциации». Понятие «ассоциации» — одно из древнейших в психологии. Его можно встретить (как и понятие о катарсисе) у Платона и Аристотеля. Подобно тому, как ствол дерева, развиваясь, обрастает новыми кольцами, эти понятия, передавая от эпохи к эпохе мудрость веков, обогащались новым содержанием. Закон образования ассоциаций веками считался главным законом психологии. Он гласил, что если какие-либо объекты воспринимаются одновременно или в непосредственной близости, то впоследствии появление одного из них влечет за собой осознание другого. Так, взглянув на какую-либо вещь, человек вспоминает ее отсутствующего владельца, поскольку прежде эти два объекта воспринимались одновременно, в силу чего между их следами в мозгу упрочилась связь-ассоциация. Различным видам ассоциаций было посвящено множество психологических трактатов. Когда психология превратилась в науку, ассоциации стали изучать экспериментально, чтобы определить законы памяти, воображения и других умственных процессов. Выяснялось, с какими представлениями ассоциируются у испытуемых различные слова, сколько раз нужно повторить список слов, чтобы между ними возникли связи, позволяющие его целиком либо частично запомнить и т.п. Во всех случаях ставилась задача изучить работу сознания. Фрейд же использовал материал ассоциаций в других целях. Он искал в этом материале путь в область неосознаваемых побуждений, намеки на то, что происходит в «кипящем котле» аффектов, влечений. Для этого, полагал он, ассоциации следует вывести из-под контроля сознания. Они должны стать свободными. Так родилась главная процедура психоанализа, его основной техникой

прием. Пациенту предлагалось, находясь в расслабленном состоянии (обычно лежа на кушетке), непринужденно говорить обо всем, что ему приходит в голову, «выплескивать» свои ассоциации, какими бы странными возникающие мысли ни казались. В тех случаях, когда пациент испытывал замешательство, начинал запинаться, повторял несколько раз одно и то же слово, жаловался на то, что не в состоянии припомнить что-либо, Фрейд останавливал на этих реакциях свое внимание, предполагая, что в данном случае его больной, сам того не подозревая, сопротивляется некоторым своим тайным мыслям, притом сопротивляется не умышленно, как бывает в тех случаях, когда человек стремится намеренно что-либо утаить, а неосознанно. Для этого, конечно, должны быть какие-то причины особой, «тормозящей» активности психики. Еще раз подчеркнем, что такая особая, обладающая большой энергией сопротивляемость, открытая Фрейдом в его медицинском опыте, в кропотливом анализе реакций его пациентов, явилась принципиально важным новым словом в понимании устройства человеческой психики. Выявилась удивительная сложность этого устройства, присутствие в его работе особого внутреннего «цензора», о котором самому человеку не известно. И тем не менее этот незримый, неосознаваемый самим субъектом цензор бдительно следит за тем, что происходит в сознании, пропуская в него или не пропуская различные мысли и представления. Необычность такого подхода, утвердившегося в психологической науке после Фрейда, очевидна. Вера в то, что поведение человека находится под надежным контролем сознания, веками считалась неоспоримой. «Находиться под контролем сознания» значило не что иное, как отдавать себе ясный отчет о своих желаниях, побуждениях, стимулах к действию. Осознание целей, наличие придуманного плана, который регулирует действия, направленные на достижение этой цели, действительно является той решающей особенностью человеческих поступков, которая отличает их от действий остальных живых существ. Из этого, однако, не следует прямолинейный взгляд на человеческую личность как свободную от противоречий между желаемым и должным, между порой несовместимыми влечениями к объектам, имеющим различную привлекательность, и т.п. Обыденная человеческая жизнь полна конфликтов различной степени напряженности, достигающей порой истинного драматизма. Наше сознание — не простой созерцатель этой драмы, безучастный к ее исходу. Оно ее активное «действующее» лицо, которое вынуждено выбирать и накладывать вето, защищать от влечений и мыслей, способных (как, например, при тяжелом заболевании или душевном конфликте) сделать жизнь несносной и даже погубить личность. Именно личность как особую психическую целостность, даже при сохранении ее физического существования. Это дает право прийти к важному для понимания учения Фрейда заключению.

Как уже сказано, его учение прославилось прежде всего тем, что проникло в тайники бессознательного, или, как иногда говорил Фрейд, «преисподнюю» психики. Однако если ограничиться этой оценкой, то можно упустить из виду другой важный аспект: открытие Фрейдом сложных, конфликтных

отношений между сознанием и неосознаваемыми психическими процессами, бурлящими за поверхностью сознания, по которой скользит при самонаблюдении взор субъекта. Сам человек, полагал Фрейд, не имеет перед собой прозрачной, ясной картины сложного устройства собственного внутреннего мира со всеми его подводными течениями, бурями, взрывами. И здесь на помощь призван прийти психоанализ с его мет дом «свободных ассоциаций». Этот метод позволяет субъекту при помощи психотерапевта осознать свои влечения, хотя и подавленные, но продолжающие «взрывать» поведение, влиять на его ход. На понятии о влечении (потребности, мотиве, побуждении) как моторе и «горючем» всех действий, мыслей, переживаний человека и сосредоточилась напряженная творческая работа Фрейда на протяжении десятилетий. Напомним еще раз, что он прошел естественнонаучную школу, что он воспитывался на трудах великого Гельмгольца, открывшего закон сохранения и превращения энергии, и великого Дарвина, открывшего закон эволюции животного царства. Напомним также, что его пионерский шаг заключался в переходе из области физики и биологии в область психологии. Перейдя к изучению человеческой души, он опирался на созданное науками о природе. Он использовал и понятие об энергии, сложившееся в недрах физики, и понятие об инстинкте, разработанное Дарвином. Однако оба понятия были им радикально преобразованы. Этого требовал тот новый мир явлений, в изучение которого он теперь погрузился. Фрейд придает термину «энергия» значение психологического «заряда», служащего источником влечения. Этот «заряд» изначально заложен в организме и в этом смысле подобен инстинкту. Следуя биологическому стилю мышления, Фрейд выделял два инстинкта, движущие поведением, — инстинкт самосохранения, без которого живая система рухнула бы, и сексуальный инстинкт, обеспечивающий сохранение не индивида, а всего вида. Именно этот второй инстинкт был возведен Фрейдом в его теперь уже не биологической, а психологической теории на царственное место и окрашен именем либидо, ставшим своего рода паролем всего психоанализа. Бессознательное трактовалось как сфера, насыщенная энергией либидо, слепого инстинкта, не знающего ничего, кроме принципа удовольствия, которое человек испытывает, когда эта энергия разряжается. Поскольку же сознание, в силу запретов, налагаемых обществом, готово препятствовать этому, энергия либидо ищет обходные пути, прорываясь в умственных и телесных реакциях — порой безобидных, а порой патологических, приобретающих характер психоневроза, в частности истерии. Подавленное, вытесненное сексуальное влечение и расшифровывалось Фрейдом по свободным от контроля сознания ассоциациям его пациентов. Такую расшифровку он и назвал психоанализом. При этом из свободных ассоциаций невротиков Фрейд извлек материал, истолкованный в том смысле, что они в детстве были совращены взрослыми. Затем он пришел к выводу, что реального совращения не было и речь должна идти о детских фантазиях на сексуальные темы. Тем не менее по-прежнему осью, вокруг которой вращался изобретенный им психоанализ, оставался

принцип редукции (сведения) всего реального драматизма отношений между сознанием и бессознательной психикой к сексуальному влечению — его энергии и динамике. Именно этот принцип придал всем построениям Фрейда специфическую окраску, породив и ныне не утихающие споры о правоте и степени научности этих построений. Эти споры обострились, когда Фрейд присоединил к общей идее о всемогуществе сексуальности новые, еще более сомнительные темы, где эта идея конкретизировалась в ряде мифов, о которых речь пойдет дальше.

Открыв роль глубинных, неосознаваемых мотивов в регуляции человеческого поведения, утвердив тем самым новую ориентацию в психотерапии неврозов, Фрейд представил свое открытие ученому миру в категориях и схемах, легко уязвимых для критики, которая вместе с плеведами повыбрасывала и зерна, проросшие впоследствии в ряд продуктивных гипотез и представлений. Но твердая убежденность Фрейда (до 20-х годов) в том, что главным объяснительным принципом всех побуждений, страстей и бед человеческих следует считать либидо, восстановила против него подавляющее большинство тех, с кем он вел исследования бессознательной психики, начиная от Брейера, решительно рассорившегося со своим вчерашним соавтором. Порвав с Брейером, Фрейд, наряду с тремя испытанными им методами лечения истерии (гипнозом, анализом трансфера и свободных ассоциаций), решил испытать психоанализ с целью выявить причины собственных душевных конфликтов и невротических состояний. Конечно, ни один из прежних методов для этого не был пригоден. И тогда он обратился к изучению собственных сновидений, результаты которого изложил в уже упоминавшейся книге «Толкование сновидений» (1900). Ее он неизменно считал своим главным трудом, хотя того пансексуализма, с которым обычно связывается имя Фрейда, в ней нет.

Впрочем, уже до этого труда Фрейд напал на мысль о том, что «сценарий» сновидений при его кажущейся нелепости — не что иное, как код потаенных желаний, которые удовлетворяются в образах-символах этой формы ночной жизни. Это предположение настолько поразило Фрейда, что он запомнил, при каких обстоятельствах оно пришло ему на ум. Это было в четверг вечером 24 июля 1895 г. в северо-восточном углу террасы одного из венских ресторанов. По этому поводу Фрейд иронически заметил, что на этом месте следовало бы прибить табличку: «Здесь доктором Фрейдом была открыта тайна сновидений». Естественно поэтому, что и собственные сны Фрейд рассматривал после пробуждения, исходя из сложившейся уже у него гипотезы о символике образов. В книге описывались приемы построения этих образов: их сгущение в некий причудливый комплекс, замена целого частью, олицетворение и т.п. При этом полагалось, что существуют символы (полета, падения, видения воды, острых предметов, выпавшего зуба и т.п.), имеющие универсальный смысл для всех людей. Проверка данного положения независимыми авторами не подтвердила этот вывод.

Фрейд объяснял образы сновидений как разряды аффектов. По его мнению, говоря словами одного советского психолога, «сновидение, подобно луне,

светит отраженным светом». Источник энергии скрыт в бессознательном, в аффектах страха, влечениях и других переживаниях, вытесненных из дневной жизни. Они говорят о себе на особом символическом языке, словарь и способ построения которого Фрейд попытался восстановить. Он предполагал, что сновидения относятся к тому же разряду явлений, с которыми приходится иметь дело врачу, лечащему симптомы истерии. Поскольку образы сновидений посещают здоровых людей, то обращение к механизму порождения этих образов (тщательно разобранным Фрейдом) представилось «царством бессознательного», как древний, архаический слой психической жизни, скрытый за сеткой сознания современного индивида.

Идея о том, что на наше повседневное поведение влияют неосознаваемые мотивы, была блестяще продемонстрирована Фрейдом в книге «Психопатология обыденной жизни» (1901 г.). Различные ошибочные действия, забывание имен, оговорки, опiski обычно принято считать случайными, объяснять их слабостью памяти. По Фрейду же в них прорываются скрытые мотивы. Если, например, открывая заседание, председатель объявляет его закрытым, то это не простая оговорка, а выражение его нежелания обсуждать на этом заседании неприятный для него вопрос. Заменяя в беседе слово «организм» на слово «оргазм», субъект выражает потаенную мысль. Подобные примеры читатель найдет в работе Фрейда, согласно которой ничего случайного в психических реакциях человека нет. Все причинно обусловлено. Причины и здесь, подобно тому, как об этом говорят свободные ассоциации и сновидения, скрыты от сознания субъекта. Их следует искать в исходящих из глубин его психики напряженных импульсах, влечениях, позывах, которые получают выражение в явлениях, имеющих при видимой бессмысленности личностный смысл симптома или символа.

В другой работе — «Остроумие и его отношение к бессознательному» (1905) шутки или каламбуры интерпретируются Фрейдом как разрядка напряжения, созданного теми ограничениями, которые накладывают на сознание индивида различные социальные нормы. Конечно, среди этих норм имеются обусловленные исторически складывающимися типами семейно-брачных отношений, характером сексуальных связей или запретов. Реальны и конфликтные ситуации, создаваемые столкновением интересов индивида и общества, своеобразием принятых в этом обществе моральных санкций. Поэтому среди вытесненных влечений могут оказаться также и имеющие сексуальную направленность. Но это вовсе не означает, что они монополюсно царят над всеми движущими поведением человека потребностями, как это со все большей настойчивостью утверждал Фрейд.

Именно этот подход он отстаивал в «Трех очерках по теории сексуальности» (1905), где весь анализ психоневрозов вращался вокруг подавленного сексуального влечения как главной причины страхов, неврастения и других болезненных состояний. Здесь же предлагалась схема психосексуального развития личности — от младенческого возраста до стадии, на которой возникает естественное половое влечение к лицу противоположного пола.

Одной из излюбленных версий Фрейда становится эдипов комплекс как извечная формула отношений мальчика к родителям. В греческом мифе о царе Эдипе, убившем своего отца и женившемся на матери, скрыт, по мнению Фрейда, ключ к тяготеющему над каждым мужчиной сексуальному комплексу: мальчик испытывает влечение к матери, воспринимая отца (с коим он себя идентифицирует) как соперника, который вызывает и ненависть, и страх. Под этот древнегреческий миф Фрейд стремился подвести как можно большее количество клинических случаев и фактов истории культуры.

Продолжая практику психотерапевта, Фрейд обратился от индивидуального поведения к социальному. В памятниках культуры (мифах, обычаях, искусстве, литературе и т.д.) он искал выражение все тех же комплексов, все тех же сексуальных инстинктов и извращенных способов их удовлетворения. Следуя тенденциям биологизации человеческой психики, Фрейд распространил на объяснение ее развития так называемый биогенетический закон. Согласно этому закону, индивидуальное развитие организма (онтогенез) в краткой и сжатой форме повторяет основные стадии развития всего вида (филогенез). Применительно к ребенку это означало, что, переходя от одного возраста к другому, он следует за теми основными этапами, которые прошел человеческий род в своей истории. Руководствуясь этой версией, Фрейд утверждал, что ядро бессознательной психики современного ребенка образовано из древнего наследия человечества. В фантазиях ребенка и его влечениях воспроизводятся необузданные инстинкты наших диких предков. Никакими объективными данными, говорящими в пользу этой схемы, Фрейд не располагал. Она носила чисто умозрительный, спекулятивный характер. Современная детская психология, располагая огромным экспериментально проверенным материалом об эволюции поведения ребенка, полностью отвергает эту схему. Против нее однозначно говорит и тщательно проведенное сравнение культур многих народов. Оно не обнаружило тех комплексов, которые, согласно Фрейду, как проклятие висят над всем человеческим родом и обрекают на невроз каждого смертного. Фрейд надеялся, что, черпая сведения о сексуальных комплексах не в реакциях своих пациентов, а в памятниках культуры, он придаст своим схемам универсальность и вящую убедительность. В действительности же его экскурсы в область истории лишь укрепили в научных кругах недоверие к притязаниям психоанализа. Его обращение к данным, касающимся психики «первобытных людей», «дикарей» (Фрейд опирался на литературу по антропологии), ставило целью доказать сходство между их мышлением и поведением и симптомами неврозов. Об этом говорилось в его работе «Тотем и табу» (1913).

С тех пор Фрейд стал на путь приложения понятий своего психоанализа к коренным вопросам религии, морали, истории общества. Это был путь, оказавшийся тупиковым. Не от сексуальных комплексов, не от либидо и его превращений зависят социальные отношения людей, а именно характер и

строй этих отношений определяют, в конечном счете, психическую жизнь личности, в том числе и мотивы ее поведения.

Не эти культурно-исторические изыскания Фрейда, а его идеи, касающиеся роли неосознаваемых влечений как при неврозах, так и в обыденной жизни, его ориентация на глубинную психотерапию стали центром объединения вокруг Фрейда большого сообщества врачей, психиатров, психотерапевтов. Прошло то время, когда его книги не вызывали никакого интереса. Так, потребовалось 8 лет, чтобы была раскуплена книга «Толкование сновидений», отпечатанная тиражом в 600 экземпляров. В наши дни на Западе столько же экземпляров продается ежемесячно. К Фрейду приходит международная слава. В 1909 г. он приглашен в США, его лекции прослушали многие ученые, в том числе патриарх американской психологии Уильям Джемс. Обняв Фрейда, он сказал: «За вами будущее».

В 1910 г. в Нюрнберге собрался Первый международный конгресс по психоанализу. Правда, вскоре среди этого сообщества, которое объявило психоанализ особой наукой, отличной от психологии, начались распри, приведшие к его распаду. Многие вчерашние ближайшие сподвижники Фрейда порвали с ним и создали собственные школы и направления. Среди них были такие, в частности, ставшие крупными психологами исследователи, как Альфред Адлер и Карл Юнг. Большинство рассталось с Фрейдом из-за его приверженности принципу всемогущества сексуального инстинкта. Против этого догмата говорили как факты психотерапии, так и их теоретическое осмысление.

Вскоре и самому Фрейду пришлось вносить коррективы в свою схему. К этому вынудила жизнь. Грянула первая мировая война. Среди военных врачей имелись и знакомые с методами психоанализа. Пациенты, которые теперь у них появились, страдали от неврозов, сопряженных не с сексуальными переживаниями, а с травмировавшими их испытаниями военного времени. С этими пациентами сталкивается и Фрейд. Его прежняя концепция сновидений невротика, возникшая под впечатлением лечения венских буржуа в конце XIX века, оказалась непригодной, чтобы истолковать психические травмы, возникшие в боевых условиях у вчерашних солдат и офицеров. Фиксация новых пациентов Фрейда на этих травмах, вызванных встречей со смертью, дала ему повод выдвинуть версию об особом влечении, столь же могучем, как сексуальное, и потому провоцирующем болезненную фиксацию на событиях, сопряженных со страхом, вызывающих тревогу и т.п. Этот особый инстинкт, лежащий, наряду с сексуальным, в фундаменте любых форм поведения, Фрейд обозначил древнегреческим термином танатос, как антипод эросу — силе, обозначающей, согласно философии Платона, любовь в широком смысле слова, стало быть, не только половую любовь¹. Под именем танатоса имелось в виду особое тяготение к смерти, к уничтожению либо других, либо себя. Тем самым агрессивность возводилась

¹ Тем самым значение либидо расширялось до любовного влечения к окружающим людям и любым предметам, а также духовным ценностям.

в ранг извечного, заложенного в самой природе человека биологического побуждения. Представление об исконной агрессивности человека еще раз обнажило антиисторизм концепции Фрейда, пронизанной неверием в возможность устранить причины, порождающие насилие. Вместе с тем, как отмечал Л. С. Выготский (см. его предисловие к работе Фрейда «По ту сторону принципа удовольствия»), проблема смерти и сопряженных с ней испытаний требует как философского, так и естественнонаучного осмысления.

Наряду с социальными обстоятельствами (военные неврозы) у Фрейда имелись и личные мотивы обращения к этой проблеме. В начале 20-х годов на него обрушилась тяжелая болезнь, вызванная тем, что он был злостным курильщиком сигар. Терпеливо перенося одну мучительную операцию за другой, он продолжал напряженно работать. В 1915–1917 гг. он выступил в Венском университете с большим курсом, опубликованным под названием «Вводные лекции в психоанализ». Курс требовал дополнений, их он опубликовал в виде 8 лекций в 1933 г. В этот же последний период творчества Фрейда увидели свет его работы, запечатлевшие изменения, которые претерпели его взгляды на структуру человеческой личности («Психология масс и анализ Я» (1921), «Я и Оно» (1923)¹. Организация психической жизни выступала теперь в виде модели, имеющей своими компонентами различные психические инстанции, обозначенные терминами: Оно (ид), Я (эго) и Сверх-Я (супер-эго).

Под Оно (ид) понималась наиболее примитивная инстанция, которая охватывает все прирожденное, генетически первичное, подчиненное принципу удовольствия и ничего не знающее ни о реальности, ни об обществе. Она изначально иррациональна и аморальна. Ее требованиям должна удовлетворять инстанция Я (эго).

Эго следует принципу реальности, вырабатывая ряд механизмов, позволяющих адаптироваться к среде, справляться с ее требованиями. Эго — посредник между стимулами, идущими как из этой среды, так и из глубин организма, с одной стороны, и ответными двигательными реакциями — с другой. К функциям эго относится самосохранение организма, запечатление опыта внешних воздействий в памяти, избегание угрожающих влияний, контроль над требованиями инстинктов (исходящих от ид).

Особое значение придавалось Сверх-Я (супер-эго), которое служит источником моральных и религиозных чувств, контролирующим и наказующим агентом. Если ид предопределен генетически, а Я — продукт индивидуального опыта, то супер-эго — продукт влияний, исходящих от других людей. Оно возникает в раннем детстве (связано, согласно Фрейду, с комплексом Эдипа) и остается практически неизменным в последующие годы. Сверх-Я (супер-эго) образуется благодаря механизму идентификации ребенка с отцом, который служит для него моделью. Если Я (эго) примет

¹ Фрейд продолжал также публиковать сочинения по проблемам религии: «Будущее одной иллюзии» (1927), «Моисей и монотеизм» (1939). Остался незаконченным его «Очерк психологии», вышедший из печати в 1940 г.

решение или совершит действие в угоду Оно (ид), но в противовес Сверх-Я (супер-эго), то Оно испытывает наказание в виде укоров совести, чувства вины. Поскольку Сверх-Я черпает энергию от ид, постольку Сверх-Я часто действует жестоко, даже садистски.

На новом этапе эволюции психоанализа Фрейд объяснял чувство вины у неврастеников влиянием Сверх-Я. С помощью такого подхода объяснялся феномен тревожности, занимавший теперь большое место в психоанализе. Различались три вида тревожности: вызванная реальностью, обусловленная давлением со стороны бессознательного Оно (ид) и со стороны Сверх-Я (супер-эго). Соответственно задача психоанализа усматривалась в том, чтобы освободить Я (эго) от различных форм давления на него и увеличить его силу (отсюда понятие о «силе Я»). От напряжений, испытываемых под давлением различных сил, Я (эго) спасается с помощью специальных «защитных механизмов» — вытеснения, рационализации, регрессии, сублимации и др. Вытеснение означает произвольное устранение из сознания чувств, мыслей и стремлений к действию. Перемещаясь в область бессознательного, они продолжают мотивировать поведение, оказывают на него давление, переживаются в виде чувства тревожности и т.д. Регрессия — соскальзывание на более примитивный уровень поведения или мышления. Сублимация — один из механизмов, посредством которого запретная сексуальная энергия, перемещаясь на несексуальные объекты, разряжается в виде деятельности, приемлемой для индивида и общества. Разновидностью сублимации является творчество.

Трехкомпонентная модель личности позволяла разграничить понятие о Я и о сознании, истолковать Я как самобытную психическую реальность и тем самым как фактор, играющий собственную роль в организации поведения. Правда, вводя этот фактор и ориентируясь на него как на главную опору в психотерапевтической процедуре избавления субъекта от невроза, Фрейд не отступал от своего давнего сравнения отношения Я к Оно с отношением всадника к своей лошади. Наездник определяет цель и направление движения, но энергия последнему придается лошадью, то есть исходит из того же самого котла влечений и аффектов, который заложен в организме как биологической системе. Принцип антагонизма биологического и социального (сведенного к воображаемому типу связей между людьми различного пола, возникшему в праисторические времена и перешедшему через поколения в структуру современной семьи) препятствовал пониманию того, что, говоря словами А. А. Ухтомского, «природа наша делается и возделывается». Предвзятое положение о том, что мотивационные ресурсы личности начисто исчерпываются энергией нескольких квазибиологических влечений, которые Я как ядро личности вынуждено подчинять тирании навязанного ему с детства квазисоциального Сверх-Я, лишило Фрейда возможности объяснить динамику развития Я, пути наращивания его собственных сил, его преобразований в континууме жизненных встреч с социальным миром. Проведя демаркационную линию между Я и сознанием, показав, что Я как психическая (а не гносеологическая) реальность — это особая подсистема в

системе личности, решающая свои задачи благодаря тому, что оперирует собственными психологическими (а не физиологическими) «снарядами», указав на драматизм ее отношений с другими подсистемами личности, Фрейд столкнул психологию с областью, которая хотя и имеет жизненно важное значение для бытия человека в мире, однако оставалась для науки неизведанной.

В своих завершающих «Лекциях по введению в психоанализ» Фрейд сосредоточился на проблеме отношения психоанализа к религии, науке и, наконец, к мировоззрению, понятому как обобщающая интеллектуальная конструкция, исходя из единообразных принципов которой решаются основные проблемы бытия и познания. Он утверждал, что психоанализ в качестве специальной науки не способен образовать особое мировоззрение, что он заимствует свои мировоззренческие принципы у науки. Между тем в действительности как ряд общих положений самого Фрейда, так и многие концепции его учеников имели определенную мировоззренческую направленность, что отчетливо выражено как в их притязаниях на решение общих проблем, касающихся поведения человека, его отношения к природе и социальной среде, так и в объяснении генезиса и закономерностей развития культуры. Считая свои теоретические построения строго научными, Фрейд подверг острой критике религиозное мировоззрение, а также субъективно-идеалистическую философию. Будучи бескомпромиссным атеистом, считая религию несовместимой с опытом и разумом, Фрейд считал ее формой массового невроза, имеющего в основе психосексуальные отношения и отражающего желания и потребности детства. Тем самым он оставлял без внимания общественно-исторические истоки и функции религии, своеобразную представленность в религиозном сознании ценностных ориентаций, порожденных жизнью людей в реальном, земном мире, иррациональное переживание этими людьми своей зависимости от природных и социальных сил. Вместе с тем психоанализ дал импульс изучению сопряженных с религией личностных смыслов и переживаний, разработке проблем психологии религии. Решительно отграничивая религиозное мировоззрение от научного, Фрейд с полным основанием усматривает своеобразие научного мышления в том, что оно представляет собой особого рода деятельность, которая в неустанном поиске адекватной реальности истины дает подлинную, а не иллюзорную картину этой реальности.

Наконец, наряду с религиозным и научным мировоззрением Фрейд выделяет еще одну его форму — философию. Он подвергает острой критике приобретающую на Западе доминирующее влияние субъективно-идеалистическую философию, исповедующую интеллектуальный анархизм. Игнорируя принцип согласованности знания с внешним миром, это направление, согласно Фрейду, несмотря на попытки найти поддержку в новейших достижениях естественных наук (в частности, теории относительности), обнажает свою несостоятельность при первом же соприкосновении с практикой. Затем Фрейд обращается к другому

философскому направлению — марксизму, сразу же отмечая, что «живейшим образом сожалеет о своей недостаточной ориентированности в нем». Заслуживает внимания признание Фрейдом того, что исследования Маркса завоевали неоспоримый авторитет. Фрейд не касается вопроса о влиянии марксистских идей на психоаналитическое направление, связанное с его именем. Между тем именно в ту эпоху ряд приверженцев его концепции (в том числе и некоторые практикующие психоаналитики) обратились к марксистскому учению о влиянии социальных условий на формирование личности с целью преодолеть версию классического психоанализа о предопределенности поведения человека древними инстинктами. Возник неофрейдизм, опиравшийся в критике Фрейда на представления, отразившие влияние Маркса. Фрейд неоднократно оговаривается, что его мнение по поводу марксистской философии носит дилетантский характер. И это верно. Именно это обстоятельство побудило Фрейда свести марксизм к доктрине, ставящей все проявления человеческой жизни в фатальную зависимость от экономических форм. Соответственно свое рассмотрение этого учения Фрейд по существу ограничивает указанным тезисом. С одной стороны, Фрейду приходится признать, что события в сфере экономики, техники, производства действительно изменяют ход человеческой истории, что сила марксизма в «проницательном доказательстве неизбежного влияния, которое оказывают экономические отношения людей на их интеллектуальные, этические и эстетические установки». С другой стороны, Фрейд возражает против того, чтобы считать «экономические мотивы» единственными детерминантами поведения. Но марксизм, как известно (вопреки тому, каким представлял его Фрейд), объясняя своеобразие и многообразие духовной жизни личности, никогда не относил всю сложность мотивационной сферы людей за счет диктата экономики. Полагая, будто, согласно марксизму, этим диктатом аннигилируется роль психологических факторов, Фрейд неадекватно оценивал историко-материалистическое воззрение на активность сознания как фактора, не только отражающего, но и преобразующего в качестве регулятора практических действий социальный мир. Именно принцип историзма позволяет понять истинную природу человеческих потребностей, влечений, мотивов, которые, вопреки Фрейду, преобразуются в процессе созидания материальных и духовных ценностей, а не изначально предопределены биологической конституцией организма. Отрицание социокультурных законов, которым подчинено поведение людей, неизбежно привело Фрейда к психологическому редукционизму, к сведению движущих пружин человеческого бытия к «инстинктивной предрасположенности» в виде психоэнергетики и психодинамики. Видя преимущество марксизма в том, что он «безжалостно покончил со всеми идеалистическими системами и иллюзиями», Фрейд в то же время инкриминирует марксизму создание новых иллюзий, прежде всего стремление вселить веру в то, что за короткий срок удастся изменить человеческую сущность и создать общество всеобщего благоденствия. Между тем марксистская теория общественно-исторического развития, открыв общие законы этого развития, никогда не

предрекала ни сроки перехода от одной стадии к другой, ни конкретные формы реализации этих законов. Если марксистская теория обращалась к развитию общества как целостной системы, изменяющейся по присущим ей законам, то Фрейд, как это явствует из его критических замечаний, принимал за основу самодвижения социальной системы изъятый из этой целостности компонент, а именно — влечения человека. Поэтому и изменившая облик мира социальная революция в России трактуется Фрейдом не в контексте всемирно-исторического развития человечества, а как эффект перенесения «агрессивных наклонностей бедных людей на богатых».

Неверно и мнение Фрейда, будто смысл большевистской революции в обещании создать такое общество, где «не будет ни одной неудовлетворенной потребности». За этим мнением Фрейда скрыта его трактовка потребностей как нескольких изначально заложенных в биологическом устройстве человека величин, тогда как марксизм исходит из положения, согласно которому сами потребности являются продуктом истории, изменяясь и обогащаясь с прогрессом культуры. Признавая критический дух марксизма и то, что для него опорой послужили принципы строгого научного знания, Фрейд в то же время усматривал в русском большевизме зловещее подобие того, против чего марксизм борется, а именно — «запрет на мышление», поскольку «критические исследования марксистской теорий запрещены». Известно, с какой настойчивостью с первых же послереволюционных лет В. И. Ленин учил молодых марксистов мыслить самостоятельно, критически и всесторонне оценивать реальные социальные процессы, решительно перечеркивать свои прежние представления, когда они оказываются неадекватными новым запросам времени. Догматизм и «запрет на мышление» стали насаждаться во времена сталинщины, за которую исполненная критического духа философия Маркса ответственность не несет. Ленинский подход, реализующий принципы этой философии, утверждается ныне в советском обществе, где доминирующим становится новое мышление, которое не только не запрещает, но, напротив, требует самостоятельного, критического осмысления действительности, творческих инициатив, решительной борьбы с попытками читать произведения Маркса подобно тому, как верующие мусульмане — Коран. Размышляя о будущем человечества, Фрейд сопоставлял ситуацию в капиталистических странах («цивилизованных нациях») с «грандиозным экспериментом в России». Что касается первых, то они, писал Фрейд, ждут спасения в сохранении христианской религиозности. Но ведь религия, с его точки зрения, лишь иллюзия, невроз, «который каждый культурный человек должен был преодолеть на своем пути от детства к зрелости».

Что же касается «русского эксперимента», то он — по Фрейду — «выглядит все же предвестником лучшего будущего». Отступая от своей веры в неизменность человеческой природы, Фрейд завершал свою последнюю лекцию о психоанализе выражением надежды на то, что с увеличением власти человека над природой «новый общественный строй не только покончит с материальной нуждой масс, но и услышит культурные

притязания отдельного человека». Сочетание справедливых социальных порядков с прогрессом науки и техники — таково условие расцвета личности, реализации ее притязаний как самого ценного и высшего творения культуры.

Тем временем социально-психологическая ситуация в Европе становилась все более тревожной. В 1933 г. в Германии к власти пришел фашизм. Среди сожженных идеологами «нового порядка» книг оказались и книги Фрейда. Узнав об этом, Фрейд воскликнул: «Какого прогресса мы достигли! В средние века они сожгли бы меня, в наши дни они удовлетворились тем, что сожгли мои книги». Он не подозревал, что пройдет несколько лет, и в печах Освенцима и Майданека погибнут миллионы евреев и других жертв нацизма, и среди них — четыре сестры Фрейда. Его самого, всемирно известного ученого, ждала бы после захвата Австрии нацистами та же участь, если бы при посредничестве американского посла во Франции не удалось добиться разрешения на его эмиграцию в Англию. Перед отъездом он должен был дать расписку в том, что гестапо обращалось с ним вежливо и заботливо и что у него нет оснований жаловаться. Ставя свою подпись, Фрейд спросил: нельзя ли к этому добавить, что он может каждому сердечно рекомендовать гестапо? В Англии Фрейда встретили восторженно, но дни его были сочтены. Он мучился от болей, и по его просьбе его лечащий врач сделал два укола, положившие конец страданиям. Это произошло в Лондоне 21 сентября 1939 г.

В заключение отметим, что сознание являлось, в конечном счете, главным рычагом терапии, главной опорой доктора Фрейда, имя которого в истории культуры навсегда поглотило понятие о бессознательном. Рациональный анализ иррациональных побуждений и, тем самым, избавление от них — таково было его кредо. Но разве возможен иной рациональный анализ, кроме осознанного? И не случайно в одной из своих завершающих публикаций Фрейд признал, что прежде, из-за ненадежности критерия сознательности он недооценивал его. «Здесь, — отмечал он, — дело обстоит так же, как с нашей жизнью, — она немногого стоит, но это все, что у нас есть. Без света этого качества сознательности мы бы затерялись в потемках глубинной психологии». Ему долго пришлось блуждать в этих потемках, прежде чем поставить знак равенства между ценностью сознания и ценностью нашей жизни.

Наука о человеке призвана рассказать ему больше, чем он сам о себе знает. Сперва она раскрыла механизмы его восприятия окружающего мира, работы его сознания. Ее следующим шагом было проникновение в глубины неосознаваемой душевной жизни. Фрейд первым отважился на этот шаг, и в этом историческое значение его психоанализа. Мы видели, сколь извилисты были его пути, со всеми его прозрениями и просчетами. Десятилетия погружаясь в ежедневное изучение психических недугов, он в работе по их исцелению обогатил знание о человеческой личности широким спектром различной ценности подходов, проблем и понятий. Не приемля умозрительные мифологические концепции Фрейда, современная научная

психология и психотерапия усвоили его уроки, отбирая в них все будоражащее творческую мысль.

*Фрейд З. Психология бессознательного.
М., 1989, с. 3–28*

К спорам о научности психоанализа

Н. С. Автономова

Фрейд, как известно, стремился к тому, чтобы сделать психоанализ полноправной наукой в духе XIX века, — наукой, способной устанавливать факты, объяснять их причины и предсказывать хотя бы некоторые следствия. В истоках фрейдовского подхода — неудовлетворенность господствовавшими в его время концепциями сознания, либо мистическими, либо грубо натуралистическими, причем в первом случае лишился смысла вопрос об источниках сознания, а во втором — утверждалась жесткая зависимость от внешних воздействий. Фрейд ставит вопрос иначе: в сознании есть нечто такое, что не определяется сознанием и в то же время не исходит от мира, отображаемого сознанием. Исследование этой обусловленности и есть цель психоанализа как научной дисциплины.

Однако Фрейд изобретал психоанализ не только и даже не столько как научную теорию, но прежде всего — как особую психотерапевтическую практику, направленную на то, чтобы помочь больному самостоятельно (хотя и при участии врача) определить причину своей травмы — вспомнить вытесненное событие, осознать его и тем самым устранить или ослабить болезненный симптом. Причем важнейшим моментом создания психоанализа был отказ Фрейда от гипноза. В современной нам западной литературе одни видят в этом отказе роковую ошибку Фрейда, другие считают его закономерным шагом на пути познания тайн бессознательного. Несомненно, однако, что для самого Фрейда отказ от гипноза был одним из главных признаков перехода от донаучной психотерапии к научности и объективности. Фрейд считал, что психоанализ с его опорой на «свободные ассоциации» — это надежная, подотчетная врачу методика работы с бессознательным. Коль скоро теоретические гипотезы подтверждаются практическим эффектом лечения, подчеркивал Фрейд, психоанализ вполне можно считать наукой без всяких скидок¹.

¹ Когда Фрейду пришлось дать короткий и внятный ответ на вопрос о том, что же такое психоанализ, он счел необходимым выделить три различных смысла этого термина. Психоанализ, заявил Фрейд в энциклопедической статье 1922 года, это, во-первых, способ исследования психических процессов, иными путями недоступных; во-вторых, метод лечения невротических расстройств, основанный на этом исследовании; в-третьих, ряд понятий психологии, опирающихся на вышеуказанные методы исследования и лечения, — эти понятия сообща формируют облик новой научной дисциплины (*Freud S.* «Psychoanalyse» und «Libidotheorie». In: S. E., 1923, 18; 235).

Правда, отмечают авторы знаменитого французского «Психоаналитического словаря» Ж. Лапланш и Ж. Б. Понталис, в нашу эпоху «мода на психоанализ привела к тому, что многие обозначают этим термином исследования, которые по своему содержанию, методу и результатам имеют лишь самое отдаленное отношение к психоанализу в собственном смысле слова» (*Laplanche J., Pontalis J. B.* *Vocabulaire de la psychanalyse*. Paris, 1967, p. 352).

(Здесь и далее по возможности ссылки на английские переводы работ Фрейда даются по Полному собранию сочинений Фрейда (24 тома): Standard Edition. Lnd., Hogarth press, 1953–1966 гг. (сокр. — S. E.), с указанием года выхода данной работы, тома и страниц. Это нормативное и наиболее фундаментальное издание работ Фрейда; переводы с немецкого выполнены в нем под общей редакцией Джеймса Стрейчи, общее руководство трудом осуществляла Анна Фрейд.

Важнейшим выражением научности психоанализа была для Фрейда возможность устанавливать причинные связи в сфере человеческого сознания и поведения. Так, детский опыт (в частности, стадия детской сексуальности от 2 до 5 лет) определяет, по Фрейду, жизнь взрослого человека; сексуальный опыт (в широком смысле) определяет все другие стороны человеческой жизни; прошлые события определяют течение настоящих и будущих событий и пр. При этом Фрейд связывает свои представления о научности психоанализа как с возможностями теоретического описания объекта или, иначе говоря, с описанием «топики» (места), «динамики» (способа функционирования) и «энергетики» (движущих сил) бессознательного, так и с практикой клинической работы, выявляющей причины заболеваний методом свободных ассоциаций. В первом случае (на уровне теории) научность психоанализа выражается в поиске естественных механизмов психики, функционирующих по схеме накопление-разрядка энергии либидо и установлении как можно большего числа непрерывных причинных цепочек в человеческом поведении — с учетом того, что звенья, «пропущенные» на уровне сознания, могут быть восстановлены на уровне бессознательного. Во втором случае, применительно к клинической практике, речь идет о конструировании особой ситуации психоаналитического лечения — искусственной, чем-то похожей на долгий лабораторный эксперимент: в этой ситуации перенесение травматогенных эмоций больного со значимого в прошлом лица (чаще всего родителей) на врача позволяет и заново пережить эти эмоции, и освободиться от них. И, соответственно тому, как менялась ситуация в сфере теоретических исследований и клинической практики, менялись представления Фрейда о научности психоанализа.

Переосмысливалась структура психики — сменялись «топики», возникали различные варианты концепции влечений. Причем в интересующем нас плане тенденция производимых Фрейдом изменений прослеживалась достаточно отчетливо: скажем, последний вариант концепции влечений — взаимоотношение эроса и танатоса (связи и деструкции) сам Фрейд называл уже не наукой, но «нашей мифологией». Ослабевала уверенность в практической эффективности психоанализа как средстве подтверждения его научности. Эйфорические настроения 10-х годов (периода «покорения» Америки) сменились к концу 30-х годов («Анализ конечный и бесконечный») сомнениями и даже скепсисом. А параллельно шел еще процесс расширения психоанализа — с одной стороны, превращения его в идеологический и социально-культурный феномен, а с другой, пронизывания им различных пластов культуры — от бытового до философско-мировоззренческого.

Эти три аспекта психоанализа — познавательный, лечебно-практический, социально-культурный — не образовывали прочного единства и могли развиваться в относительной независимости друг от друга. В частности, по картине его распространения несложно заметить, сколь различна в этом плане судьба психоанализа, скажем, в англо-американском

регионе и во франкоязычных странах. Крен в медико-биологическую сторону привел психоанализ в США и Великобритании к быстрому его включению в социальный истеблишмент, сближению с психиатрией, преобладанию адаптивных стратегий в лечении больных — субъект при этом рассматривается как данность, а вопрос о социальной роли психоанализа не возникает вовсе. Другое дело — Франция, где преобладает интерес к психоанализу как социальному и культурному явлению, где расцветает так называемый университетский психоанализ¹, — ведутся утонченные дискуссии по чисто теоретическим и этическим проблемам, вскрываются жизненно-практические, социально-критические и пр. возможности психоанализа. Разумеется, речь здесь идет лишь о преобладании, а не об абсолютном господстве той или иной тенденции. И тем не менее, с одной стороны, мы достаточно отчетливо видим прежде всего заботы о психотерапевтической эффективности психоанализа; с другой — дискуссии, приводящие к новому осмыслению субъекта, но оттесняющие терапевтические заботы на задний план (главным персонажем в таком переосмыслении психоанализа во Франции был Жак Лакан). Возникающие при этом теории психоанализа так или иначе отображают условия его распространения, хотя и не сводятся к ним².

Нынешний период идейной экспансии психоанализа в странах Восточной Европы и СССР усилил интерес к его социально-исторической проблематике. Возникают любопытные гипотезы, а иногда и соблазн быстрых обобщений (такова, в частности, трактовка процесса реабилитации психоанализа в СССР как симптома гласности — раскрепощения «слова»), хотя очевидно, что сколько-нибудь надежные выводы здесь — дело будущего. Однако в целом в этой области уже и сейчас возможны более прочные результаты, в частности, в сфере методологии науки и эпистемологии. Ведь в конечном счете именно прояснение природы и особенностей психоанализа обуславливает ту или иную трактовку его социальных аспектов, а опыт такого эпистемологического понимания у нас в стране есть.

ЭТАПЫ ПОЛЕМИКИ

¹ Университетский психоанализ — это в большей мере научные занятия, нежели овладение практическим ремеслом. Обучение в университете не предполагает курса личного анализа, а это неперемное условие дальнейшей собственной работы в качестве психоаналитика.

² В данной подборке материалов по психоанализу опубликованы два фрагмента этой общей картины — как она предстает с позиций эмпирико-аналитической философии и методологии науки (А. Грюнбаум) и с позиций неортодоксального психоанализа, ставящего во главу угла гипнозусуггестивные механизмы (Л. Шерток, И. Стенгерс). Эти тексты ни в коей мере не являются прямыми иллюстрациями обозначенных выше тенденций и не направлены полемически непосредственно друг против друга — главные теоретические противники у каждого из них свои. Однако, при всем различии и даже несоизмеримости этих подходов, в них есть и нечто общее, хотя, быть может, на первый взгляд незаметное (ср.: проблематизация роли инсайта в психоанализе, интерес к аффективности и гипотезе «плацебо» в психоаналитических процедурах и пр.).

Вот уже сто лет психоанализ самим фактом своего существования бросает вызов нашим обычным представлениям о науке и познании, заставляя предположить, что здесь мы имеем дело с совершенно особым феноменом. Тем не менее в течение долгого времени главная канва спора о природе психоанализа определялась противостоянием давно сложившихся философских позиций — позитивистской (в той ее форме, которая господствовала в соответствующий момент) и феноменолого-герменевтической. По сути своей эта оппозиция восходила к спору «объясняющих» и «понимающих» стратегий, противопоставленных неокантианством в науках о природе и науках о духе. (Заметим, кстати, что с этим противопоставлением в свое время полемизировал сам Фрейд.)

Если мы воспользуемся критериями научности, предложенными в рамках одной из наиболее «жестких» версий методологического позитивизма, — критериями верификационизма, то мы обнаружим, что к собственно науке можно будет отнести лишь немногие дисциплины, и уж точно психоанализ в их число не попадет¹. Да и вряд ли с этой точки зрения вообще можно говорить о познании бессознательного — скажем, логики сновидений или смысла слов: речь ведь идет скорее об изобретении такой логики и такого смысла, а это изобретение подчиняется прежде всего эстетическим, а не собственно познавательным критериям (такова позиция Л. Витгенштейна).

Однако неудачи разнообразных попыток применить позитивистские критерии к психоаналитическому знанию не отпугивали исследователей. Повидимому, в самих этих попытках как таковых содержалось нечто положительное, конструктивное. К.Поппер был поражен тем, с какой легкостью психоаналитическая теория находит себе подтверждения². Причем нередко оказывалось, что ее «подтверждают» прямо противоположные способы поведения. Более того (и здесь речь идет уже не только о фрейдовском психоанализе, но и об адлеровской индивидуальной психологии и о марксизме — марксистской теории истории) — вообще невозможно придумать «такой формы поведения, которую нельзя было бы объяснить на основе каждой из этих теорий». Как известно, именно эти размышления привели Поппера к формулировке методологической концепции фальсификационизма: если теорию невозможно опровергнуть каким-либо мыслимым событием, такая теория ненаучна, так что неопровержимость вовсе не достоинство теории, а ее порок³. Но вдумаясь в симво-

¹ Р. Карнап, впрочем, приветствовал работу своих коллег, пытавшихся перевести психоанализ на физикалистский язык, но при этом он советовал изменить процедуру такого перевода: начинать с особых гипотетических понятий и лишь постепенно, через правила соответствия, переходить к предложениям наблюдения (см.: *Carnap R. Intellectual autobiography*. — In: *The Philosophy of Rudolph Carnap*. Ed. by P. A. Schilpp. La Salle, Illinois, 1963, p. 85).

² См.: *Поппер К.* Логика и рост научного знания. М., 1983, с. 242 и др.

³ Неопровержимость психоаналитической теории вовсе не означает для Поппера, что в ней нет ничего правдоподобного, более того, в будущем, полагает Поппер, некоторые клинические наблюдения психоанализа, возможно, станут проверяемыми. Пока же, считал Поппер, фрейдовская «метапсихология» (в частности, «вторая топика») не более подтверждена, нежели утверждения астрологов или гомеровская мифология.

личный смысл этого факта: при самом рождении критического рационализма, определившего собой лицо целых десятилетий в философии и культуре Запада, присутствует тень «великого шамана». На геометрически строгом здании попперовского рационализма лежит отблеск проблематики бессознательного.

Своей загадочностью психоанализ вновь и вновь заставляет строгих теоретиков, воспитанных на неопозитивистских, выверенных канонах, усложнять картину научного познания, вводить новые, более гибкие критерии демаркации между научным и ненаучным. Однако ослабление разграничительных критериев неизбежно приводит к тому, что в область научного может зачисляться практически все что угодно. В соответствии с фейерабендовским критерием «вседозволенности», решающими оказываются не эпистемологические, а социально-прагматические критерии: сам факт решения определенной социальной задачи снимает тогда вопрос о научности-ненаучности, истине-заблуждении. Так позитивистская аргументация возвращается к исходной точке: на основе жестких критериев наука практически невозможна (и психоанализ, разумеется, оказывается мифом); на основе размытых критериев «наукой» оказывается все что угодно (в том числе и психоанализ, который, согласно, например, Х. Патнему, вполне отвечает такому определению, как «способ конструирования реальности», — только речь в данном случае идет об особой, невротической реальности).

Именно к этой общей методологической линии размышлений о психоанализе принадлежат работы А.Грюнбаума¹: в них находят яркое выражение традиции англосаксонского аналитизма. Однако в грюнбаумовском подходе есть и свои особенности. С одной стороны, в отличие от своих противников-герменевтов, Грюнбаум не считает, что исторически опыт познания свидетельствует в пользу противопоставления наук о природе и наук о духе (ср. его критику хабермасовского понятия «причинность судьбы»): историческое измерение важно для любых форм знания. С другой стороны, в отличие от Поппера и попперианцев, Грюнбаум считает, что психоанализ вполне поддается проверке и опровержению, но только не на уровне метапсихологии, где Поппер обсуждает психоаналитическую аргументацию, а на уровне клиницистской психоаналитической аргументации, то есть если обратиться к эпидемиологическим экспериментальным критериям и данным. Грюнбаумовский подход разделяет с другими аналитическими подходами их сильные и слабые стороны: он характеризуется одновременно и надежностью выводов, пусть малых, и ощутимой потерей чего-то существенного, относящегося к самому ядру психоанализа как научной и терапевтической процедуры².

¹ *Grünbaum A. The foundations of psychoanalysis: a philosophical critique. Berkeley, 1983.*

² Позиция Грюнбаума стала предметом широкого обсуждения (см. об этом: «Behavioral and Brain Sciences», vol. 9, №. 2, June 1986, pp. 217–284). Средоточием споров был вопрос о специфике психоаналитической причинности и возможностях ее изучения. В частности, шла речь о неприменимости причинно-

Однако коль скоро никакие критерии аналитической проверки — ни верификация, ни фальсификация, ни гипотетико-дедуктивный вывод — к психоанализу не приложимы, быть может, правы оказываются противники позитивистского аналитизма — экзистенциалисты и герменевты, упрекающие Фрейда и психоанализ (по выражению Хабермаса) в «сциентистском самонепонимании»? Быть может, ненаучность психоанализа — это не недостаток, а, напротив, его сильная черта? Быть может, необходимо признать, что применительно к психоаналитическим феноменам важны не законы и причины, а мотивы и мысли, запечатленные в рассказе («нарративе») больного? Тогда вывод таков: психоанализ значим для нас именно как эмансипирующая, освобождающая практика, которая использует герменевтические процедуры.

Однако психоанализ — потрясение не только для позитивиста, но и для феноменолога¹. Начать с того, что психоанализ заставляет, отказываясь от опоры на непосредственные очевидности сознания, искать более надежных, хотя и более трудных путей к пониманию сущности сознания: эти пути ведут через весь универсум законов к «конкретной рефлексии», к тому, что единственно доступно «раненому когито», которое не является «само себе господином». Психоанализ, таким образом, оказывается (для Рикера, например) не чем иным, как герменевтикой культуры — одной из форм культурной практики. Не прямо и не сразу, но постепенно и косвенно психоанализ меняет нравы, речь человека, его взгляд на самого себя. В частности, освобождающий смысл имеет постижение человеком своей трагической участи, конфликтности человеческого существования, неизбежности страданий, которые доставляют человеку его тело, мир, другой человек. Так, психоанализ напоминает человеку девиз софокловского Эдипа — «страдая, постигай».

Спор между теми, кто искал в психоанализе естественнонаучные факты и процедуры, и теми, кто считал психоанализ дисциплиной, которая может претендовать на научность лишь по инерции или недоразумению, — шел в

следственных схем к сфере свободных ассоциаций (Эрдель); о специфике причинных выводов на основе неколичественных и неэкспериментальных данных (Эделсон); о возможности естественной науки об индивидуальном (Коз); о необходимости учитывать в подходе к психоанализу комплекс причин биологических, социальных, психосоматических и пр. (Мармор); о целесообразности одновременной проверки параллельных рядов гипотез (Форбес) и др. Если считать, вслед за Грюнбаумом, что фрейдовский психоанализ не дает достоверных клинических выводов и не имеет практических преимуществ в сравнении с другими видами психотерапии, возникает вопрос: что же все-таки предпочтительнее — психоанализ как псевдо-наука (Поппер) или психоанализ как заблуждающаяся наука?

¹ Приходится признать, что грюнбаумовская трактовка Ю. Хабермаса как полноправного представителя герменевтики неточна. См. об этом: *Wolfenstein E. V. A man knows not where to have it: Habermas, Grynbaum and the epistemological status of psychoanalysis.* — «Int. Rev. of Psychoanal.», 1990, 17, 23, p. 23–24.

Пожалуй, и в характеристике Рикера Грюнбаум неточен: Рикер не ограничивается антитезой аналитизму, но делает попытку синтезировать позиции: человек — это как раз такое существо, которое принадлежит одновременно и порядку причин, и порядку мотивов, и порядку объяснения и порядку понимания. В текстах Фрейда Рикер видит принципиально смешанную речь — энергетику желания и интенциональность значения. И это «смешение» он квалифицирует вовсе не как категориальную ошибку Фрейда, но как новый принцип работы, свидетельствующий о переосмыслении отношений между телом, языком и желанием.

тех или иных формах несколько десятилетий. При этом ни одна, ни другая позиция не оставались неизменными: чем дальше, тем больше взаимодействие приводило к обогащению, а жесткое противостояние осознавалось как тупик. Пожалуй, в наши дни большинство концепций так или иначе тяготеют к тому, чтобы учесть доводы противоположной стороны, построить синтетическую или хотя бы нацеленную на синтез картину объекта психоанализа и психоанализа как объекта. Эта картина должна быть более объемной и вместительной, чем любой предшествующий образ психоанализа — как в эмпирико-аналитической, так и в экзистенциально-герменевтической традиции.

ПСИХОАНАЛИЗ И ФАКТОЛОГИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ ЗНАНИЯ

Все до сих пор известные попытки понять особенности психоанализа с научной или просто познавательной точки зрения упираются в специфику психоаналитического факта. Это серьезное обстоятельство, поскольку «фактов» в психоанализе немного. Психоаналитический факт одновременно и доказывает существование бессознательного, и лежит в основе психоанализа как метода терапии. Соответственно, факт этот можно толковать двояко. С одной стороны, его можно рассматривать как познавательное образование, имеющее отношение к существованию некоего предмета и фиксирующее данный предмет в теории (констатация характеристик человека и его бессознательного в рамках психоаналитической теории). С другой стороны — это тот самый факт, с которым имеет дело врач, факт индивидуальной биографии данного человека. Только факты первого рода могут быть проверены (например, статистическими методами) и подкреплены экспериментами. В этом случае мы можем заранее предполагать, каковы будут психические последствия той или иной травмы (в соответствии со статистической вероятностью появления неврозов и др. заболеваний). Конечно, такая картина может быть лишь вероятностной: болезнь возникает не у каждого. Отсюда иное понимание факта, с которым имеет дело психотерапевт, убежденный в том, что нужно лечить больного, а не болезнь: вытеснение в психике универсально, однако оно осуществляется каждый раз в своеобразной форме. Отсюда, впрочем, и еще одна важная особенность психоаналитической работы: аналитик вынужден принимать какую-то версию раскрывающегося перед ним патогенного процесса до того, как он может сколько-нибудь надежно проверить правоту этой версии: он, иными словами, всегда вынужден принимать решение, открытое для поправок и пересмотров.

Сложность процедуры верификации психоаналитического факта в том, что внутри него единой цепью связаны разнородные события, относящиеся к разным временным отрезкам. В психоанализе мы, по сути, вообще не имеем ни «атомарных» позитивистских, ни «нарративных» герменевтических фактов, но лишь своеобразные фактообразующие цепочки, состоящие самое меньшее из четырех звеньев. Почему, например, факт вытеснения —

единственный общепризнанный факт, подтверждающий существование бессознательного, — не может быть удостоверен как нечто цельное и атомарное? Причина в том, что бессознательное образуется в результате двухступенчатого вытеснения или, точнее, двух сходных событий, из которых лишь второе — вытеснение в собственном смысле.

В самом деле, ведь психоанализ это прежде всего познание и практическая проработка неосознаваемых детских влечений и побуждений, связанных преимущественно с широко понимаемой телесностью, со становлением пола и воздействием этих процессов на жизнь взрослого человека. Среди всех живых существ на земле у человека самое длинное детство и, соответственно, самый долгий период полной и безусловной зависимости от других людей. Переход от детства к взрослости — качественный рубеж, отмеченный многими царапинами. Следы детских впечатлений сохраняются как бы в латентном состоянии (первичное вытеснение), пока их активизация — другим событием, сходным с первым существом дела (или даже какой-нибудь незначительной деталью), не приведет к травме, которая уже и становится пусковым механизмом болезни.

Иначе говоря, бессознательное строится на трех сценах (события, происходящие на этих сценах, одновременны и соединяются лишь в воображении или в памяти). Начало кристаллизации факта (или, иначе, «первая сцена» или «первое вытеснение») — это какое-то сильное переживание детства (как правило, еще на доязыковой стадии) — событие, смысла которого ребенок не понимает. Следующая стадия этого процесса (непрерывности тут нет, и события разделяют иногда долгие годы) — подкрепление задним числом (или, иначе, «вторая сцена» или «второе вытеснение»), то есть собственно вытеснение. Однако и этот подкрепленный «факт» еще не факт, ибо он собственно вытеснен, то есть как бы «забыт» или же сублимирован (хотя обычно не полностью, то есть продолжает как-то воздействовать на человеческую психику). Для того чтобы заготовка факта стала настоящим фактом, он должен, по мысли Фрейда, предстать в ясности воспоминания и осознания и, вследствие этого, прекратить свое травмирующее воздействие. Иначе говоря, факт должен быть «достроен» в совместной работе аналитика и пациента. Но для этого нужна «третья сцена», на которой разворачивается психоаналитическая процедура. Получается, что прошлый факт становится травмой в будущем, но перестает быть ею в еще более отдаленном будущем. Событие случается в одном времени и пространстве (на одной сцене), становится травматогенным в другом времени и пространстве; (на другой сцене) и может прекратить свое болезнетворное воздействие в третьем — экспериментальном психоаналитическом времени и пространстве (на третьей сцене)¹. Факт в психоанализе — не

¹ Следует отметить, что это конституирование факта в рамках психоаналитического сеанса также не одномоментно. В нем особенно важны две стадии — эмоционального переноса и интеллектуального прояснения. В «лабораторной» психоаналитической ситуации, далекой от привычных жизненных реалий, пациент обращается к аналитику с «запросом», то есть со своей бедой и страданием, и, не получая искомого ответа (такова тактика сеанса), регрессирует к уже пройденным ступеням своего развития, как бы возвращается в детство. Соответственно те эмоции, которые ранее — в исходной или повторно-

точка, а след, так что психоаналитик — не «гинеколог души» и не «исповедник дьявола», как нередко говорится, но прежде всего именно «следопыт».

Таким образом, психоаналитический факт это сплетение и взаимная реактивация нескольких следов и нескольких времен — «реальных» (жизненных) и экспериментальных (психоаналитических). Факт как бы все время находится в процессе конструирования, в стадии достройки, причем последний этаж этой сложной конструкции достраивается в самом психоаналитическом сеансе. Неудивительно, что перед столь сложно организованным образованием все способы фактуальной проверки оказываются в тупике. Все они учитывали лишь какой-нибудь один фактообразующий момент, не отмечая других, не менее значимых. Но ведь если выпустить хотя бы одно звено — начальное ли, повторно-подкрепляющее или эмоционально-интерпретативное и пр. — психоаналитического факта не будет.

И тем не менее констатация трудностей в построении и обнаружении психоаналитического факта — это вовсе не аргумент в пользу иррационального подхода. Прочность психоаналитического факта, при всей его кажущейся зыбкости, обеспечивается механизмом «двойной рефлексивности», двух надстраивающихся друг над другом «отношений». Первое отношение связывает изначальный след и его повторение (причем само это отношение уже есть некая предпосылка будущей структуры, условие умопостигаемости); второе отношение связывает эти следы с их изживанием и прояснением в пространстве психоаналитической ситуации. Эти два отношения вместе взятые оформляют телесно-психический материал и создают особым образом обработанную и достроенную «психоаналитическую» реальность, не тождественную ни физической, ни психической, ни биологической реальности.

Возникает вопрос: как можно вообще проверить такой факт? Ведь ясно, что проверка отчасти уже включена в саму конструкцию факта; и потому удостоверяющее оказывается частью того, что удостоверяется. Но дело не только в этом. Главный способ подтвердить ту или иную гипотезу о событии, повлекшем за собой травму, — это для Фрейда воспоминание больного о действительно произошедшем событии. Но ведь память ненадежна, причем подчас особенно вводят в заблуждение как раз «сверхъясные» (*überdeutlich*) воспоминания (ясность в них оказывается результатом вторичного взаимоувязывания более сложного узора мнемических следов) и так называемые экранирующие воспоминания (один из способов защиты от бессознательного).

подкрепляющей ситуациях образовались как реакция на значимых в его жизни персонажей (прежде всего — на родителей), ныне обращаются на психоаналитика, который строит свое истолкование этих эмоционально окрашенных событий и предлагает их пациенту. И лишь после такого эмоционального изживания и повторения психологические запреты и защиты устраняются, факт всплывает в воспоминании, осознается, удостоверяется как событие жизненной истории пациента, становясь, возможно, началом выздоровления.

Впрочем, даже если бы память всегда была надежной, а воспоминание действительно могло считаться удостоверением факта, как быть, если воспоминания так и не приходят? Заметим, что шансы всплыть в памяти далеко не одинаковы у первично вытесненных и вторично вытесненных событий. Если в случае вторичного вытеснения в психике уже существуют достаточно развитые структуры, способные удерживать следы памяти, то в первом случае «воспоминание» как бы оказывается за порогом памяти и, соответственно, вне пределов возможности воспоминания. Если воспоминание не приходит, Фрейд советует положиться на работу истолкования — реконструкции предположительного события. При этом психоаналитик делает допущение насчет некоего класса возможных травматогенных событий (например, предполагает событие типа «сексуальное совращение детей взрослыми»), а пациент его принимает или же отвергает. Но ведь и сам факт такого выбора — согласия или отвержения — вряд ли можно считать достоверным свидетельством против или в пользу той или иной реконструкции. Такой выбор может заранее обуславливаться убежденностью больного в правоте психоаналитических схем, стремлением угодить врачу и пр. Иными словами, кабинет психоаналитика — это все же не совсем лаборатория по проведению научных экспериментов, как того хотелось Фрейду. Перенос эмоций больного — неподконтролен психоаналитику, психоаналитические «факты» — недоступны объективному наблюдению (ибо их не удастся очистить от разнообразных примесей и свести к какому-то одному знаменателю), пациент — ненадежен как свидетель в пользу или против предложенных аналитиком истолкований.

Особенно много путаницы вносят в проверку психоаналитических фактов связи и разрывы между словесным и аффективным. Дело в том, что в психической жизни человека смысловые и эмоциональные моменты нередко подчиняются совершенно различной логике, и соответственно динамика их оказывается разной. Если, например, в сознании слово и предметное представление тесно связаны, а в так называемом предсознании такое соотношение, по крайней мере в принципе, возможно, то в бессознательном все связи между предметными представлениями, словесными представлениями и аффектами отсутствуют. Иногда случается так, что одна часть предметного (вещного) представления входит в сознание (минуя цензуру, отделяющую бессознательное от предсознания), а другая — остается неосознаваемой, расщепляясь далее на более мелкие части, которые то сгущаются, то смещаются, то прикрепляются к новым объектам и т.д., так что в итоге всех этих превращений бессознательное представление остается скрытым от сознания и обнаруживает себя не иначе как в виде фантазма или симптома.

Поскольку языковые представления нагружены эмоциями и аффектами, постольку и логика суждений, выраженных в языке, также ненадежна: например, согласие пациента с истолкованием психоаналитика всегда нуждается в дополнительной проверке, в сличении показаний в сходных ситуациях, а отрицание часто свидетельствует лишь о том, что

вытесненное представление находится как бы на полпути к осознанию: оно уже названо, но еще отрицается (то есть принято интеллектом, но отвергается чувствами); за этим может последовать и эмоциональное принятие того, что заранее сознанием вытеснялось.

Однако если проверка психоаналитических фактов столь ненадежна, если для нас не достоверен ни факт воспоминания (или осознания) травмы, ни целительный эффект наступившего осознания, то с чем же тогда связано целительное воздействие психоанализа? В последнее время все настойчивее звучат гипотезы о том, что в основе психоаналитического воздействия лежат гипноз¹, эмпатия², — словом, интенсивные, эмоционально окрашенные межличностные отношения между пациентом и психоаналитиком. Исследования гипноза, внушения и сходных состояний экспериментально обосновывают существование бессознательного психического, проясняют некоторые важные свойства психоаналитической терапии. Среди философских обоснований такого подхода особое место занимают неовиталистские концепции: для них главный, если не единственный способ, каким нам дается бессознательное, — аффект, не переводимый в словесные формы; то, что всплывает в сознании, воспоминании, нельзя назвать собственно бессознательным, — скорее это его поверхностные, неглубокие уровни³. Под ними сосредоточено то, что относится к матрице первоначальных человеческих отношений, именуемых «влиянием» (Ф. Рустан), «трансом» (Борш-Якобсен). Этот подход к сознанию и бессознательному противопоставляет себя «солипсистскому» подходу З. Фрейда.

Когда сторонники аффекта, эмоции, эмпатии в психотерапии критикуют Фрейда за чрезмерное доверие интеллектуалистским критериям осознания и вербализации, они, пожалуй, правы. Конечно, словесное выражение пережитого, осознание, объяснение не всегда лечат и даже, быть может, не всегда участвуют в психотерапевтическом лечении. Однако не учитывать именно этот уровень механики бессознательного применительно к субъекту как «говорящему существу» (Ж. Лакан) было бы совершенно неправомерно. К тому же язык, который изучает и истолковывает психоаналитик, — вовсе не интеллектуальный, не концептуальный, не понятийный, это язык бессознательного или бессознательный язык, который состоит из цепочек означающих, не осложненных четкой соотнесенностью с означаемым. Элементы такого внутренне расщепленного, «незнакового» языка способны прочнее, чем обычный язык, срастаться с теми или иными аффектами. Первоначальное освоение языка для ребенка эмоционально

¹ Эту точку зрения развивают Л. Шертук (см. его работы: Гипноз. М., 1972; Непознанное в психике человека. М., 1982; соавторстве с Р. де Соссюром: Рождение психоаналитика: от Месмера до Фрейда. М., 1991), а также Ф. Рустан, О. Маннони, М. Борш-Якобсен и др.

² Этой точки зрения придерживаются прежде всего американские психотерапевты послевоенной поры — Боулби, Масуд Кхан и др.

³ См. об этом работы Мишеля Анри, в частности: *Henry M. Genealogie de la psychanalyse*. Paris, 1985.

окрашено принятиями и отторжениями, связанными с непосредственным телесным опытом, и потому язык пропитан «эротикой» и постоянно расцветивает обертонами этого опыта весь последующий опыт бессознательной и сознательной жизни, все перипетии психического становления человека¹. В работе с бессознательным язык важен и как форма, фиксирующая упорядоченности психических процессов, и как способ закрепления норм и запретов, и как вместилище эмоционально нагруженных содержаний. Здесь подобное лечится подобным: раскрепощение языковых форм в процессе свободного ассоциирования раскрепощает и соотнесенные с определенными языковыми элементами психические содержания. Тем самым устраняются зажимы, увеличивается возможность новых сочетаний элементов психического опыта, расширяется спектр шансов конструктивного выхода из болезни.

О НЕКОТОРЫХ ПАРАДОКСАХ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Как известно, связи между фактами порождают идею, связь идей — гипотезу, а если гипотеза имеет доступные проверке следствия, то при выведении подтверждаемых следствий мы получим теорию. В психоаналитической ситуации таким подтверждением теории должно очевидно быть излечение или хотя бы улучшение состояния пациента. Однако разве не может излечение оказаться артефактом или же результатом спонтанно протекающего процесса, а вовсе не психоаналитической методики? И вообще, возможно ли в психоанализе что-либо подобное решающему эксперименту?

Основание для всех этих вопросов и сомнений дает нам прежде всего отмеченная выше невозможность учесть в теории всю сложность психоаналитического факта. Но дело этим не ограничивается. Те составляющие психоаналитической теории, которые Фрейд выдвигал на первый план, — а именно: существование бессознательного, сопротивление и вытеснение, сексуальность, эдипов комплекс — фактически предполагали сосуществование как теоретических, так и практических инстанций в самом составе психоаналитической теории. А это приводило и не могло не приводить к весьма парадоксальным результатам. Конечно, с одной стороны, в отличие от концепций своих предшественников, в которых все эти элементы присутствовали порознь, Фрейду удалось объединить их в достаточно связанное концептуальное единство, в общую теорию бессознательного². С другой стороны, единство это было таково, что в нем

¹ *David-Menard M. L'hystérique entre Freud et Lacan. Corps et langage en psychanalyse. Paris, 1983; ср. также работы С. Леклера (Leclaire S.).*

² До Фрейда психологи, которые многократно сталкивались с бессознательным и экспериментировали с ним, не пытались связать свои наблюдения воедино и найти какие-либо законы его функционирования. Бессознательное, по сути, терялось где-то между сознанием, которое казалось единственно возможным способом функционирования нормальной психики, и физиологией, с помощью обращений к которой пытались прояснить бессознательные феномены (ссылаясь, например, на «слабость нервной системы» и

перевернутыми оказывались все обычные отношения между теорией и практикой, фундаментальным и прикладным. «Чистый психоанализ» — это на самом деле — психоаналитическая теория, непосредственно примененная на практике, а «прикладной психоанализ» — напротив, это использование психоаналитических схем в других областях познания — этнографии и социологии, в истории и искусствоведении, вовсе не предполагающих практику в психоаналитическом смысле. В результате весьма сложно ответить на вопрос, что собственно в психоанализе является подлежащим проверке следствием, если практическая погруженность теории не позволяет толком выделить саму проверочную ситуацию, делает ее постоянно открытой? Что считать в нем непротиворечивой и относительно самостоятельной теорией, если практика, подтверждающая теорию, заведомо заражена предпосылочными предубеждениями?

Этой теоретико-практической заданностью психоанализа обусловлено многое в специфике психоаналитических понятий. На фоне понятий других дисциплин, вполне, казалось бы, сопоставимых с психоанализом, они отличаются терминологической размытостью, метафоричностью, сильной контекстуальной зависимостью, наличием в их составе особых «инженерных» (инструментальных) понятий — посредников между эмпирической и теоретической сферами знания, возможностью значительного сдвига концептуальных акцентов в связи со спецификой поставленной задачи (познавательной или практической), не всегда контролируемые переходами от более или менее очерченного терминологического ядра к смысловому «пятну-ореолу», его окружающему и т.д., и т.п.

«Практичность» любого «чистого» психоанализа всегда ограничивает его притязания на всеобщность, универсальность, теоретическую обобщенность, хотя сама такая нацеленность для него — стержневая, а не побочная характеристика. Более того — оказывается, что обеспечить жизненность психоанализа может именно неосуществимость такого стремления к обобщению. По-видимому, это одно из следствий функционирования психоанализа как особого практико-эпистемологического единства, в котором тесно сплетены познавательное, воспитательное и просто дружеское отношения между людьми.

Значит ли все это, что теории в психоанализе вообще нет и быть не может? Или что она есть, но оказывается неэффективной — своего рода концептуальным украшением или данью требованиям другого, естественнонаучного типа знания? Отвечая на этот вопрос, следует иметь в виду, насколько специфична предметная область психоанализа и прежде всего — насколько специфичен в нем «субъект» аналитической теории. (Речь идет, конечно, не о персонаже житейской драмы, введенном в психоаналитическое пространство, но о субъекте как принципе организации

знания и психоаналитической практики, как условия возможности построения какой бы то ни было психоаналитической теории.)

Как выясняется в ходе всех проверок психоанализа на объективность, ни из врача, ни из пациента нельзя сделать полностью объективных и беспристрастных наблюдателей, на которых можно было бы проверять воспроизводимость опыта, устойчивость фактов и прочность связей между ними. Так, врач, несмотря на свою нейтральную установку, вовлечен в ситуацию трансфера и далеко не всегда может устранить эту вовлеченность по собственному желанию, ибо эмоциональная реальность зачастую оказывается сильнее любого сознательно задуманного эксперимента. Причины эпистемической ненадежности пациента в его доверии врачу и психоаналитическим схемам, а возможно — в эффекте «плацебо» и др. Психоаналитический субъект, таким образом, строго говоря, не совпадает ни с аналитиком, ни с пациентом. Важнейшая его характеристика в психоаналитическом опыте — «расщепленность» (Фрейд пользовался в подобных случаях термином «Spaltung»).

Говоря о расщепленном субъекте, Фрейд, вслед за своими коллегами и предшественниками, подразумевал прежде всего психопатологический феномен расщепленного сознания и личности, то есть существование в психике параллельных рядов явлений, которые непроницаемы и не сводимы друг к другу. Однако Фрейд ставит этот вопрос и в более общем антропологическом смысле. Фактически фрейдовский тезис о расщепленности субъекта становится основой всей его концепции бессознательного. Хотя понятие это — не теоретическое по самой сути дела. Для Фрейда, во всяком случае, оно имело скорее описательный, нежели объяснительный смысл. Другое дело, что сама констатация феномена расщепленности субъекта давала теоретической мысли толчок к дальнейшему движению: ведь следовало понять, почему субъект оказывался оторванным от какой-то весьма значимой части своих собственных представлений, состояний и пр. Фрейд использует понятие расщепленного субъекта, исследуя конкретные феномены, такие как фетишизм, психическая защита, психотический отрыв Я от реальности и др. В послефрейдовскую эпоху и прежде всего у Жака Лакана концепция расщепленности субъекта приобретает более общие философские очертания. Она фиксирует разрыв между влечением и принципом, наслаждением и законом, желанием и познанием и что самое существенное в контексте нашей темы — между мыслью и бытием («я мыслю там, где я не есть, и я есть там, где я не мыслю»).

Как быть с этим парадоксом расщепленного субъекта — сделать вид, будто его не существует, или отбросить в сторону как нечто несущественное? Как правило, так и получается в большинстве эмпирико-аналитических концепций, которые различают мотивы и причины действий субъекта, переводят разновеликий и разнородный опыт в плоскость какого-нибудь единства — нарративного, коммуникативного, иногда произвольно выбранного. Однако возможно и другое решение — наверное, более

плодотворное: ввести эту противоречивость в состав теоретического знания как некий исходный парадокс — на правах аксиомы, отказавшись тем самым от всех попыток привести психоаналитическую теорию к непротиворечивому виду, то есть вводя, тем самым, в теоретическое знание тезис о расщепленности воли, познания, символически опосредованных желаний и механизмов прямой идентификации и пр. Сохраняя в дальнейшем разворачивании психоаналитической теории смысл этой противоречивости, можно надеяться достичь какого-то соответствия ее объекту¹.

Среди множества следствий такой операции — неопределенность и противоречивость начал знания, а также неопределенность и противоречивость его «концов», как в познавательном, так и в лечебно-практическом смысле. Открытое начало оставляет заведомую возможность самокоррекции знания и допускает феномен «последствия», то есть запаздывающего прояснения симптома или другого психического явления в новом практическом контексте. При этом особое значение приобретает сохранение концептуального «остатка», «внесмысла» — того, что не вошло в область понятого и постигнутого².

Однако дело даже не в самом наличии «остатков», но в активном обращении с ними: они вводятся в исследовательскую мысль, тематизируются, так или иначе артикулируются. Эта работа направлена на то, чтобы уловить непонятное среди уже понятных связей, ухватить вытесненное внутри представленного, учесть след и отпечаток изъятых, включить то, что реально и материально не вошло в изображение, в общую картину, — словом, превратить «внесмысл» в стимул к дальнейшим поискам смысла.

В этой работе с парадоксальностью психоаналитического субъекта связаны две главные стратегии: одна из них направлена на то, чтобы ограничить субъективность и уникальность опыта и поставить их под контроль, другая на то, чтобы удержать и сберечь ее. Для выполнения первого требования строятся или предлагаются многоступенчатые схемы, внутри которых можно в деталях проследить продвижение от наиболее полного «включения» моментов субъективности и уникальности в концептуальную схему до наиболее полного их «исключения». Например, при движении к объективности субъективное подвергается обобщению (из него изымаются «эгоцентрические», как говорил Рассел, частности), в нем выделяется главное (не все, что есть в составе субъекта, включается механически в

¹ При всей специфике данной ситуации в истории науки можно найти немало примеров подобного рода. Так было, скажем, в истории математики, когда иррациональные числа перестали изгоняться за пределы математики и были введены в систему чисел, когда несоизмеримость некоторых числовых величин стала основанием их определения (см.: *Dor J. L'a-scientificité de la psychanalyse*. Paris, 1988, т. 2, ch. 5, p. 121–150).

² Как нередко справедливо отмечается, именно признание «остатков» и «внесмыслов» (то есть признание неосуществленности последовательного и полного обобщения) и отличает, прежде всего, психоанализ от религии или мифа. Последние тяготеют к глобальным объясняющим схемам, не знающим исключений и пробелов, и потому универсалистская тенденция, также присутствующая в психоанализе и направленная на обобщение психоаналитического опыта, отнюдь не специфицирует его в этом плане (см. об этом: *Bertrand M., Doray B. Psychanalyse et sciences sociales*. Paris, 1989, p. 18–21; *Leclaire S. La fonction éthique de la psychanalyse*. — In: *Aspects du malaise dans la civilisation*. Paris, 1987).

субъективность) и т.д., и т.п. Для выполнения второго требования — сбережения субъективности — используются, например, моменты типологического подхода, при котором персональные «случаи» болезни становятся воплощением, типом определенных психических расстройств (для Фрейда таковы «Дора», «Человек с волками», «Человек с крысами», «Шребер», «маленький Ганс»). При этом «персональное» становится применимым и к другим случаям, сохраняя момент жизненной событийности, не выветрившийся при типологизации уникального человеческого материала.

Размышления о специфике субъекта в психоаналитической теории неизбежно приводят нас к проблематизации психоаналитического объекта. Расщепленному субъекту может соответствовать лишь объект недоступный усмотрению. Этот объект столь же противоречив и парадоксален, как и субъект психоаналитической теории, и потому возникает задача его косвенного схватывания. В самом деле, человеческая психика (в частности, ее бессознательные слои) может быть предметом познания и не может быть предметом познания. Ее «непредметность» связана с тем, что это особый модус экзистенциальной реальности, данной в основном на уровне переживания, а иногда и измененных состояний сознания. Ее «предметность» однако связана с тем, что она не лишена своеобразной «телесности», пространственности (это одно из следствий конструирования психоаналитического факта) и даже возможности представления. До нее нельзя добраться ни причинными путями, ведущими от физиологии (ибо действие физиологических причин здесь прекращается), ни причинными путями, ведущими от сознания (ибо прямой дороги от сознания к бессознательному просто не существует: бессознательное это ведь не изнанка сознания).

И тем не менее уже сегодня ясно, что в наших силах не только констатировать противоречивость или парадоксальность психоаналитического объекта, но и в какой-то мере разобраться в его составе, структуре и функциях.

СТАТУС ЗНАНИЯ О БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ (О СПЕЦИФИКЕ ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕКТА)

Психоанализ можно было бы назвать сферой транс- или наддисциплинарных исследований. Дело в том, что бессознательное как объект психоаналитического познания и практики качественно неоднородно. Хотя Фрейд и включал понятие бессознательного в число основных элементов теории психоанализа, однозначности в трактовке бессознательного у него никогда не было (достаточно сказать, что сам термин «бессознательное» присутствовал у него только в так называемой «первой топике», а во второй исчез под именем Оно). Так что бессознательным в психоанализе зачастую называют совершенно различные инстанции, не образующие единого предмета. Это, кстати, можно обнаружить и в истории психоанализа, где на первый план последовательно

выходили различные уровни бессознательного — а по сути различные бессознательные — биологическое, социальное, языковое и пр. Отсюда, видимо, и проистекают неустранимые противоречия и в составе теории бессознательного, и в теории психоанализа, и, в частности, противоречия в самом исходном кирпичике всей конструкции — в психоаналитическом факте.

Различны и разнокачественны, таким образом, не только сознание и бессознательное, но и само бессознательное внутри себя. При всей условности «предметного» изображения того, что лишь отчасти может быть названо предметом, при всей ограниченности и упрощенности всякой натуралистической картины бессознательного, можно предложить следующую трехчленную схему: в бессознательном сосуществуют «животное» (архаическое) бессознательное, «групповое» (психологическое, психосемейное) бессознательное и «социальное» бессознательное.

В животном бессознательном сосредоточены наиболее древние или даже атавистические слои бессознательного — то, что почти непосредственно связывает человека с животными. Это слои инстинктов, едва оторвавшихся от своей животной первоосновы, — биологические потребности, импульсивные влечения, побуждения, устремления. История понятия «влечение» у Фрейда показывает все его колебания относительно места влечений в бессознательном — где-то на грани биологического и психологического. По-видимому, именно на этом уровне в наибольшей мере сосредоточиваются бессознательные влечения и потребности младенческого периода, то есть периода предельной беспомощности и зависимости человеческого существа от других людей и обстоятельств. Можно предполагать, что с этим периодом длительной зависимости связано в дальнейшем бессознательное воздействие гипнотических механизмов — в частности, в психотерапевтической практике. При регрессии психики на уровень животного бессознательного (младенческого, архаического) человек теряет свою человеческую развитость и превращается в легко манипулируемое существо, подверженное действию стадных инстинктов.

В групповом бессознательном речь идет о психологических механизмах групповых взаимодействий — прежде всего о психосемейном бессознательном (конечно, все другие уровни бессознательного в известном смысле тоже относятся к бессознательному психическому и могут быть так или иначе представлены на уровне психологических механизмов и зависимостей, однако это не отменяет их специфичности). В этом слое бессознательного запечатлеваются психосемейные и групповые конфликты, перипетии приобретения семейных и половых ролей, сложные моменты полового созревания ребенка (начиная от первоначального осознания половой принадлежности до будущего принятия своей половой роли), налагающего свой отпечаток на весь душевный опыт человека. Конечно, предпосылки половой идентификации складываются еще на стадии «животного бессознательного» (например, когда мать — «первая

совратительница», — ухаживая за ребенком, прикасается к его гениталиям¹). Однако более развитые структуры психосемейных отношений складываются в период овладения языком, способным закрепить запрет на кровосмешение и включить ребенка в культурный символический порядок. Отметим, что психосемейный слой бессознательного это еще не собственно социальный его слой, хотя некоторые предпосылки развитой социальности уже присутствуют на психосемейном уровне, подобно тому как предпосылки психосемейного бессознательного складывались еще на «архаическом» его уровне.

Социальное бессознательное качественно своеобразно, оно ни в коей мере не сводится ни к динамике изначальных влечений, ни к конфликтам психосемейной идентификации. Неслучайно, что некоторые ученики Фрейда (прежде всего Юнг, а также, позднее, представители неопрейдизма), увлеченные исследованиями социального (коллективного) бессознательного, по сути отказываются от концепции сексуального содержания бессознательного. В социальном (коллективном) бессознательном представлены не сексуальные влечения, хотя бы и в сублимированной форме, но интересы социальных групп и классов, национальных и других человеческих общностей.

Все эти страты в бессознательном представляют собой, по-видимому, продукт различных исторических эпох, а также разных периодов индивидуального человеческого развития, однако все они функционируют одновременно, взаимодействуя и взаимопроникая друг друга. И потому иногда очень трудно понять, с каким собственно бессознательным, с каким его слоем или уровнем мы имеем дело. Например, в социальном бессознательном действуют межличностные механизмы, подобные гипнотическому или суггестивному воздействию (правда, они относятся к тому в социуме, что не является собственно социальным, — а именно, к реликтам атавистического, архаического, животного бессознательного). Когда фрагменты более низкого и менее развитого уровня включаются в целое, они подчиняются, хотя и не во всем, логике взаимодействий более высокого уровня, отчасти сохраняясь, однако, как специфическое образование в составе более развитого целого. Так, биологические импульсы, побуждения, желания присутствуют на уровне психосемейного бессознательного, однако не определяют его специфику — она им не подвластна. Точно так же психосемейные механизмы участвуют в функционировании социального бессознательного, однако логика его развертывания на этом уровне лишь в упрощенном и метафорическом смысле может характеризоваться сообразно с психосемейной или же архаической (животной) схематикой, например, как стадный поиск «сильного отца» или «бегство от деспотичной матери» (или напротив — обращение к государству как к безусловно «любящей матери») и т.д. и т.п.

¹ Эту стадию становления влечений в психическом опыте включает в свою «обобщенную теорию совращения» Жан Лапланш (см.: *Laplanche J. Nouveaux fondements pour la psychanalyse*. Paris, 1987).

Эта мысль о слоистости бессознательного поясняет многие трудности в его познании. Одна из таких трудностей связана с поиском в бессознательном причинных цепей, которые, как подчеркивал Фрейд, не знают разрывов. Дело в том, что эти причинные цепи, как ясно из сказанного выше, возникают на различных уровнях бессознательного, так что перекрещивание различных причинных рядов сильно запутывает общую картину. Само взаимодействие разнородных и разноуровневых причинных цепочек порождает феномен «сверх-причинности» (или над-детерминированности¹) или, иначе говоря, — множественности причинных цепей и узлов, которые образуют итоговую компромиссную причинную определенность. Психоанализ, по-видимому, не способен объять все бессознательное. Его интересует прежде всего срединное, «психосемейное» бессознательное. И с этой точки зрения, перенесение закономерностей данного уровня на все бессознательное является неоправданной экстраполяцией. В разные периоды своей жизни Фрейд искал объяснения тем душевным процессам, которые он наблюдал в своей медицинской практике, либо на биологическом и физиологическом уровне (в ранний период), либо на уровне социально-мифологической схематики (в последние десятилетия), и это, по-видимому, можно истолковать как выход за пределы психоаналитического объекта, как набег на недоступную психоанализу территорию.

Специфика объекта определяет, как известно, специфику соответствующей дисциплины. Термин «метапсихология», которым Фрейд пытался обозначить нечто существенное в создаваемой им науке (то, что находится за рамками узко клинической аргументации), представляется гораздо более точным, чем может показаться на первый взгляд. Очень часто метапсихологию трактуют то как совокупность натуралистических, биологических представлений о бессознательном в ранних работах Фрейда, то, напротив, как социальную мифологию позднего психоанализа. Однако приставка «мета» означает одновременно и «за», «после», и «над». Создавая психоанализ, Фрейд строил именно мета-психологию — то есть новую психологию, которая идет за всем тем, что существовало тогда в виде психологического знания (или, быть может, скорее даже «прото-психологию» — знание о предпосылках любого знания о психике в ее телесной погруженности). Но если учесть, что в собственно психологии ни

¹ Под сверхпричинностью Фрейд имел в виду одновременное действие в бессознательном нескольких причин и соответственно — наличие различных способов истолкования. Например, сверхпричинность истерических симптомов подразумевает: наличие общих причин (скажем, наследственную предрасположенность), специфических причин (сексуальную травму) и дополнительных или сопутствующих причин. Что касается, например, сновидений, то сверхпричинность возникает здесь в результате смещений и сгущений различных событийных цепочек. В подобных случаях требуется «сверхтолкование» или, иначе, — компромиссное, объемлющее истолкование. См. об этом в «Исследованиях истерии» (1895), «Толковании сновидений» (1900). «Лекциях по введению в психоанализ» (1916–1917).

телу, ни желанию, ни языку в их несводимости к сознанию нет места, а осознающий мотивы своих действий субъект предстает как мера всех вещей, то придется признать, что психология и психоанализ, независимо от того, что думал по этому поводу Фрейд, это картины различных реальностей, не сводимые ни к какому общему знаменателю.

Своеобразно не только отношение психоанализа к своей ближайшей соседке — психологии, но и его соотношения с религиозными, этическими, философскими компонентами культуры. Некоторые из этих отношений закрепились в его истории и теперь воспроизводятся в составе психоаналитических процедур. Возникнув на стыке различных форм познания и практики, на перекрестке различных путей теоретической и духовно-практической деятельности, психоанализ принял на себя много различных функций. Например, после того как процесс секуляризации в Европе XIX века уничтожил, в частности, и ритуал исповеди, очищения и прояснения души, освобождения ее от страстей и грехов, психоаналитик действительно предстал как «исповедник дьявола». Лишаясь своего этико-религиозного смысла, психоаналитическая исповедь приобрела зато психотерапевтическое или освобождающее значение в светском смысле слова¹. Этот аспект психоаналитической деятельности продолжает свое существование в соответствующих психоаналитических формах и ритуалах, способствуя, в частности, раскрытию этико-познавательной направленности психоанализа.

Как известно, главный этический вопрос — это вопрос о свободе воли. Может ли быть свободным человек, все поступки которого определяются, в конечном счете, бессознательным, жизнью тела и желаний? Можно, наверное, предположить, что вопрос о свободе воли (главный вопрос практического разума) разрешим в той мере, в какой человек способен овладеть своими инстинктами и бессознательными побуждениями. Освобождаясь от неконтролируемого воздействия инстинктов Оно и запретов Сверх-Я, человек приобретает определенную меру свободы. В психоанализе весомо присутствует и эстетическое измерение, ибо вдохновенным творцом неожиданных форм и неожиданных химер выступает бессознательное — его язык и символы живут и обнаруживают себя в каждом человеке. Есть в психоанализе, конечно, и философское измерение, поскольку он дает достаточно своеобразную концепцию человеческого опыта, причин и целей человеческого бытия в мире, возможностей и направленности человеческих действий. Однако психоанализ не сводится ни

¹ По-разному, заметим, сложилась судьба главного момента исповеди — признания — в гуманитарном знании и в психоанализе. Так, гуманитарные науки возникли на месте ритуала признания, ибо процедуры социального обобщения стали возможны там, где душа уже предстала как разъятая и расчлененная (так видит судьбу гуманитарных наук М. Фуко в своей «Генеалогии власти»). Напротив, психоанализ возникает как знание наряду с ритуалом признания, он соотносится с ним, но не отменяет его. Ритуал признания сохраняется в психоанализе в трех главных смыслах слова «признание»: 1) признание как раскрытие души (всего мелкого и низкого, непристойного и подрывного); 2) признание как вновь узнавание ранее известного; 3) признание как уважительное отношение на почтительном расстоянии. По сути, психоанализ оказывается способом познания, основанным на «воспризнании» — того, что вытеснено в глубины психики, но без ведома субъекта проявляется в его представлении о мире и самом себе.

к одной из этих своих проекций, хотя в различные периоды та или иная проекция и выступает на передний план.

Возникновение психоанализа стало симптомом и следствием мощных социальных и культурных сдвигов. Меняются формы общения между людьми, критерии и способы включения социального в индивидуальное, формы межличностных контактов. Расширяется понимание самого феномена человека. И подчас именно психоанализ становится ведущим звеном в различных практиках межличностного общения, связанных с преобразованием душевного и телесного опыта. Психоанализ воочию показывает нам множество способов участия низкого в высоком, телесного в духовном, «отбросов жизни» в ее высоких порывах и свершениях. Участие телесного в жизни человеческой психики усложняет выбор между теми или иными побуждениями, мотивами, целями, задачами, способами их решения, заставляет искать компромиссных форм поведения. Человеку вообще трудно научиться быть человеком — работать, радоваться жизни, любить. В этой связи опыт психоанализа как поиск цивилизованных форм личностной свободы дает не просто интеллектуальное знание, но и умение быть собой, прислушиваться к своим внутренним побуждениям, понимать логику собственных поступков. Попытки овладеть страданиями, понять их вели психоаналитическую мысль от Фрейда, который видит источник человеческих страданий во внешнем мире и внешнем объекте, к Лакану, который считает внешний объект навсегда потерянным для человека, а центром, начальной и конечной точкой всех стремлений делает душевную структуру самого субъекта.

Фрейд во многом сомневался и, наверное, ошибался. Вряд ли можно согласиться с ним, когда он утверждает примат бессознательного над сознанием, менее развитого над более развитым, прошлого над настоящим и будущим. В этом его поправляли не только философы-экзистенциалисты, с их идеей жизненного проекта, или герменевты, для которых важно противостояние человеческой судьбы (бессознательного) и истории (сознания), но и собственные ученики, например, Альфред Адлер, призывавший учитывать детерминации не только прошлого, но и устремленного в будущее «плана жизни». В любом случае психоанализ не преформирован своей историей, и новые шансы развития и новые повороты в судьбе могут многое в нем изменить.

Теперь психоанализу открыта дорога и в нашу жизнь — не только как феномену западной культуры, изучаемому главным образом по книгам, но и как духовно-практическому явлению¹. Разные голоса в спорах о психоанализе вновь зазвучали и у нас. Для одних психоанализ — это новая

¹ Практически формы бытования психоанализа в нашей жизни весьма отличны от западных. Дальность дороги в большом городе не позволяет проводить сеансы несколько раз в неделю (чаще всего — один сдвоенный); жилищная стесненность не позволяет новоявленным психоаналитикам уединяться с пациентом в кабинете с сакральной кушеткой для пациента — сеансы нередко проходят в общей жилой комнате и т.д., и т.п. Как свидетельствуют первые советские практики психоанализа, это сильно влияет на сам механизм переноса эмоций с больного на аналитика. Можно назвать и множество других отличительных черт, которые, надо полагать, еще скажутся на русском психоанализе

философия¹. Для других — особая «форма жизни», которая не сводится ни к философии, ни к экспериментальному научному познанию². Для третьих — психоанализ это подлинная, вполне зрелая наука, и уж во всяком случае «наука не в меньшей степени, чем физика»³. Такое яркое многоголосие не может не радовать слух, однако оно не заменяет критико-рефлексивной позиции, иначе становится скорее эмоциональной реакцией на старые запреты, чем итогом новых размышлений.

Да, конечно, психоанализ отличает стремление к научности и объективности, однако осуществление этой объективистской тенденции означало бы смерть всего, что есть в нем уникального, творческого и событийного. Да, конечно, психоанализ отличает также стремление к раскрепощающему и освобождающему воздействию — и оно иногда осуществляется, в особенности там, где психоаналитические истолкования душевной жизни приходят на смену универсалистским и тоталитаристским построениям. Однако победившая психоаналитическая схематика тяготеет к догматизации и ритуализации, к круговому воспроизводству психоаналитической схемы в культуре, когда факты подстраиваются под схему, а схема заранее существует в культуре как нечто самоочевидное⁴. В психоанализе соединились различные компоненты природного и духовного мира, искусство и социальная мифология, этика и ремесло, философия и практическая рецептура. Однако проблемный стержень психоанализа создается все же именно познавательной интенцией. Соответственно и вызов, который бросает нам психоанализ, прежде всего эпистемологический, хотя при нынешнем всеобщем «этическом повороте» в философии это подчас нелегко заметить. Открытие бессознательного вовсе не было философским открытием Фрейда, хотя оно, безусловно, имело философское значение: главное в том, что Фрейд смог представить бессознательное на уровне научных возможностей своего времени. У нас, кажется, нет нужды ни спасать Фрейда от психоанализа (вместе со сциентистскими критиками психоанализа), ни защищать психоанализ от Фрейда (вместе с теми его истолкователями, которые убеждены, что, претендуя на научность, психоанализ сам себя не понимает). Скорее, нам нужно сохранить трезвость рационального подхода к бессознательному как к фактору человеческой жизни, — подхода, который призван «ни пугать, ни утешать», но помогать нам понять самих себя, смягчая болезненные противоречия между индивидуальными склонностями и теми требованиями культуры, которые несет с собой развитие цивилизации.

¹ Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990

² Руткевич А. М. Рецензия на кн. Лейбина В. М. «Фрейд, психоанализ и современная западная философия». — «Вопросы философии», 1990. № 6, с. 172.

³ Белкин А. И. Зигмунд Фрейд: Возрождение в СССР? — В кн.: *Фрейд 3*. Избранное. М., 1989, с. 6.

⁴ Эта точка зрения в чем-то близка позиции М. Фуко в его оценках официальной медицины. Такая медицина не лечит психическую болезнь, точнее, прежде чем лечить, она сначала ее создает, дорабатывая и доразвивая ее до тех практических и концептуальных форм, в которых болезнь становится ей понятна. Именно в этом смысле и психоанализ подвергался обвинениям в том, что он порождает те самые формы (например, по Ж. Делезу и Гаттари — «семейный ошейник», наброшенный на свободу человеческого бессознательного), которые затем принимается «исправлять» или «лечить».

*Вопросы философии, 1991,
№ 4, с. 58–75*

Изучение высших психических функций и категория бессознательного¹

В. П. Зинченко, М. К. Мамардашвили

На ранних этапах исследования высших психических функций, из которых наиболее сложной для анализа является творческое мышление, привлечение категории бессознательного было неременным и, пожалуй, важнейшим условием размышления о природе творчества. Если исключить категорию бессознательного из рассуждений о творчестве у Ф.Гальтона, А.Пуанкаре, Г. фон Гельмгольца и многих других, то в них останется очень немного. Бессознательное онтологизировалось и трактовалось как некоторое субъективное пространство («вестибюль сознания»), которое является местом, где происходит сцепление образов, мыслей, подобно тому, как происходит сцепление атомов, движущихся в пространстве. Нередко использовался термин «игра»: игра образов, мыслей, для осуществления которой создаются наиболее благоприятные условия при измененных состоянии сознания или когда она осуществляется без произвольного управления и планирования успеха. Бессознательное рассматривалось как источник, средство, даже средоточие озарений, открытий, решений, установок, мотивов и пр. Вольно или невольно при такой трактовке функций бессознательного происходило обеднение характеристик высших психических функций. Очень часто дело сводилось к тому, что они получали отрицательные или бессодержательные характеристики, такие, как «инсайт происходит в короткие интервалы времени»; «необходима бессознательная подготовка интуитивных решений»; «интуитивные решения сопровождаются осознанным чувством полной уверенности в правильности результата».

Такие характеристики ведут к противоречивым рекомендациям относительно путей организации творчества: хорошо бы уменьшить внешние помехи (решение может прийти во сне); хорошо бы организовать подсказку (решение может прийти в самом неожиданном месте, например перед клеткой с обезьянами или перед горящим камином).

Другими словами, бессознательное бралось вполне натуралистически, — искались наиболее благоприятные условия, обеспечивающие созревание или своего рода культивирование бессознательного.

Кажущийся успех использования категории бессознательного для описания и интерпретации творческого процесса послужил одним из оснований для дальнейшей генерализации этой категории и использования ее для описания и интерпретации практически всех явлений душевной жизни.

¹ Настоящая статья написана на основе доклада, сделанного на Международном симпозиуме по проблеме бессознательного (Тбилиси, 1979 г.). На русском языке статья не публиковалась. Статья может рассматриваться как продолжение размышлений авторов о смежных проблемах философии и психологии сознания, изложенных в другой их статье (см.: Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Проблема объективного метода в психологии. — «Вопросы философии», 1977, № 7). Некоторые идеи, высказанные в обеих статьях, получили развитие в недавней статье В. П. Зинченко, посвященной памяти М. К. Мамардашвили (см.: Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания. — «Вопросы психологии», 1991, № 2).

Примечательно, что несмотря на конструктивный в целом характер концепции З.Фрейда, он также в значительной степени сохранял натуралистическую трактовку бессознательного. Это служило резонным и, кстати, чаще всего не сознаваемым основанием для ее критики. Более того, Фрейд так же натуралистически трактовал и сознание, например, процессы вытеснения. Суть дела заключается в том, чтобы понять вытеснение не как автоматический провесе (а именно на такое понимание толкал этот термин), а как особую психическую деятельность, пусть даже бессознательную. Ведь вытеснение — это не погружение тяжелых содержаний в некоторый более глубокий слой («физикальный низ»), а особая зашифровка этих содержаний, то есть особый деятельно-семиотический процесс. В результате этого процесса перед сознанием в его феноменах остаются только зашифрованные «сообщения», ключ от которых может быть найден лишь в ходе психоанализа, поскольку сознание просто переозначивает явление так, что не узнает его действительного содержания.

Но если в ходе развития теории и практики психоанализа категории бессознательного и сознания все более и более операционализировались, «окультурировались», то в контексте исследования познавательных процессов они продолжали трактоваться натуралистически, как, впрочем, и сами познавательные процессы. Это способствовало тому, что категория бессознательного постепенно стала вытесняться из описаний творческого процесса. Ее место стали занимать другие психические (и непсихические) функции и процессы: воображение, интуиция. По мере развития экспериментальной психологии значение категории бессознательного в описании высших психических функций неуклонно уменьшалось. Категория бессознательного стала испытывать общую судьбу с категорией сознания. Реактология, рефлексология, бихевиоризм пытались изгнать эти категории из научной психологии вместе с категориями души в психику. Были попытки подменить психику (сознательную и бессознательную) динамикой нервных процессов. Процессы решения сменили адрес. Они стали совершаться не в пространстве бессознательного, а в пространстве мозга или в пространстве проб и ошибок. Эта волна антипсихологизма характерна для психологии (особенно с появлением бихевиоризма и кибернетических, шире — технологических, конструкций мозга) на сломе XIX в XX веков. Однако категория бессознательного продолжала существовать» и не только в психоанализе. Несмотря на очевидную теперь недостаточность натуралистической трактовки и сознательного, и бессознательного, равно как и психики вообще, категория бессознательного играла (и продолжает играть) положительную роль в развитии психологии. Оставаясь *terra incognita*, существуя в подсознании современной научной психологии, она выступала как оппозиция антипсихологизму и длительное время поставляла строительный материал для возведения здания психологической науки. Более того, наличие категорий и феноменов бессознательного служило и продолжает служить надежной защитой не только от самых крайних форм редуccionизма в психологии, но и от его облегченных форм. Категория

бессознательного представляет собой непреодолимую преграду для любых форм редукции психического. Но речь идет не только о «защитных» функциях категории бессознательного.

Не подлежит сомнению, что психологические идеи фрейдизма и неофрейдизма оказали влияние на развитие исследований высших психических функций. Не ставя перед собой задачу общей оценки этих идей, отметим лишь некоторые положения в интересующем нас аспекте. А они заключаются в том, что З.Фрейд, в попытках объяснить поведение и деятельность индивида как нечто целостное, пришел к тезису о трехуровневом строении психики. Отсюда, в частности, следовало, что деятельность и психика не могут быть изображены линейно, в одной плоскости. В соответствии с идеей сложного, уровневого строения психики во фрейдистской традиции происходит отказ от универсальной единицы исследования и предлагается строить определенную таксономию таких единиц, чтобы каждому из уровней соответствовал свой тип единиц.

Эти идеи с большей или меньшей полнотой можно обнаружить в любом современном направлении исследований высших психических функций. Но их обнаружение представляет собой нелегкую задачу. Чтобы ее разрешить, необходимо провести своего рода психоаналитический курс (или эксперимент) над самой психологической наукой, в ходе которого, возможно, удастся расшифровать эти вытесненные (а точнее, зашифрованные) идеи. Результаты подобной деятельно-семиотической проработки проблемы будут существенно выше, если в ее осуществлении примут участие специалисты как в области исследования высших психических функций, так и в области бессознательного

Во фрейдовском различении сознательного и бессознательного проявился, таким образом, важнейший архетип психологического мышления, согласно которому психика имеет уровневое строение. Несмотря на то, что впервые этот архетип был отчетливо артикулирован уже Аристотелем, его прежде всего фрейдовское понятийное наполнение сказалось на развитии всей психологической науки.

Следы дихотомии «сознательное—бессознательное» обнаруживаются в таких широко используемых в современной психологии оппозициях, как «внешнее—внутреннее», «непроизвольное—произвольное», «нерефлексивное—рефлексивное». Идея интериоризации, равно как и распространенные ныне иерархические модели когнитивных процессов, связана с фрейдовскими идеями об уровневом строении душевной жизни. Разумеется, предметное содержание и понятийное наполнение этих концептуальных схем различно. Однако эти различия не абсолютны, а сходство, о котором будет речь ниже, не ограничивается лишь формальными чертами.

Современные представления о психической деятельности, ее природе, общем уровневом строении, операционном составе, со времен Фрейда стали богаче и полнее. Тем не менее отношение не только ранних, но и современных исследований высших психических функций к проблеме

бессознательного можно было бы определить как стремление к активному ее вытеснению. О бессознательном не принято упоминать в уважаемом обществе психофизиков, психофизиологов, математически, физиологически и лингвистически ориентированных психологов. Специалисты в области когнитивной психологии также используют термин «бессознательное» лишь в историко-теоретическом контексте. Но проблема бессознательного (как и оно самое) живуча и мстительна. Ее стыдливое умолчание приводит либо к антипсихологизму (а соответственно, и к многообразным формам редукционизма), либо возвращает к ранним попыткам онтологизации и натуралистической трактовки бессознательного, разумеется, при соответствующей зашифровке терминов. Последнее обнаруживается в современной когнитивной психологии, в которой строение высших психических функций описывается в терминах блоковых моделей. Пока речь шла об анализе и о работе потенциально возможных блоков, когнитивная психология не сталкивалась с серьезными трудностями. Они появились, когда возникла задача объяснения механизмов их синтеза. Дело в том, что масштаб времени их функционирования таков, что сознание не в силах справиться с задачей их координации. Но ведь не обращаться же вновь к категории бессознательного. На помощь стали приходить демоны и гомункулюсы (Д. Норман, Ф. Аттнив и др.) или, на противоположном полюсе, физико-химические (и генетическо-кодовые) структуры мозга, редукция к которым представляется желанной и отдаленной мечтой для генетической эпистемологии Ж. Пиаже и даже культурной антропологии типа леви-строссовской. Но и последняя попытка описания не может, как это ни парадоксально, не замкнуться на допущении тех же демонов или амперовских человечков, плавающих в каналах синтеза структур.

Возникает вопрос, а не лучше ли тактику вытеснения проблемы или ее зашифрованных выражений заменить *стратегией* ее экспликации, а затем и решения? Ведь для того, чтобы полностью извлечь уроки из факта, что именно на сопротивлении бессознательного четче всего обнаруживается нередуцируемость области сознания и психики вообще, нужно преодолеть бессознательное в научном исследовании. Нам кажется, что для этого в современной психологической науке накоплен достаточный арсенал средств, — если не для решения, то для корректной и сознательной постановки проблемы бессознательного в этом смысле. Естественно, хотя, возможно, и неожиданно, что именно сознание (а не бессознательное) окажется здесь проблемой *par excellence*.

Выше уже говорилось, что при задаче объяснения механизмов синтеза, например блоковых моделей (или даже машинно-моделируемых технологических структур мышления), мы имеем дело с категориями (времени, пространства, уровней, иерархии уровней, целого и т.п.), размерность которых не совпадает с размерностью акта сознательной координации соответствующих процессов и блоковых моделей (она или космически превышает последнюю, или, по своим микроскопическим характеристикам, остается ниже порога ее различения). Например, по

отзывам специалистов в области причин авиационных катастроф, в сложных условиях полета человек и машина оказываются как бы вне времени, и именно это дает шанс на спасение (мы имеем в виду время сознательно контролируемых решений и действий), — но где же оно, это спасение, происходит? Или в подобных случаях мы должны допустить как минимум двойной отсчет времени: реального, ситуативного (физического) времени и времени, протекающего в пространстве деятельности (а не объектов). Его можно было бы назвать надситуативным. При этом обе оси времени должны быть точно скоординированы, — но кем? Есть ли у этого акта координации субъект? Видимым условием здесь является как раз потеря субъектом контроля над собой (выключение собственного «Я» из ситуации — и, следовательно, не только времени объектов, но и времени субъектов). Таким образом, мы оказываемся здесь перед лицом свободного действия или свободного явления. А как говорили древние, свободный человек не делает ошибок. Одновременно, только здесь мы и находимся впервые в области совершенно особых явлений в составе космоса, а именно — собственно психологических явлений, которые суть акты, а не факты (в этом случае само понятие «факта» должно быть пересмотрено в психологической науке). Иначе допущение этих явлений было бы излишним, избыточным в общей физической организации космоса. И никому не придет в голову описывать подобные акты в терминах акта контролируемого (и строящегося сознательным присутствием индивидуального субъекта и его волей). Здесь неприменимы термины «блоки», «операции», «функциональные органы», «органы индивидуальности», «монтаж блоков» (и как предельное представление — «духовный организм») и категории «пространство», «время», «целое», «жизнь».

А это означает одну простую и в то же время чудовищно трудную для усвоения вещь. Так же, как мы с большим трудом осваиваемся с идеей относительности в физике, нам трудно, в силу фантазмов нашего обыденного «яйного» языка, привычек нашей психологизированной культуры, освоить, вытащить на божий свет и обосновать мысль, что мы на деле оперируем различием внутри самого сознания двух родов явлений: 1) явлений, сознанием и волей контролируемых и развертываемых (и в этом смысле идеал-конструктивных), и 2) явлений и связей, хотя и действующих в самом же сознании, но неявных по отношению к нему и им неконтролируемых (и в этом смысле не контролируемых субъектом и вообще бессубъектных). Мы подчеркиваем, что речь идет о различии внутри самого сознания, а не о воздействующих на него извне объектах внешнего мира или физико-химических процессах, происходящих в мозге (который, в феноменологическом смысле, тоже есть объект внешнего мира для сознания). Речь идет о том, что нечто *в сознании же* обладает бытийными (и поддающимися объективному анализу) характеристиками по отношению к сознанию в смысле индивидуально-психологической реальности. Степень и мера проявления (или, если угодно, действия) бытия в сознании обратно пропорциональна степени и мере отражения им собственного, печатью «Я»

отмеченного, акта деятельности и его объектов в мире. Ясно, что понятия «физического действия», «объективного» (от сознания независимого), «внешнего», «законоподобного», «пространственного» и т.п. должны быть в этом свете пересмотрены (и расширены).

Особенно в исследовании человеческой реальности и в выработке его понятийного аппарата следует учитывать, что человек есть не факт, подобно природным само собой пребывающим фактам, а акт. Мы настаиваем на понятии акта еще и потому, что в современной психологии, равно как и в современном психоанализе в качестве оппозиции категориям «деятельность», «орудие» выдвигаются категории «общение», «слово», причем имеется в виду прослеживание в собственной жизни некоторой самосушей реальности, не отделимой средствами физического исследования (внешнего наблюдения) от наблюдения сознательной жизни и смысла. Можно было бы напомнить давний спор о том, что было в начале. Слово или Дело? Но решение этого спора можно было бы искать и в различии между орудием, с одной стороны, и словом (знаком) — с другой. Согласно М. М. Бахтину, орудие, в отличие от знака, имеет назначение, а не значение. Иначе говоря, речь идет о выделении в отношении «слово-реальность» категории символа как вещи, отличной от знака. И, видимо, природа знака, а вместе с ним и полисемия языка связана с потенциальной полифункциональностью орудий-символов, конструирующих реальность в различных формах деятельности актов.

Возвращаясь к специальному (техническому) смыслу, в каком термин «бессознательное» употребляется Фрейдом, можно сказать, что опыт психоанализа важен именно введением (на материале частного случая возрастных «либидинальных» явлений) в круг научного, объективного рассмотрения психических явлений того рода, о которых мы только что говорили, а именно — квазифизических объектов и связей в сознании, образующих неявные и неконтролируемые механизмы и процессы, т.е. не являющихся в классическом смысле слова произвольно-сознательными.

Величие Фрейда и состояло в том, что он трактовал бессознательное как вневременное и метапсихическое, что во многом — на уровне метода и конкретной пластики анализируемых примеров — нейтрализовало его собственные натуралистические предрассудки позитивного ученого XIX века. Онтологизация бессознательного, превращение его в какой-то реально существующий глубокий слой психики, своего рода «ящик Пандоры» — гораздо более позднее явление, продукт вульгаризации психоанализа.

Таким же более поздним продуктом является, кстати, и вульгаризация теории установки Узнадзе, сделавшая ее почти неузнаваемой и уж заведомо с психоанализом несопоставимой, хотя именно (и только) в метапсихическом подходе к явлениям душевной жизни и есть между ними что-то общее (а не по выбору и содержанию психологических явлений, изучаемых в контексте этих теорий). Действительно, руководствуясь глубокими философскими побуждениями, Узнадзе интересовался прежде всего особой категорией явлений — актами адекватного поведения, не являющегося целесообразным

приспособлением к ситуации (или к «среде») и неанализируемого в терминах целеполагания, выбора средств рациональной организации их связи и т.п. К фактам достижения подобного рода адекватности он и прилагал аналитические понятия «целого», «установки», «личностного единства», «центральной модификации личности» и т.д., рассматривая их как проявления глубокого бытийного или онтологического, а не психологического уровня. Поэтому «установка» не могла быть для него психическим явлением или, тем более, проявлением «психически бессознательного». Психическим мог быть для него лишь материал, на котором экспериментально могли засекались вторжения или «эмердженции» этого бытийного или онтологического уровня, и он считал (и в этом видел свое открытие), что нашел такие эмпирические, опытно наблюдаемые явления душевной жизни, на которых экспериментально контролируемым образом могут прослеживаться реальные результаты той деятельности, которая сама по себе вовсе не является психологической или психической. Он как бы по физике хотел «поймать» метафизику (в смысле ее вполне реальных последствий для человеческого существа и, прежде всего, для высших форм его поведения или высших психических функций).

Возвращаясь к свободному действию, мы будем теперь называть Сознанием эти вневременные состояния растворенности в предметной (не объективной) топологически содержательной действительности, понимая, таким образом, под сознанием не тот феномен, который представлен во внутренней психологической, экранированной нашим «Я», реальности. Только таким образом мы можем наблюдать и контролируемо фиксировать действительно высшие психические функции и состояния, то есть самосущие проявления жизни (или, как говорили раньше, «Невидимого», «Высшего»), — неконструируемые последовательности в некотором непрерывно прослеживаемом действии. В исторически известном человечеству опыте такие вещи и выступали и наблюдались в различных формах медитации, в психотехнически организованных переосознаниях или изменениях сознания. Обстоятельство, указанием на которое нам хотелось бы завершить рассуждение, состоит в том, что все эти «эмердженции» и «актуальгенезы» свободных явлений всегда связаны с вещественно-символическими построениями, с монтажами вещей. Именно с этой точки зрения для развития исследований в области высших психических функций важны достижения психоанализа в исследовании частного случая жизни подобного рода вещей (на примере совершенно вещественно, соматически организованных фантазмов, значащих телесных явления, органов желания и т.д.) Это вполне сравнимо с развиваемой в современной экспериментальной психологии трактовкой движений, установок, образов, представлений как функциональных органов индивидуальности, где каждый совершаемый соответствующим органом акт является уникальным, то есть творческим. Только в случае бессознательного, являющегося предметом психоанализа, мы имеем дело с неудачными «машинами» такого рода, оставляющими застойные следы своих неудачных сцеплений в психической жизни, следы,

переозначенные эмпирическим сознанием и поэтому патогенные. И наоборот, психоаналитическое излечение состоит в протекающей внутри общения между больным и врачом — и только внутри этого общения! — работе по перестройке такого рода машин, по приведению их в движение и столкновение, столкновение, способное высвободить застывшие, переозначенные, отклонившиеся, непережитые и нереализованные потенции. Заметим, что при описании органов индивидуации современная экспериментальная психология давно уже реально имеет дело с инверсией явлений причинности (запаздывающая, опережающая, полная), с гетерогенностью единиц анализа явлений душевной жизни и с полифоничностью и гетерархичностью (а не иерархичностью) ее организации. Мы уже не будем говорить о подобных явлениях в современной физике, которая, видимо, раньше экспериментальной психологии извлекла опыт из психоанализа.

Вневременность «бессознательного» в критических для человека ситуациях подобна вневременности актов творчества, озарений, открытий, необходимыми условиями осуществления которых также оказывается растворение субъекта в «явлении свободы», то есть в отказе от собственной эмпирической субъективности и приостановка в себе спонтанных действий культурно-знаковых «натурностей» психизма. Если мы не ошибаемся, П. Флоренский говорил о значении интенсивного душевного опыта любви для творчества. Для настоящей любви характерным является отказ от себя ради самого ее состояния, в котором только и открывается какая-то другая реальность и подлинная бесконечность сознательного переживания. В этом смысле такие органы индивидуальности, как желание, любовь и т.д., являются в известном смысле противоестественными или, лучше сказать, собственно человеческими. Это тем более относится к состоянию мысли, в котором прежде всего и следует видеть проявление бытийной силы (энергии) сознания.

Но это предполагает (особенно в плане сопоставления психоанализа с проблемой творчества) иное понимание значения и смысла того, что же происходит в акте психоанализа — не в отношении к какому-то предполагаемому предмету исследования (называемому «бессознательным»), а как эмпирически случающихся (или не случающихся) актов самого исследования или поиска.

Например, рассуждение о роли памяти в процессах творческого мышления может быть проведено от противного. Ведь несомненно, что в случае М. Пруста вся работа его состояла не в том, чтобы найти какой-то забытый предмет или смысл, а в том, чтобы его создать, чтобы вспомнить (или: чтобы вспомнилось). Интуитивно ясно, что процессы забывания противоположны процессам восстановления содержания памяти, в том числе противоположны творчеству. Долгое время забывание трактовалось как результат спонтанного угасания (распада) следов памяти. Затем появилась точка зрения, согласно которой забывание является следствием интерференции следов памяти. В настоящее время накапливаются доказательства

того, что забывание происходит как под влиянием угасания, так и под влиянием интерференции. Упаковка утраченного времени (по Прусту) в чуждые его смыслу вещественные монтажи — явный случай интерференции. Подчеркивание роли последней — есть внесение элемента активности в характеристику процесса забывания. Немаловажную роль в понимании механизмов забывания имеет анализ уже упомянутого процесса вытеснения как одной из форм забывания (что, конечно, предполагает не натуралистическую трактовку процесса вытеснения). Как мы уже говорили, суть дела заключается в том, чтобы понять вытеснение не как автоматический процесс, а как особую психическую деятельность семиотического переозначивания. И существенно, что зашифрованное сообщение сохраняет свое влияние на субъекта. Оно может быть восстановлено при повторении контекста, при супермотивации или в экстремальных ситуациях (к числу которых, например, относится редукция привычного мира в условиях сенсорной изоляции) и т.п. Частным случаем восстановления и дешифрования вытесненных «сообщений» является психоанализ. Последний интересен тем, что он демонстрирует возможность обратного влияния вытесненных явлений на сферу сознательного.

Поэтому противоположность забывания (а особенно вытеснения) творчеству не должна пониматься примитивно: «забыл и нечего сказать». В определенных ситуациях и условиях в силу различных причин, по-видимому, могут вытесняться и вытесняются в высшей степени оригинальные продуктивные идеи и образы. Именно это предположение лежит в основе устойчивого интереса различных школ психоанализа к анализу творческого процесса и попыток его стимуляции с помощью психоаналитических методов извлечения и дешифрования вытесненных сообщений. При этом не учитывается одно важное обстоятельство. Психоаналитический сеанс действительно помогает осознанию определенной сферы несознаваемого, помогает найти утерянный ключ к дешифрованию переозначенных явлений. Но их экспликация (возможно, даже достаточно правдоподобная) протекает в форме, определяемой терапевтическими целями, то есть оказывается «служебно-прозаической». Более того, вытесненное и эксплицированное, преподнесенное субъекту психоаналитиком, снимает с него сосредоточенность на проблемной ситуации, необходимую для творчества. Оно принимает деиндивидуализированную и трафаретную форму. Сказанное свидетельствует о неправомерности претензий психоанализа на раскрытие механизмов творчества и на разработку приемов его стимуляции. Психоанализ поэтому противопоказан творчеству и является не столько средством его стимуляции, сколько средством его подавления за счет банально-прозаической интерпретации скрытых интенций и побуждений к творчеству и, наконец, за счет навязывания субъекту часто мнимой определенности, которой якобы характеризуется его состояние. Именно этим определяется необходимость веры пациента в психоанализ. В результате квалифицированно проведенного психоанализа не остается «элемента недосказанности», являющегося неотъемлемым свойством значительных

произведений искусства, как, впрочем, и значительных научных открытий. Видимо, совершенно не случайно большие художники опасались прибегать к помощи психоаналитиков и старались сами выйти из кризисных душевных состояний. Они чувствовали, что психоанализ представляет своего рода хирургическое вмешательство в душевный организм, вмешательство, которое, с точки зрения дальнейшей творческой жизни, может оказаться слишком дорогим. Мы не говорим уже о том, что уподобление творческой деятельности аутопсихоанализу или, как говорят психоаналитики, «дикому психоанализу», является чрезмерно большой натяжкой.

Тем не менее между психоанализом и творчеством имеются элементы внешнего сходства, установление которых может оказаться эвристически полезным для психологического анализа творческой деятельности. Остановимся на этом подробнее.

Во многих описаниях творческого процесса имеются свидетельства о большой роли внешней подсказки, которая дает возможность найти искомый образ или идею. Но по своей природе подсказка может быть и внутренней, связанной с прошлым опытом субъекта. Содержание этого процесса можно было бы представить обратным тому, который наблюдается при вытеснении и забывании. Если в результате вытеснения в сознании человека остаются только зашифрованные сообщения, ключ от которых обнаруживается лишь в ходе особого рода анализа, то при использовании воспоминания в роли подсказки работа сознания направлена на установление возможной связи между ними и проблемной моделью ситуации, а также на расшифровку его смыслового содержания.

Трудность же научного анализа этого феномена состоит в том, что так же, как и в случае вытеснения, процесс расшифровки «сообщения» далеко не всегда доступен интроспекции. Даже в случаях, когда имеется лишь различие в форме репрезентации проблемной модели ситуации и подсказки, а решение, соответственно, может быть принято по аналогии, акт идентификации двух способов репрезентации может вызвать серьезные трудности.

Именно поэтому процесс принятия решения остается скрытым от самонаблюдения и характеризуется приведенными выше внешними формальными признаками: мгновенность озарения и т.п.

На поверхности остаются результат и убежденность в его правильности (ср. с высказыванием Эвариста Галуа: мои результаты даны мне уже давно, только я не знаю еще, как я к ним приду).

*Вопросы философии,
1991, № 10, с. 34–40*

Репрессированный психоанализ: Фрейд, Троцкий, Сталин

В. М. Лейбин

История репрессий в науке — это часть истории нашей культуры, вносящая дополнительные штрихи в осмысление судьбы Отечества и позволяющая лучше понять дух и атмосферу того жестокого подавления инакомыслия, в тисках которого оказались лучшие умы и жертвой которого стали многие из них. К сожалению, мы столь долго были отчуждены от истории и от культуры, что сегодня по крупинкам приходится собирать объективные данные и восстанавливать многообразные события прошлой жизни, более известные подчас зарубежным исследователям, нежели отечественным ученым. Но без этой кропотливой работы, проливающей свет на тернистый, часто драматический путь развития различных научных направлений, вряд ли мы сможем обстоятельно ответить на многочисленные вопросы, находящиеся в настоящее время в центре внимания общественности. Вот почему представляется важным и необходимым исследование исторических пластов знания, скрытых под толщей идеологических стереотипов и клише, ранее заполонивших массовое сознание. Ибо без знания прошлого невозможно компетентно судить о настоящем и предвидеть будущее.

Специалистам предстоит обстоятельная, многоплановая исследовательская работа по раскрытию экономических, политических, идеологических и психологических механизмов подавления инакомыслия в различные периоды отечественной истории. Но уже сегодня ясно одно: незаконные, хотя и возведенные в ранг государственной политики репрессии затронули, фактически все сферы русской науки. Вряд ли найдется такое научное направление, возникшее после Октябрьской революции 1917 года в нашей стране, которое не было бы отмечено печатью подавления ради безоговорочного утверждения официально проповедуемого мировоззрения. Едва ли существует такая отрасль научного знания, крупнейшие представители которой в прямой или опосредованной форме не столкнулись с тщательно скрываемым и долгое время не признаваемым в качестве кошмарной реальности архипелагом Гулаг.

Судьба психоанализа в нашей стране не составляет исключения в этом отношении. Ее понимание и раскрытие представляется крайне важным, поскольку история развития психоанализа в СССР как нельзя лучше свидетельствует о перипетиях беспощадной борьбы, некогда развернувшейся в отечественной науке. Во всяком случае, на примере распространения и запрещения психоаналитических идей Фрейда после Октябрьской революции можно, как мне думается, глубже понять многие тонкости и нюансы, далеко не всегда попадающие в поле зрения исследователей, обращающихся к историческому знанию.

Исходя из этих соображений, представляется целесообразным сосредоточить внимание на изложении того материала из истории развития психоанализа, который, надеюсь, будет информативно полезным с точки зрения прояснения общей атмосферы подавления инакомыслия в нашей стране.

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

В дореволюционный период идеи Фрейда нашли отклик среди части русских ученых, имевших возможность ознакомиться с теоретическим и клиническим психоанализом как во время заграничных командировок, так и в процессе осмысления результатов психоаналитических исследований, опубликованных на страницах зарубежных и ряда отечественных журналов, включая «Психотерапию», «Современную психиатрию», «Журнал невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова». Распространению психоанализа в России в значительной степени способствовали такие теоретики и клиницисты, как М.Асатиани, Л.Белобородов, Н.Вырубов, М.Вульф, А.Залкинд, Ю.Каннабих, В.Лихницкий, Н.Осипов, А.Певницкий, Т.Розенталь и др. Правда, с самого начала вторжения психоаналитических идей в русскую психологию и психиатрию учение Фрейда о сексуальной этиологии неврозов и бессознательной деятельности человека вызывало неоднозначную реакцию. Некоторые психологи и медики, в частности О.Фельцман, Я.Аймист, Н.Скляр, критически отнеслись к психоанализу. О.Фельцман, например, указывал, что психоанализ может приносить вред и, как терапевтический прием, «едва ли стоит тех трудов и времени, которых он требует для себя» [1].

Однако по мере опубликования работ Фрейда, психоанализ стал привлекать к себе все большее внимание русских ученых. «Быстрое распространение психоанализа, в настоящее время имеющее сторонников и у нас в России, — писал по этому поводу В.Лихницкий в 1912 году, — во многом обязано личности самого Фрейда. Тонкий наблюдатель, остроумный диалектик, прекрасный популяризатор, он сумел приобрести многочисленных сторонников» [2].

Оценивая ситуацию, связанную с проникновением психоаналитических идей в различные страны мира, в 1914 году основатель психоанализа констатировал факт восприятия его учения на русской почве. «В России, — отмечал он, — психоанализ весьма известен и распространен; почти все мои книги, как и других приверженцев анализа, переведены на русский язык» [3]. Вместе с тем Фрейд был вынужден заметить: «Но более глубокое понимание психоаналитических учений еще не установилось. Научные взгляды русских врачей и психиатров в области психоанализа можно до настоящего времени считать незначительными. Только Одесса имеет в лице М.Вульфа представителя аналитической школы» [3].

Как бы там ни было, но с 1909 года, когда, пожалуй, впервые в России началась популяризация идей Фрейда, психоанализ стал привлекать к себе

внимание целого ряда русских ученых. Появились оригинальные психоаналитические исследования, осуществленные русскими авторами [4]. В 1911 году возникло Русское психоаналитическое общество.

Прерванный первой мировой войной, интерес к психоанализу вновь стал заметен после Октябрьской революции 1917 года. И хотя журнал «Психотерапия» (1910–1914), в котором наиболее часто печатались психоаналитические материалы, не возобновил свою деятельность, тем не менее в последующие годы психоаналитические идеи имели широкое распространение среди части советских ученых. Эти идеи использовались в педагогике, литературоведении, медицине. В Москве, Киеве, Одессе, Ростове существовали группы, сторонники которых придерживались психоаналитических взглядов, разделяли учение Фрейда о неврозах. В 1921 году в Москве возродилось Русское психоаналитическое общество.

Советские ученые принимали участие в работе Международных психоаналитических конгрессов, публиковали свои материалы в зарубежных журналах, состояли членами зарубежных психоаналитических организаций. В тот период в СССР выходила психоаналитическая библиотечка, в рамках которой были переведены на русский язык и опубликованы исследования многих зарубежных психоаналитиков, включая К.Абрахама, Ф.Виттельса, Э. жонса, М.Кляйн, А.Фрейд, В.Штекеля, К.Юнга и др.

Если отечественные философы и психологи спорили о том, возможно ли использование психоаналитических идей в рамках марксизма, то ряд психиатров применял психоаналитические методы в своей практической деятельности, некоторые педагоги в школах и воспитатели в детских садах опирались на психоаналитические концепции в процессе воспитания детей, отдельные теоретики давали психоаналитическую интерпретацию художественных произведений и различных видов человеческой деятельности.

Так, М.Вульф занимался теорией и практикой психоанализа, изучая психологию детских капризов под углом зрения психоаналитического учения Фрейда, а И.Перепель использовал психоаналитические идеи в процессе изучения патологии детей. В. Рыжов рассматривал психоанализ в качестве системы воспитания, а Д.Смирнов исходил из того, что ни один педагог или исследователь детского возраста не может проходить мимо психоанализа, пролившего свет на многие стороны эволюции ребенка. Д.Балик подчеркивал значение психоанализа при изучении психологии читателей, А.Гайворовский использовал психоаналитические методы для выявления воздействия образности плакатов на людей, Н.Рубакин высказывал идеи о реализации учения Фрейда в процессе создания библиотечных фондов и лучшего понимания психологии книги. И.Ермаков опубликовал работы, в которых с позиций психоанализа попытался рассмотреть психологию творчества Гоголя и Пушкина, Д.Халецкий осуществил психоаналитическое исследование личности и творчества Шевченко, Я.Коган исследовал вопрос о роли отождествления в художественном творчестве. А.Гербстман предпри-

нял попытку приложения психоаналитических идей к раскрытию структуры шахматной игры [5].

Разумеется, далеко не все концепции Фрейда принимались советскими учеными. Многие из них (ученых) критически отнеслись к вторжению психоаналитических идей в сферы литературы, философии, социологии, политики. Однако, несмотря на критическое осмысление психоанализа и фрейдизма в целом, неприятие отдельных его допущений и положений, большинство ученых отдавало должное Фрейду в исследовании им человеческой психики и называло его не иначе как «выдающийся психопатолог» (П.Блонский), «один из крупнейших умов Европы» (А. Лурия), «один из самых «бесстрашных» умов нашего века» (Л.Выготский). Лучше всего, пожалуй, можно составить представление об отношении здравомыслящих советских ученых 20-х годов к Фрейду и его учению по высказыванию проф. В.Гаккебуша:

«Было бы страшно в настоящее время, — писал он, — не признавать величайших заслуг Фрейда в учении о бессознательном, или не воздавать ему должное в крайне интересных и, весьма часто, совершенно правильных взглядах на многие невроты, их генез, этиологию, лечение. Я с большим удовольствием читаю его столь горячо и убедительно всегда написанные книги; преклоняюсь перед его острым умом, эрудицией, образованностью, глубиной его обобщений, находчивостью, перед силой обаяния этого крупнейшего из наших современников, ставшего властителем дум современного нам общества эпохи «Заката Европы» [6].

Прошло несколько лет и положение радикально изменилось. В 30-х годах уже не могло быть и речи о каких-либо публикациях оригинальных психоаналитических работ. Одного благожелательного отзыва о Фрейде в исследованиях ученых стало достаточным для того, чтобы они оказались объектом суровой критики. Идеиная обстановка способствовала тому, чтобы Фрейд стал закрытым для тех, кто ранее проявлял к нему живой интерес. В тот период книги Фрейда не сжигались публично в стране, как это имело место в Германии с приходом Гитлера к власти. Однако многие работы по психоанализу оказались за семью печатями и доступ к ним в общественных фондах стал весьма затруднительным. В последующие годы эта тенденция усилилась, в результате чего отдельные книги по психоанализу были изъяты из библиотек, как это произошло, в частности, с работой Г. Малиса «Психоанализ коммунизма» (1924).

Таковы общие вехи подъемов и спадов в развитии русского психоанализа. А теперь попробуем разобраться в том, как, почему и в силу каких причин распространение психоаналитических идей в СССР в 20-е годы сменилось неприятием психоаналитического учения Фрейда в 30-е годы, что наложило заметный отпечаток на последующее отношение к психоанализу.

ПСИХОАНАЛИЗ: ЗА И ПРОТИВ

20-е годы характеризовались становлением и разработкой марксистской философии и психологии в СССР. В различных областях научного знания шли бурные дискуссии, сопровождающиеся поиском новых методов исследования личности, изучения человека, воспитания подрастающего поколения. Распространенные до революции в России теории и концепции подлежали переосмыслению с позиций нарождающейся марксистской науки. Велась бескомпромиссная борьба с субъективно-идеалистическими школами, отвергающими материалистическое понимание мира и человека. В центре теоретических споров оказались возникшие на русской почве физиологическое учение И.Сеченова и рефлексология И.Павлова, появившиеся за рубежом психоанализ и бихевиоризм.

Какое из этих учений отвечает духу марксизма? Возможно ли их дальнейшее развитие с точки зрения материалистической диалектики? С помощью каких методов могут быть научно объяснены взаимоотношения между индивидом и природой, личностью и обществом? Какие идеи и концепции способствуют формированию человека как активного, сознательного строителя нового общества? Эти вопросы во всей своей остроте стояли перед учеными, оказавшимися после революции 1917 года вовлеченными в бурные дебаты о перспективах развития различных научных направлений.

По мере нарастания дискуссий в кругах ученых наметились разнообразные тенденции, сторонники которых выдвигали и отстаивали новые концепции, сопровождающиеся появлением реактологии, педологии, психотехники и ряда иных направлений в отечественной науке. Не последнее место среди них заняло направление, не оформленное организационно, не получившее статус официального признания. Оно включало в себя ученых, придерживающихся различных ориентаций, но сходных в одном — в попытках обосновать точку зрения, в соответствии с которой психоанализ совместим с марксизмом, его богатый эмпирический материал является ценным для научной работы, а его методы исследования могут быть использованы с успехом в условиях революционного преобразования общества. Тех, кто придерживался данной точки зрения, причисляли к фрейд-марксистам или советским фрейдистам, хотя далеко не все из них считали себя таковыми.

Вопрос о совместимости фрейдизма с марксизмом являлся одним из актуальных для советских ученых 20-х годов. Одни из них критически отнеслись не только к попыткам дополнить экономическое учение Маркса психоаналитическими теориями Фрейда, но к фрейдизму как таковому, усмотрев в нем биологизаторские, субъективистские и идеалистические тенденции. К их числу принадлежал ряд философов, психологов, литературоведов, физиологов и медиков, включая М.Аствацатурова, Г.аммеля. Ю.Васильева, В.Волошинова (М.Бахтина), В.Гаккебуша, А.Деборина, Н.Карева, И.Сапира, Ю.Франкфурта, П.Эффруса, В.Юринца. Другие исходили из того, что психоанализ по существу революционен и диалектичен, ставит перед собой задачу изучения цельной личности,

порывает с метафизикой, и идеализмом предшествующей психологии, своим открытием бессознательного входит составной частью в диалектический материализм, а своим обращением к социальным условиям формирования человека продолжает линию развития исторического материализма. Среди тех, кто в той или иной форме, частично, с оговорками или полностью выражал подобные взгляды на психоанализ, были такие ученые, как Б.Быховский, А.Варьяш, Г.Вейсберг, А.Залкинд, Я.Коган, А.Лурия, Г.Малис, М.Рейснер, М.Ширвиндт, Б.Фридман.

Нельзя сказать, что критики психоанализа всецело отрицали заслуги Фрейда в исследовании бессознательного и человеческой психики. Многие из них признавали отдельные позитивные идеи, развиваемые в рамках психоаналитического учения Фрейда. Так, считая, что фрейдизм в целом не может быть принят марксизмом, И. Сапир в то же время подчеркивал то обстоятельство, что марксизм «не может не приветствовать тех ценных открытий, которые сделал фрейдизм в области изучения общих законов строения человеческой личности» [7].

Из недавно опубликованного наследия Л.Выготского явствует, что в своей работе «Исторический смысл психологического кризиса. Методологическое исследование», написанной в 1927 году, он довольно критически относился ко многим теоретическим положениям Фрейда и к попыткам некоторых советских ученых объединить фрейдизм с марксизмом. По выражению Выготского, «гносеологически Фрейд стоит на почве идеалистической философии», психоанализ обнаруживает «консервативные, антидиалектические и антиисторические тенденции» и в целом «не продолжает, а отрицает методологию марксизма». Вместе с тем он подчеркивал, что отнюдь не все в психоанализе противоречит марксизму, а в совместно с А.Лурия написанном предисловии к русскому изданию одной из работ Фрейда отмечал революционный характер психоанализа, величайшую жизненную ценность этого учения и его неисчерпаемые возможности, то, что «само открытие Америки — страны по ту сторону принципа удовольствия — составляет Колумбову заслугу Фрейда, хотя бы ему не удалось составить точную географическую карту новой земли и колонизовать ее» [8].

В.Волошинов, подвергший критике многие аспекты психоанализа и фрейдизма, признавал, что «там, где Фрейд критикует психологию сознания, мы можем всецело к нему присоединиться» [9]. В своем ответе на открытое письмо М.Вульфа, опубликованное в журнале «Современная психоневрология» и содержащее ряд аргументов в защиту психоанализа от обвинений в том вреде, который он может приносить больным, В. Гаккебуш замечал: «Не принимайте нас за противников Фрейда. Нельзя отождествлять этого великого ученого с его последователями, да еще нашими доморощенными. Я преклоняюсь перед великими заслугами Фрейда, перед теми открытиями, какими мы обязаны ему. Но мы не можем не замечать его преувеличений, не должны мечтать о них. И должны всячески бороться против преувеличений и увлечений его особенно ярых последователей» [10].

В свою очередь защитники психоанализа не только акцентировали внимание на заслугах и достоинствах психоаналитического учения Фрейда, но и отмечали его негативные аспекты и сомнительные положения. Так, А. Варьяш, подчеркивающий значение психоанализа в исследовании бессознательного, считает в то же время, что Фрейд «игнорирует экономическую структуру общества», фрейдовское понимание бессознательного «не в состоянии объяснить возникновение классов», а фрейдизм в целом не может прийти «к правильным выводам» [11]. А.Залкинд говорит о «непревзойденной заслуге» Фрейда в углублении наших представлений о человеческой психике и психофизиологических реакциях индивида, но одновременно указывает на присущий его учению «сексуализированный гегелевский идеализм» и эклектизм «с сильным метафизическим душком» [12]. А.Лурия пишет о взвешенном подходе к использованию психоаналитических идей: «Вовсе не надо быть согласным с каждым из многочисленных утверждений Фрейда, вовсе не нужно разделять все его гипотезы, важно лишь суметь за частичными (быть может, и различными по ценности) построениями вскрыть общую тенденцию и суметь использовать ее для целей материалистического объяснения мира» [13].

Да и отношение к совмещению фрейдизма с марксизмом среди ученых, кто признавал ценность и значимость психоаналитического учения Фрейда было далеко не однозначным. Г.Малис исходил из того, что Фрейд — не марксист и, стало быть, не следует ждать от него теоретических положений, выдержанных в духе научного материализма. Другое дело, что его учение содержит в себе плодотворные идеи, которые согласуются с материалистической диалектикой и должны быть, согласно Г.Малису, использованы в процессе создания марксистской психологии [14]. С точки зрения Б.Быховского, диалектико-материалистическое обоснование психоанализа не только возможно, но и необходимо. Однако он же писал: «Либо с Фрейдом, либо с Марксом. Третьего не дано». По мнению А.Залкинда, вклад Фрейда и фрейдизма в науку аналогичен вкладу, внесенному марксизмом и, несмотря на целый ряд недостатков, психоанализ представляет значительный интерес для марксистов [15].

Наиболее ярко выраженным сторонником совмещения фрейдизма с марксизмом был, пожалуй, Б.Фридман. На совместном заседании Общества врачей-материалистов и Общества психоневрологов, где в 1929 году был заслушан и обсужден доклад приглашенного в Коммунистическую Академию зарубежного психоаналитика В. Райха, он подчеркнул: «Вопрос когда-то стоял таким образом — может ли психоанализ как психоаналитическая дисциплина лечь в основу будущей марксистской психологии? Я принадлежу к тем, которые думают, что это так именно и есть. Несомненно, мы еще далеки от этого, но я думаю, что никакой другой метод, никакое другое направление в психологии не содержит в себе тех элементов, которые нам необходимы для построения марксистской психологии» [16].

Дискуссии среди ученых были многочисленными и бурными. Это и понятно, ибо речь шла о революционных преобразованиях в обществе, включая сферу науки. Поэтому нет ничего удивительного, что в пылу полемики можно было услышать упреки, адресованные тем или иным ученым, которые, по мнению их оппонентов, не понимали сути марксизма и в своих увлечениях фрейдизмом, рефлексологией и иными учениями совершали всевозможные ошибки. И если в исторической и экономической науках часто выдвигались обвинения политического характера, то в психологии, педагогике и медицине в начале и середине 20-х годов преобладали все же научные аргументы.

При этом следует иметь в виду, что, несмотря на официальные постановления, направленные, в частности на закрытие Психоаналитического института в 1925 году, ряд видных ученых того времени сочувственно и благосклонно относился к использованию психоаналитических идей в различных сферах науки. Именно это выявилось, например, во время работы II психоневрологического съезда, состоявшегося в 1924 году в Петрограде, а также в последующих научных дискуссиях о применении психоанализа к изучению и перевоспитанию детей, страдающих различными дефектами. По свидетельству очевидцев, В.Бехтерев, в частности, не возражал против Фрейда, трактующего истерию как следствие конфликта между либидо и цензурой [17].

Поэтому в то время вряд ли кто-нибудь мог предсказать с уверенностью, какая из научных позиций одержит верх, получит ли психоанализ статус специально приемлемой научной дисциплины или окажется в опале. И неизвестно, какой была бы судьба психоанализа в СССР, если бы политические и идеологические соображения не возобладали над научными доводами.

ТРОЦКИЙ О ПСИХОАНАЛИЗЕ

Выступая в защиту психоанализа, некоторые ученые апеллировали к таким политическим авторитетам того времени, как Троцкий, Бухарин, Радек. Ссылки на их высказывания о Фрейде, психоанализе и психологии использовались для того, чтобы подкрепить определенную точку зрения. Г. Малис даже взял в качестве эпиграфа к своей книге «Психоанализ коммунизма» вопрошание Троцкого: «Что же такое наша революция, если не бешеное восстание против стихийного бессмысленного биологического автоматизма жизни... во имя сознательного, целесообразного, волевого и динамического начала жизни?» [18].

Ратуя за психоанализ, одни ученые предпочитали опираться на авторитет Бухарина и Троцкого, другие — на авторитет Плеханова и Каутского. У Плеханова и Бухарина брались их рассуждения о психологии, у Троцкого и Каутского — размышления о психоанализе. Известно, что в своих публичных выступлениях Троцкий и Радек высказывали одобрительные суждения о психоанализе. В начале 20-х годов эти суждения

нашли отражение как на страницах газеты «Правда», так и в иных публикациях. В работе «Литература и революция» (1923) Троцкий поднимал, например, такие вопросы: «Что скажут метафизики чисто пролетарской науки по поводу теории относительности? Примирима ли она с материализмом или нет? Решен ли этот вопрос? Где, когда и кем? Что работы нашего физиолога Павлова идут по линии материализма, это ясно и профану. Но что сказать по поводу психоаналитической теории Фрейда? Примирима ли она с материализмом, как думает, например, т. Радек (и я вместе с ним), или же враждебна ему?» [19].

Известно и то, что в течение нескольких лет во время своего пребывания в Вене Троцкий читал работы психоаналитиков, посещал их заседания, имел возможность глубже познакомиться с психоаналитическими идеями Фрейда. Позднее он признавался, что в психоанализе его больше всего поразило сочетание физиологического реализма с беллетристическим рассмотрением душевных явлений. В учении Фрейда ему импонировала идея о подсознательной связи физиологических и психических процессов. В своих работах он неоднократно обращался к проблематике бессознательного, говоря о том, что со свержением монархии человеку удалось изгнать бессознательное из политики, но оно еще крепко сидит в экономике. Задача человека заключается, по его мнению, в том, чтобы поднять инстинкты на вершину сознательности и тем самым создать более высоко организованный общественно-биологический тип.

В сентябре 1923 года Троцкий написал письмо академику Павлову, в котором изложил свои взгляды на взаимоотношение между психоаналитическим учением Фрейда и теорией условных рефлексов. Согласно его пониманию, сублимирование сексуальной энергии, являющейся частью психоанализа, можно рассматривать с точки зрения создания на сексуальной основе условных рефлексов. В целом теория условных рефлексов представляет, на его взгляд, частный случай учения Фрейда, Психоаналитики делают ряд остроумных, хотя и произвольных догадок о физиологических и психических процессах, идут по пути исследования сверху вниз. Сторонники Павлова ставят эксперимент, осуществляя свои разработки методом восхождения снизу вверх. Таково, по мнению Троцкого, взаимоотношение между психоаналитическим учением Фрейда и теорией условных рефлексов Павлова [20].

Рассуждения на эту тему содержались не только в частном письме академику Павлову, но и в публичных выступлениях Троцкого, позднее опубликованных в печати. В частности, он подчеркивал: «И Павлов и Фрейд считают, что дном «души» является физиология. Но Павлов, как водолаз, спускается на дно и кропотливо исследует колодезь снизу вверх. А Фрейд стоит над колодезем и проницательным взглядом старается сквозь толщу вечно колеблющейся замутненной воды разглядеть или разгадать очертания дна. Метод Павлова — эксперимент. Метод Фрейда — догадка, иногда фантастическая» [21].

В своих публичных выступлениях Троцкий недвусмысленно заявлял о поддержке психоанализа. Об этом свидетельствуют, например, его доклад, посвященный проблемам культуры и сделанный им в 1926 г. в клубе «Красная площадь», а также другие выступления аналогичного плана. Размышляя о культуре и социализме, Троцкий обращался к психоанализу, считая, что, в общем, школа венского психоаналитика Фрейда является материалистической. Более того, психоанализ совместим с марксизмом, если, как подчеркивал он, речь идет о фрейдовском учении, а не о «мнимом фрейдизме», своеобразном эротическом баловстве, не имеющем никакого отношения к науке. «Попытка объявить психоанализ “несовместимым” с марксизмом и попросту повернуться к фрейдизму спиной слишком проста или, вернее, простовата. Но мы ни в коем случае не обязаны и усыновлять фрейдизм. Это рабочая гипотеза, которая может дать и, несомненно, дает выводы и догадки, идущие по линии материалистической психологии. Экспериментальный путь принесет в свое время проверку. Но мы не имеем ни основания, ни права налагать запрет на другой путь, хотя бы и менее надежный, но пытающийся предвосхитить выводы, к которым экспериментальный путь ведет лишь крайне медленно» [22].

В конечном счете, при всех оговорках Троцкий благосклонно относился к психоанализу и фрейдизму. И нет ничего удивительного в том, что в своих размышлениях о психоаналитическом учении Фрейда некоторые ученые апеллировали к авторитету этого политического лидера. Но именно данное обстоятельство стало одним из решающих, предопределивших дальнейшую судьбу психоанализа в СССР.

«Нужно сказать, — подчеркивал один из приверженцев психоаналитического учения Фрейда, — что психоанализу в Советской России повезло. Такого дарования и силы марксисты как Троцкий, Радек, Варга, правда мельком, но все же поставили перед имущими марксистами проблему значительного порядка: возможность увязки социологического метода исследования с психоаналитическим» [23]. Однако, как показали последующие события, оценки подобного рода оказались преждевременными, несоответствующими реальному положению дел с точностью до наоборот. Психоанализу не повезло как раз именно потому, что Троцкий, Радек и их последователи выступали в защиту психоаналитических идей. Политические игры, завершившиеся ниспровержением некогда популярных лидеров с Олимпа власти, наложили каинову печать и на русский психоанализ.

СТАЛИН И БОРЬБА С «ТРОЦКИСТСКОЙ КОНТРАБАНДОЙ»

Политическая борьба за власть в конце 20-х годов, сопровождавшаяся изгнанием из страны одних политических лидеров, моральным подавлением других и физическим уничтожением третьих, завершилась со временем диктатурой Сталина, наложившей глубокий отпечаток на все сферы жизни общества. Отразилась она и на последующем развитии науки — разгроме

многих перспективных научных направлений, избиением научных кадров, выдвиганием на передний план ряда сомнительных людей, готовых ради личной карьеры не только заложить свою душу дьяволу, но и отдать на заклятие души талантливых ученых, не искушенных в большой политике.

Если во второй половине 20-х годов дискуссии в философии, психологии и педагогике отнюдь не были окрашены исключительно в политические и идеологические тона, то начало 30-х годов отмечено резким поворотом к политизации и идеологизации научных дебатов. Сталин непосредственно приложил руку к этому повороту в науке, вернее инициировал процесс ее политизации и идеологизации.

9 декабря 1930 года состоялась беседа Сталина с бюро ячейки ВКП(б) Института красной профессуры философии и естествознания. На этой встрече он поддержал группу молодых честолюбивых партийцев (М. Митин, Э. Кольман, П. Юдин), выступивших с критикой А. Деборина, Н. Карева, Я. Стэна, задававших тон в философских дискуссиях на страницах журнала «Под знаменем марксизма». 25 января 1931 года вышло Постановление ЦК ВКП(б) «О журнале “Под знаменем марксизма”», в котором группа Деборина обвинялась в ряде ошибок, в том числе в отрыве философии от политики. В нем содержался также призыв к борьбе против всяческих уклонов от генеральной линии партии, к борьбе на два фронта: с механистической ревизией марксизма и с идеалистическими извращениями его. Говорилось и о необходимости развертывания беспощадной критики всех немарксистских установок в философии, общественных и естественных науках.

Если учесть, что в предшествующие годы редакция «Под знаменем марксизма» считала «одной из очередных задач марксистскую философскую критику Фрейда и фрейдизма с точки зрения диалектического материализма» [24], то можно себе представить, какой участи был удостоен психоанализ и другие зарубежные учения на страницах этого журнала после того, как ведущую роль стал играть в нем М. Митин, обласканный Сталиным и наделенный особыми полномочиями по искоренению инакомыслия в науке. И действительно, журнал «Под знаменем марксизма» превратился в воинствующий орган, обрушивающийся на любые формы проявления инакомыслия не только в философии, но и в иных сферах знания от психологии до физики, от педагогики до математики.

В одном из номеров «Пролетарской революции» за 1931 год публикуется письмо Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма», направленное им в редакцию журнала. В нем Сталин выступил с критикой попыток некоторых теоретиков «протащить контрабандой» в научную литературу «замаскированный научный хлам». Троцкизм именовался им «передовым отрядом контрреволюционной буржуазии». В конечном счете, используя такие выражения, как «галиматья», «жюльническое крючкотворство» и «головотяпство, граничащее с преступлением, изменой рабочему классу», Сталин призвал к непримиримой борьбе с «гнилым либерализмом» и с «троцкистской контрабандой» [25].

Начатая Сталиным кампания за политизацию и идеологизацию науки, за очищение марксизма от скверны инакомыслия не могла не сказаться на радикальном изменении отношения ученых к психоанализу. В философских, психологических и педологических журналах были спешно опубликованы редакционные статьи, в которых содержались призывы к максимальной идеологической бдительности на «научном фронте», к беспощадному разоблачению явных и замаскированных «классовых врагов в науке». В некоторых из них специально говорилось о недопустимости соединения «фрейдизма с рефлексологией» и недооценки «идеалистических фрейдистских извращений в педагогике» [26].

Одна за другой стали появляться авторские статьи, обвиняющие приверженцев фрейдизма в механицизме, меньшевистствующем идеализме, гнилом либерализме, троцкистской контрабанде. А. Варьяша обвинили в механистической ревизии диалектического марксизма и в «прямом скатывании к психоанализу», признав его, наряду с Бухариным, опасной фигурой. А. Залкинда, как одного из руководителей «психоневрологического фронта», причислили к меньшевистствующим идеалистам, которые, по убеждению тех, кто придерживался сталинских указаний, вместо разоблачения всего учения Фрейда ограничились лишь отдельными критическими соображениями в его адрес. Одновременно все отчетливее стали раздаваться призывы к непримиримой борьбе с теми, кто разделял используемые в политических целях теории в психоневрологии, включая «фрейдизм с его психоанализом» [27].

В различных политических грехах и ошибках обвинялись не только советские фрейдисты, но и те, кто на протяжении 20-х годов задавал тон в марксистской критике психоанализа. Если в свое время в журнале «Большевик» Н. Карев выступал против фрейдизма, называя его «теорией загнивающей психики», «трупным червем современной науки», и также разоблачал попытки «притянуть Фрейда за уши к марксизму и коммунизму», то теперь он сам оказался в деборинской группе меньшевистствующих идеалистов, против которых была развернута идеологическая травля. Если А. Деборин подверг резкой критике новейшую «психологию глубин» за ее «крайне реакционные элементы» и некоторых ученых, призывавших к «омоложению» марксизма посредством психоанализа, расценивая подобную тенденцию как «извращение марксизма», то в начале 30-х годов с благословения Сталина сам оказался в числе тех, кого обвинили в политической близорукости. Если В. Юринец приложил все усилия к тому, чтобы «подорвать легенду о материалистических основах фрейдизма», то теперь сам подвергся критике за недостаточно глубокое понимание идеалистической сущности психоанализа. Если в течение ряда лет, редакция журнала «Под знаменем марксизма» публиковала критические статьи о психоанализе и фрейдизме, то в 1931 году руководителей журнала обвинили в серьезных политических ошибках, а также в том, что «деборинские антифрейдисты» вели критику Фрейда с формально-схоластических позиций

и, следовательно, их критика «была бессильна вскрыть его практическую, доподлинную контрреволюционность» [28].

После опубликования письма Сталина в журнале «Пролетарская революция» наступление на психоанализ шло под знаком борьбы с «троцкистской контрабандой». Критики фрейдизма не замедлили воспользоваться призывом Сталина к разоблачению скрытых врагов, прячущихся под маской ученых, стоящих на троцкистских позициях.

В опубликованных в первых номерах журнала «Психология» за 1932 год статьях А. Таланкина, Ф. Шемякина, Л. Гершоновича проводились прямые параллели между троцкизмом и фрейдизмом. А. Таланкин выступил против меньшевистствующего идеализма в психологии, исходя из того, что письмо Сталина ставит перед психологами проблему «большевистской бдительности». Он особо подчеркнул, что «троцкистская контрабанда» не была своевременно разоблачена в психологической науке, ибо «никто иной, как Троцкий, обосновал идею объединения учений Фрейда и Павлова, как основы психологии». Ф. Шемякин и Л. Гершонович специально рассмотрели вопрос о том, как Троцкий и Каутский ревизуют марксизм в психологии. Они критически отнеслись к высказываниям Каутского, согласно которым психоанализ имеет важное значение для марксизма, поскольку он борется против недооценки в человеке силы его влечений. Обвинили Троцкого в том, что он пытался выдать за подлинный марксизм механистическую теорию Павлова, соединенную «с явно идеалистической и метафизической теорией Фрейда — этой одной из наиболее реакционных теорий». Одновременно Ф. Шемякин и Л. Гершонович подвергли разному меньшевистствующих идеалистов — психологов, включая А. Залкина, не сумевших дать правильную критику фрейдизма, а также статью А. Деборина «Фрейдизм и социология», в которой, на их взгляд, была дана лишь незначительная критика выводов последователей Фрейда вместо того, чтобы «решительно ударить и беспощадно разоблачить воинствующий идеализм теории Фрейда, показать ее смыкание с фашизирующей буржуазной наукой, вскрыть на основе ленинских указаний ее классовую природу и враждебность диалектическому материализму».

Троцкий рассматривался как один из идейных вдохновителей, выступавший против материалистической диалектики и боровшийся против марксизма под лозунгом объединения теорий Фрейда и Павлова. Те из ученых, кто усматривал в психоаналитическом учении Фрейда позитивные идеи, приемлемые для марксистской психологии, автоматически причислялись к «троцкистским контрабандистам». Их обвиняли в том, что, разделяя идеи психоанализа, они тем самым отходили и от марксизма, и от ленинизма. Троцкизм — антипод ленинизма, поскольку, как подчеркивали критики, вдохновленные письмом Сталина, «в вопросах об отношении к Фрейду Троцкий противопоставлял себя Ленину» [29].

Те, кто стремился разоблачить троцкизм и разделаться с психоанализом, как правило, приводили высказывание Ленина о Фрейде, сделанное им в беседе с К. Цеткин осенью 1920 года. В «Воспоминаниях о Ленине»,

опубликованных в 1925 году, Цеткин воспроизвела один из фрагментов беседы, в котором упоминалось имя Фрейда. В июне 1925 года в одном из номеров газеты «Правда» обращалось внимание на брошюру Цеткин. Приводились набранные курсивом слова Ленина о Фрейде и делался вывод о том, что над ними следует задуматься тем, кто стремится соединить фрейдизм с марксизмом.

Апеллируя к воспоминаниям Цеткин, критики психоанализа обычно приводили следующее высказывание Ленина: «Теория Фрейда сейчас тоже своего рода модная причуда. Я отношусь с недоверием к теориям пола, излагаемым в статьях, отчетах, брошюрах и т.п. — короче, к той специфической литературе, которая пышно расцвела на навозной почве буржуазного общества. Я не доверяю тем, кто постоянно и упорно поглощен вопросами пола, как индийский факир — созерцанием своего пупа. Мне кажется, что это изобилие теорий пола, которые большей частью являются гипотезами, причем часто произвольными, вытекает из личных потребностей. Именно из стремлений оправдать перед буржуазной моралью собственную ненормальную или чрезмерную половую жизнь и выпросить терпимость к себе. Это замаскированное уважение к буржуазной морали мне также противно, как и любое копание в вопросах пола».

Выврванное из контекста общих размышлений Ленина о женском вопросе и проблемах пола, данное высказывание о Фрейде может восприниматься в плане негативного отношения к психоаналитическому учению. Однако в действительности речь идет о другом — об отношении Ленина к тем дискуссиям по вопросам пола и брака, которые имели место в то время в Германии, об его отношении к популярной литературе, используемой для просветительской работы среди немецких женщин. В беседе с Лениным на эту тему Цеткин сослалась на брошюру одной венской коммунистки о половом вопросе, пользующейся спросом в немецком женском движении. Ленин тут же отреагировал: «Упоминание в брошюре гипотез Фрейда придает ей как будто “научный” вид, но все это кустарная пачкотня». А дальше идет то высказывание Ленина, которое приведено выше. Оно свидетельствует об его критическом отношении к сексуальным теориям, некомпетентно и упрощенно излагаемым в литературе. Об оценке психоаналитического учения Фрейда речь не идет.

Кстати сказать, критически относясь к «кустарной пачкотне» в вопросах пола, Ленин вовсе не отрицал необходимость в серьезном рассмотрении сексуальной проблематики. Обсуждая с Цеткин эти проблемы, он замечал, что в области брака и половых отношений близится революция, созвучная той, которая совершилась в социальных структурах. Более того, он затрагивал даже такие проблемы, которые лишь сегодня, в условиях гласности, стали объектом пристального внимания. Речь идет о проституции. Касаясь этого вопроса применительно к нашему обществу, Ленин говорил буквально следующее: «Вообще проституция и у нас здесь поставит еще перед нами много трудных задач» [30].

Обращая внимание на данные высказывания Ленина, не следует их переоценивать, но нет необходимости и в их недооценке. В конечном счете, дело ведь не в том, одобрял ли он психоаналитическое учение Фрейда или отвергал его, ибо, используя выражение С. Есенина, «Ленин не икона». Фактом остается лишь то, что критики психоанализа апеллировали к соответствующим высказываниям Ленина, толкуя их весьма произвольно, и, разумеется, в свою пользу. Точно также как это делали последующие идеологи, непременно ссылающиеся в своих работах на партийные документы или на высказывания государственных лидеров. В этом как раз и проявляется одна из наиболее типичных установок, связанная с идеологизацией и политизацией науки.

Отвергая психоанализ, некоторые критики ссылались не только на предвзято истолкованные слова Ленина о Фрейде, но и на высказывания Крупской о нем. Особо обращалось внимание на данную Крупской в 1923 году оценку Фрейда, согласно которой он непомерно раздувает роль полового чувства в поступках людей, а многие его объяснения подсознательных поступков являются искусственными, натянутыми, проникнутыми буржуазно-мещанскими взглядами на женщину. При этом или не учитывались иные высказывания Крупской или сознательно умалчивалось о том, что ее отношение к Фрейду и психоанализу не было столь однозначным, как это представлялось наиболее рьяным критикам психоаналитического учения.

Между тем в июне 1932 года, участвуя в проходивших в Коммунистической Академии дискуссиях по поводу педологии и ее задачах, Крупская специально остановилась на замечаниях Ленина о необходимости всестороннего изучения детей. В этой связи она подчеркнула: «Неправильно будет в пылу критики фрейдистов вместе с водой выплеснуть и ребенка, отказаться от использования ценного материала по вопросу о переводе подсознательных импульсов в сознательные, что является чрезвычайно важной для нас педагогической задачей» [31]. Одновременно Крупская обратила внимание участников дискуссии на перегибы, имевшие место среди ученых, публично раскаивающихся в своих былых увлечениях психоаналитическим учением Фрейда. Речь шла, в частности, об А.Залкинде, который в статьях и публичных выступлениях стал признавать свои «политически вредные» ошибки, состоящие в том, что он не подверг «уничтожающей критике» всю фрейдовскую методологию.

Крупская была одной из немногих, кто решался в 30-е годы призывать к разумному, взвешенному отношению к психоанализу. Можно упомянуть и С. Рубинштейна, который, вопреки усиливающейся идеологической критике психоаналитического учения Фрейда, в одной из своих работ писал: «Наряду с ложными методологическими идеями он (психоанализ — *В. Л.*) включает в себе ценный конкретный клинический материал о природе влечений, неразработанной до него главы психологии и ряд идей, которые психология в своем дальнейшем развитии не сможет не учесть» [32]. Заслуживает внимания, пожалуй, и позиция П.Блонского, ибо его критическое отношение

к сексуальным теориям Фрейда основывалась на эмпирическом материале и научной аргументации [33], а не на идеологических соображениях, превалирующих на страницах разнообразных публикаций, посвященных разному психоанализу.

В начале 30-х годов в СССР была развязана широкая и мощная кампания не только по критике, но и по ниспровержению психоанализа. В научных учреждениях и учебных институтах создавались специальные комиссии, подвергшие переоценке теоретическую и практическую деятельность ученых. Так, в декабре 1930 — марте 1931 годов проходил «смотр» кафедр в Академии коммунистического воспитания, в результате которого были вскрыты «идеологические ошибки» Л.Выготского, А.Лурия, А.Залкина и других ученых, проявивших «недостаточную бдительность» по отношению к психоанализу и фрейдизму [34]. На научных конференциях и в печати все настойчивее стали звучать призывы к критике и самокритике, к публичному отречению ученых от их «идеологически неправильных» взглядов.

В работе «Достоевский и отцеубийство» (1927) Фрейд обращал внимание на склонность некоторых людей попеременно то грешить, то каяться. Но он явно не представлял себе такую парадоксальную ситуацию, когда ученым приходилось раскаиваться в грехах, не совершенных ими ни в мыслях ни в поступках. Тем не менее подобная ситуация имела место среди целого ряда советских ученых, в той или иной степени обращавшихся к осмыслению психоаналитических идей и фрейдизма в целом.

Одни из них публично признавались в своих ошибках, связанных с некритическим упоминанием имени Фрейда. Так поступил, например, В. Торбек, заявивший, что в одной из своих работ, опубликованных в 1930 году, ему не следовало упоминать Фрейда без того, чтобы пусть даже вкратце не указать «на всю методологическую неприемлемость учения». Необходимо было, каялся он, отчетливо заявить о том, что теория Фрейда является «биологизаторской и антимарксистской», она по сути дела реакционна, «несовместима с представлением о классовой сущности процесса развития и о классовых задачах воспитания» [35].

Другие, подобно А.Залкину, прибегнули к покаянию, не только отрекаясь от психоанализа и изобличая себя во вредительстве, но и призывая других ученых к саморазоблачениям. Если в 20-х годах Залкин писал о том, что фрейдизм дает «ценнейшее обоснование для классового понимания и классового построения «психической», творческой направленности человека», то в 30-х годах он уже говорил о «политической опасности» фрейдизма, о собственном «лжефрейдизме» и доли вины за «остатки фрейдовской популярности» в стране, о своей «философской близорукости», не позволившей понять «философскую чепуху фрейдизма», и укреплении диктатуры пролетариата, навсегда вбивающей «осиновый кол в могилу советского фрейдизма». Если в опубликованной в 1930 году работе «Половое воспитание» А. Залкин высказывал критические замечания в адрес фрейдизма и в то же время признавал ценность некоторых идей Фрейда, то

после развернувшейся идеологической кампании, инициированной письмом Сталина, он не только признавался в «крупной ошибке» данной работы, заключавшейся в том, что он не подверг «резкой, уничтожающей критике всю фрейдовскую методологию в целом», но и говорил о содержащемся в ней отзвуке «фрейдовской сексуализации психики человека» и «политически вредной переоценке роли сексуального» [36].

Третьи избрали умеренную позицию, свернув свои исследования по психоанализу и сделав уступки официальной идеологии, насаждающей и поощряющей атмосферу отречения от зарубежных идей и концепций. К их числу относится, в частности, А.Лурия, который в середине 20-х годов работал над книгой «Принципы психоанализа и современный материализм», опубликовал первую главу из этой рукописи, но позднее переключился на иные исследовательские задачи. При этом ему пришлось пойти на компромисс и отказаться от ранее высказанной им мысли о психоанализе как монистической системе. «Эта мысль, — писал он в 1932 году, — по существу не совместимая с построением марксистской психологии, руководила целым рядом работ автора, и нужен был ряд лет, чтобы враждебная марксизму сущность этих биологизаторских тенденций психоанализа была им полностью осознана» [37]. Можно представить себе убийственную (в прямом и переносном смысле слова) политическую и идеологическую обстановку того времени, когда Лурия, являвшийся активным членом русского психоаналитического общества, лично переписывающийся с Фрейдом и высоко оценивающий его вклад в развитие науки был вынужден прибегать к подобному рода заявлениям во имя дальнейшего продолжения своей исследовательской деятельности как ученого.

На страницах многих журналов развернулась такая резкая, переходящая в огульные обвинения политического характера критика ученых, что мало кто из них мог открыто отстаивать свои взгляды, не рискуя оказаться в опале. Покаяние стало широко распространенным. Причем, раскаявшись в своих ошибках, некоторые «грешники» стремились переложить вину на других ученых, обвиняя их в самых различных прегрешениях. Так, Б.Ананьев не только признавался в некогда совершенных им ошибках — поддержка «скверных традиций буржуазной науки» — и выражал свою приверженность официальной идеологии, говоря о том, что работы Сталина образуют «единственно верный критерий по отношению к истории психологической науки», но и критиковал «историзм» Л. Выготского и А. Лурия, ведущий, по его словам, к «идеалистической ревизии исторического материализма и его конкретизации в психологии» [38].

Поэтому стоило лишь только в каком-либо исследовании положительно отозваться об основателе психоанализа или его идеях, как оно немедленно подвергалось идеологической критике. Так и случилось, например, с работой «Основные течения современной психологии» (1930), в которой М.Ширвиндт назвал Фрейда «Достоевским современной психологии» [39]. Критики тут же обратили внимание на появление, по их выражению, «сугубо беспартийной книги, заслуживающей самого сурового

осуждения и отпора», и со ссылками на письмо Сталина подчеркнули, что она «лишний раз сигнализирует о недостатках работы на фронте психологии и указывает на необходимость усиления бдительности» [41].

Упомянутое выше письмо Сталина было взято на вооружение многими радикально настроенными философами, психологами и педагогами, использовавшими его в качестве неопровержимого аргумента в борьбе с теми учеными, кто пытался отстаивать свои идеи и концепции, ссылаясь на различные соображения научного порядка. Это нашло отражение практически во всех философских, психологических и педологических журналах того периода. Вот характерная выдержка, содержащаяся в одном из таких журналов: «Письмо т. Сталина, со всей остротой поставившее задачу поднятия на всех участках нашей работы воинствующей партийности, задачу развернутой и углубленной самокритики, задачу пересмотра нашей теоретической продукции под углом зрения выкорчевывания всяких антимарксистских, антиленинских установок, “теорий”, ошибок, является знаменем всей нашей работы на теоретическом фронте» [41].

В обстановке непрерывного идеологического давления, поощряющего изощренную критику, самобичевание и покаяние, многие ученые отвернулись от психоаналитического учения Фрейда. И нет ничего удивительного в том, что ряд исследователей, ранее апеллировавших к психоанализу, позднее старался в лучшем случае не вспоминать о былых увлечениях, а в худшем — отречься от своих убеждений. Показательная в этом отношении позиция Б. Быховского, уделившего в свое время значительное внимание рассмотрению психоанализа. Так, в 1923 году он пришел к выводу, что в своей основе психоанализ представляет собой учение, проникнутое «материализмом... и диалектикой, то есть методологическими принципами диалектического материализма». Через два года (1925) в предисловии к опубликованной в 1926 году работе о психоанализе Б. Быховский указывал на некоторые ошибки, свойственные психоаналитическому учению, и в тоже время подчеркивал, что «несовершенные искания Фрейда чреваты многими ценными мыслями и перспективами, которые следует извлечь и взрастить на плодотворной почве диалектического материализма». Год спустя он уже подвергал критике социологические взгляды Фрейда, ведущие к «идеалистическому пониманию истории». А после публикации письма Сталина решительно отказывался от своей ранее написанной книги «Очерк философии диалектического материализма» (1929) и осуждал ее последующее издание на белорусском языке [42].

Такова была общая ситуация подавления не только инакомыслия, но и любого проявления личностной позиции, не вписывающейся в русло «воинствующей партийности». Она заставляла целый ряд ученых поступаться своими взглядами, возлагать на себя вину за различные прегрешения и публично каяться перед «истинными марксистами».

В конечном счете, политическая и идеологическая борьба в науке с «троцкистской контрабандой» завершилась изгнанием психоанализа и

фрейдизма из лона отечественной теории и практики. Психоаналитическое учение Фрейда о бессознательном было объявлено реакционным, классово чуждым, враждебным марксизму и отражающим, наряду с другими западными теориями, «глубокий кризис» буржуазной науки [43].

Когда основатель психоанализа узнал об этом, он не мог понять, почему большевики считают, что психоанализ враждебен их системе. Наша наука, подчеркивал он в одном из писем, датированных 1927 годом, «не способна стать на службу какой-либо партии» [44]. И только в дальнейшем Фрейд пришел к заключению, что в русском большевизме теоретический марксизм создал «запрет на мышление» [45]. Этим как раз и объясняется, на его взгляд, негативное отношение к психоаналитическому учению в СССР.

Как бы там ни было, но в условиях тотального подавления инакомыслия любые попытки ученых обратиться к позитивным идеям психоанализа стали восприниматься в 30-х годах в нашей стране как нечто крамольное, недозволенное, политически и идеологически преследуемое. Эта тенденция сохранилась на долгие годы, в результате чего многие проблемы, касающиеся осмысления бессознательных процессов, раскрытия механизмов психологической защиты и понимания явлений массовой истерии, оказались вне поля зрения серьезных академических исследований.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И ПСИХОАНАЛИЗ

Не берусь судить о том, как Сталин лично относился к психоанализу, ибо не располагаю достоверными сведениями на этот счет. Известно, что в 20-е годы существовал специальный детский сад, где в воспитании детей применялись психоаналитические методы и подходы. Поглощенный политическими интригами и не уделявший особого внимания детям, Сталин вряд ли имел возможность оценить результаты использования психоаналитического метода в воспитании подрастающего поколения. Было бы, видимо, некорректно говорить и о том, что, коль скоро Троцкий выступал в защиту психоанализа, то Сталин непременно занимал противоположную позицию. Не секрет, что, одержав победу над Троцким, он впоследствии брал на вооружение его некоторые идеи, выдавая их, разумеется, за свои собственные или маскируя под Ленина. Поэтому без знания необходимых подробностей трудно судить о действительном отношении Сталина к психоанализу.

Однако, полагаю, дело вовсе не в том, был ли Сталин осведомлен о психоаналитическом учении Фрейда. Более важно то, что политическая культура пришедших после Октябрьской революции к власти людей способствовала созданию той системы, которая не только породила тиранию Сталина, но и долгое время после его смерти воспроизводила саму себя и духовную атмосферу, накладывающую существенный отпечаток на развитие многих научных направлений. В системе, где доминировала антицивилизационная политическая культура, не так-то легко было выжить инакомыслию, не отвечающему канонам догматически истолкованного

марксизма. Воспринятое на отечественной почве русской науки психоаналитическое учение Фрейда — одна из многих жертв, принесенных на алтарь очищения марксизма от скверны инакомыслия.

Развязанная Сталиным борьба с «троцкистской контрабандой» в науке несомненно способствовала сперва изгнанию психоаналитических идей из сознания многих ученых, а затем приобретению стойкого иммунитета против возможного их вторжения со стороны современной западной культуры. Но имелись, на мой взгляд, и другие не менее существенные основания для неприятия психоанализа в период зарождения культа и тирании Сталина. Психоанализ с его методами вторжения в глубинные пласты личности, с попытками проникновения по ту сторону сознания человека и раскрытия логики возникновения бессознательных процессов как на индивидуальном личностном уровне, так и в общественной жизни, представлял потенциальную опасность для политической культуры, породившей репрессивный аппарат массового подавления инакомыслия.

В самом деле, разве не опасно для «отца народов» учение, рассматривающее историю развития человечества через призму убийства детьми отца-вожака на заре становления первобытного общества? Разве можно допустить распространение идей, согласно которым в каждом человеке жив «эдипов комплекс», психоаналитически трактуемый в плане извечного двойственного отношения сына к своему отцу, одновременно его любящего и ненавидящего, испытывающего перед ним страх и стремящегося занять его место в жизни? Следует поощрять восхищение отцом, его обожествление. Поддерживать животный страх перед его могуществом и властью. Но вот допускать возникновение чувств ненависти и тем более мыслей о возможном ниспровержении, убийстве отца! Это значит — рубить сук, на который удалось забраться по груде трупов, перемолотых во «всероссийской мясорубке».

Опасность психоанализа состояла и в том, что некоторые ученые, апеллирующие к психоаналитическим идеям, начали посягать на такие святыни, как коммунизм и партия. Чего стоит одно название книги Г.Малиса «Психоанализ коммунизма»! Но в ней хоть не подвергалась сомнению сама идея коммунизма как светлого будущего. Напротив, опираясь на психоаналитическое учение Фрейда, Г.Малис исходил из того, что в коммунистическом обществе будут устранены конфликты между индивидуальными стремлениями и социальными запросами и что, когда общественный строй явится «социальным претворением бессознательного мира человека», тогда человечество «освободится от бесплодной борьбы с лежащим вне сознания прошлым и совершит свой великий прыжок «из царства необходимости в царство свободы» [18].

В других же исследованиях высказывались крамольные мысли, не только подвергшие сомнению целесообразность пролетарской революции, но и дающие повод рассматривать коммунистические идеалы, как возврат к инфантильному состоянию людей. Такая тенденция отчетливо просматривалась в работе венгерского автора А. Кольнаи «Психоанализ и

социология» (1921), в которой говорилось о регрессивном характере всякой революции, пролетарской диктатуре как диктатуре вождей против самого пролетариата, коммунизме как возврате к первобытной орде с ее всемогущим отцом-вожаком или отцом-вождем, подчиняющим своей власти всех остальных ее членов.

Правда, подобное использование психоаналитических идей в социологии вызвало резкую критику со стороны ряда советских ученых. В частности, А. Деборин охарактеризовал взгляды А. Кольнаи как реакционные, а фрейдовскую концепцию убийства отца в первобытной орде как ложную и неприемлемую для объяснения истории развития человечества. «Вождь партии или определенного идейного направления, — писал он, — ничего общего не имеет ни с первобытным отцом, ни с господином, ибо его «власть» покоится не на насилии, а на убеждении и на общности взглядов, выразителем и представителем которых он является» [46]. Однако реалии жизни советского общества 20-х и последующих годов ставили перед критически мыслящими учеными такие вопросы, которые заставляли их по-новому осмысливать противоречия, связанные с борьбой за власть в партийном аппарате.

Некоторые ученые предприняли попытку рассмотрения бессознательных комплексов, оказывающих воздействие на формирование политических принципов и классового самосознания. В. Розенберг, например, размышлял о возможностях «обработки мозга индивида» посредством идейного убеждения и внушения. Он полагал, что в том случае, когда человека исключали из партии в результате очередной «чистки», часто вся его пролетарская идеология «затормаживается, угасает, отрывается быстро, как хвост у ящерицы, — область сознательного захватывают загнанные в подсознание вредные комплексы» [47].

В. Внуков обратился к исследованию психопатологии социального быта, показав с психоаналитических позиций, как происходит срастание этических оценок с сексуальными переживаниями и каким образом создается сложное символическое отношение между иллюзией и действительностью, иллюзорным миром и реальным бытием людей. Он обратился к осмыслению Октябрьской революции, пытаясь выявить ее влияние на интимные стороны эмоциональной жизни революционеров и участников гражданской войны. Рассматривая конкретные случаи, В. Внуков пришел к выводу, что у многих больных конфликтные ситуации создаются в силу столкновения их предшествующих буржуазных установок с новой ролью революционеров. По его мнению, революционер, вздыбившийся на самого себя, напоминает молодого человека, который «впервые приступает к коитусу и не может выполнить его», а его эмоциональный тонус и соответствующие представления, особенно ярко проявляющиеся в болезненном состоянии, нередко идут «по линии персонификации своей социальной вины в образе В.И. Ленина» [48].

Осуществлялись также исследования, предусматривающие раскрытие и объяснение «патологии партийцев», когда внимание акцентировалось на

тяжелых «невротических комплексах политического характера». Так, А.Залкинд предпринял анализ негативных сторон партии, стремясь вскрыть ее «язвы и гнойники». Он предложил социально-биологическую классификацию членов партии, выделив среди них шесть групп. «Фронтеры», активно работающие в партии, но не приспособившиеся к новым условиям жизни в период НЭПа и занимающиеся склочничеством, подсиживанием коллег, разоблачением различных группировок и уклонов в партийных рядах. «Болеющие», направляющие свою нерастрченную эмоциональность во внутрь, болезненно воспринимающие происходящие в жизни изменения и осуществляющие «бегство в болезнь». «Сексуалисты», направляющие эмоции в сторону «полового прорыва», заменяющие ненависть к политическим врагам и ярость борьбы за власть любовной ревностью и жадой половых обладаний. «Выплескиватели», направляющие свою эмоциональность в русло искусственного возбуждения, будь то алкоголизм или наркомания. «Хищники», эгоизирующие эмоциональность, направляющие ее на карьеризм, материальное преуспевание в жизни. И, наконец, те члены партии, у которых наблюдается дезорганизация эмоциональности вследствие непривычки к умственному труду и перенапряжения, связанного с глубоким чувством ответственности за порученное дело и неспособностью с ним справиться в результате недостаточной компетенции.

А.Залкинд считал, что особо следует обратить внимание на группу партийцев, охарактеризованную им как «хищники». Эта группа «чрезвычайно опасна как той злобой, которую она своим карьеризмом вызывает внутри партийных масс, так и тем опорочивающим значением, которое она имеет для партии вовне». Вызывает беспокойство и группа тех партийцев, у которых, согласно А.Залкинду, вечное перенапряжение «опустошает постепенно их эмоциональную жизнь, выжимая из нее всю энергию для питания гигантских сверхмерных умственных усилий, не оставляя в итоге места для свободных гибких, творческих проявлений» [12].

И хотя А. Залкинд полагал, что партия достаточно разумна, чтобы не бояться обнаружить свои «язвы и гнойники», тем не менее его размышления об «одичании партийцев» как самой страшной «болезни партии», о партийной группе «хищников», впоследствии переросшей в клан тех, кто на протяжении многих лет совершал должностные преступления, и о нетворческих работниках, способствовавших процветанию партийной бюрократии, — все это не могло не встретить негативного отношения со стороны властвующей элиты.

Не случайно исследования подобного рода были пресечены самым решительным образом. Не случайно и то, что психоанализ был разбит в пух и прах, ибо он действительно был потенциально опасным для политической культуры, возвращающей систему чудовищного подавления всякого инакомыслия независимо от того, находились ли его носители у подножия или на вершине государственной пирамиды власти.

* *

*

В 20-е годы ученые могли, разумеется, взывать к разуму и совести исследователей, обративших свой взор на психоанализ и пытавшихся разобраться в существе психоаналитического учения Фрейда. «Многие критики, — писал Я. Коган, — не дали себе даже труда проверить факты, на основании которых были созданы те или иные положения психоанализа. Те же из них, которые подходили без предвзятости к фактам и наблюдениям, опубликованным психоанализом, неизбежно склонялись в сторону положительной оценки его» [49].

Можно было также сетовать на то, что, к сожалению, ряд медиков, психологов и педагогов не сумел по достоинству оценить заслуги Фрейда в сфере изучения человеческой психики. «Везде и всегда, — замечал И.Перепель, — гениальная личность опережает свое поколение И жалкие современники плетутся в хвосте, падая под бременем непосильной для них мысли. Сколько же человечеству понадобится на то, чтобы понять и оценить гениальное творчество Фрейда и подняться на самый гребень вспененной им волны, не рискуя захлебнуться» [50].

В конце 20-х и даже в начале 1930 года можно было еще позволить себе положительно отзываться о фрейдизме, а также о других зарубежных течениях, включая бихевиоризм и структурализм. «Поскольку эти течения современной психологической науки, в качестве исходных методологических положений, принимают положения диалектического материализма, постольку, — замечал Б. Фрингер, — они по отношению к общей задаче построения марксистской психологии... пока еще могут считаться попутчиками».

Однако с началом организации Сталиным широкой кампании по разоблачению скрытых врагов в науке все предшествующие призывы к разуму в научной оценке психоанализа оказались подавленными идеологическими и политическими соображениями. Теоретические дискуссии и ошибки по поводу психоаналитического учения Фрейда обернулись преследованием и гонением тех, кто так или иначе соприкасался с психоаналитическими идеями. Наиболее стойких, не признавших своих «ошибок» постигла тяжелая участь, как это случилось, в частности, с А.Варьяшем, оказавшимся в заключении. Публичное отречение от психоанализа, покаяние в политических грехах отнюдь не всегда способствовало сохранению жизни, которая могла оборваться в любую минуту, как это произошло с А.Залкиндом в 1936 году.

В условиях жесткого политического и идеологического прессинга, сопровождающегося репрессиями и физическим уничтожением инакомыслящих, психоанализ сошел со сцены отечественной науки. В 40-е годы о нем вообще не упоминалось. Во второй половине 50-х годов о нем снова заговорили, но в основном в плане непримиримой идеологической борьбы «с антинаучными и реакционными» психоаналитическими концепциями.

Проведенное в октябре 1958 года в Москве по инициативе Президиума Академии медицинских наук СССР научное совещание по вопросам идеологической борьбы с современным фрейдизмом вновь продемонстрировало живучесть сталинских установок на политизацию и идеологизацию науки. И хотя именно в это время началось развенчание культа Сталина, тем не менее со ссылками на решения XX съезда КПСС на данном совещании в качестве исходной установки подчеркивалось, что мирное сосуществование противоположных систем не должно вести к ослаблению в идеологической борьбе и, следовательно, советские ученые должны развернуть более активное наступление на фрейдизм, который расценивался не иначе «как средство одурманивания масс в интересах империализма, как идейное оружие в борьбе против марксизма» [52].

В настоящее время в результате процессов демократизации, способствующих духовному возрождению общества, происходит радикальное переосмысление предшествующей истории развития советской науки. Меняется отношение и к психоанализу. Вновь издаются и переиздаются работы Фрейда [53]. На страницах научных изданий и периодической печати звучат трезвые оценки психоаналитических идей и концепций [54].

Есть основания полагать, что переосмысление идейного наследия Фрейда не будет более окрашиваться в уродливые политические и идеологические тона, как это имело место в конце 20-х — начале 30-х годов. Хочется думать, что суровые и болезненные уроки прошлого, связанные с репрессиями в науке и подавлением инакомыслия в обществе, не пройдут бесследно ни для современников, ни для того подрастающего поколения, которое в недалеком будущем робко или уверенной поступью войдет в храм научного знания и познания. И те, и другие могут почерпнуть много ценного и полезного из истории развития психоанализа в нашей стране, ибо обращение к историческому материалу не только способствует пониманию всех сложностей и противоречий предшествующего развития, но и заставляет задуматься над бессознательными процессами, драматически развертывающимися как на индивидуально-личностном уровне, так и в сфере формирования массового умонастроения, миропонимания и практического действия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Фельцман О. Б.* К вопросу о психоанализе и психиатрии. — М., 1909, с. 24.
2. *Лихницкий В. Н.* Психотерапия и психоанализ. Одесса. — Москва, 1912, с. 45.
3. *Фрейд З.* Очерк истории психоанализа. Одесса, 1919, с. 23.
4. См.: напр.: *Асатиани М. М.* Психоанализ одного случая истерического психоза. — «Психотерапия», № 4–5, 1910; *Вырубов Н. А.* К психоанализу ненависти. — «Психотерапия», № 4–5, 1911; *Певницкий А. А.* О психоанализе при лечении алкоголиков. — «Психотерапия», № 1, 1912; *Белобородова Л. Я.* Психоанализ случая истерии. — «Психотерапия», № 2, 6, 1912.
5. *Вульф М. В.* К психоанализу кокетства. — «Современная психоневрология», № 3–4, 1925; *Перепель И. А.* Опыт применения психоанализа к изучению детской дефективности.

- Л., 1925. *Рыжов В.* Психоанализ как система воспитания. — «Путь просвещения», № 6, 1922; *Смирнов Д. А.* Общая педология. Днепропетровск, 1927, с. 94–95, 105; *Балик Д. А.* Аналитические и синтетические методы изучения читателя. — «Библиотечное обозрение», № 1–3, 1927, с. 59–61; *Гайворонский А. А.* Основы психотехники политпросветработы, Минск, 1928, с. 105; *Рубакин Н. А.* Психология читателя и книги. М.-Л., 1929, с. 220–227, 233–243; *Ермаков И.* Очерки анализа творчества Н. В. Гоголя. М.-Пг., 1923; его же «Этюды по психологии творчества А. С. Пушкина». М.-Пг., 1923; *Халецкий А. М.* Психоанализ личности и творчества Шевченко. — «Современная психоневрология», № 3, 1926; *Коган Я. М.* Отождествление и его роль в художественном творчестве. Одесса, 1926; *Герbstман А.* Психоанализ шахматной игры (опыт толкования). М., 1925.
6. *Гаккебуш В. М.* К критике современного применения психоаналитического метода лечения. — «Современная психоневрология», № 8, 1925, с. 91.
7. *Сапир И. Д.* Фрейдизм и его марксистская оценка. — «Молодая гвардия», № 1, 1925, с. 131.
8. *Выготский Л. С., Лурия А. Р.* Предисловие. — В кн.: *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия. М., 1925, с. 13; *Выготский Л. С.* Собр. соч., т. 1, 1982, с. 332.
9. *Волошинов В. Н.* Фрейдизм. Критический очерк. М.-Л., 1927, с. 127.
10. *Вульф М.* Открытое письмо проф. В. М. Гаккебушу. — «Современная психоневрология», № 3, 1926, с. 354–359; *Гаккебуш В.* Ответ председателю русского психоаналитического Общества д-ру М. В. Вульфу. — «Современная психоневрология». № 3, 1926, с. 360.
11. *Варьяш А.* По поводу одного «нового переворота». — «Воинствующий материалист», кн. 3. 1925, с. 311; его же «Фрейдизм и его критика с точки зрения марксизма». — В сб.: Диалектика в природе. Вологда, 1926, с. 56–60
12. *Залкинд А.* Очерки культуры революционного времени. М., 1924, с. 60.
13. *Выготский Л. С., Лурия А. Р.* Предисловие, с. 16.
14. *Малис Г.* Пути психологии. Л., 1929, с. 104–105.
15. *Быховский Б.* Генеомические воззрения Фрейда. — «Под знаменем марксизма». №9–10, 1926. с. 184; *Залкинд А.* Фрейдизм и марксизм. — «Красная новь». № 4, 1924, с. 185.
16. «Естествознание и марксизм», № 4, 1929, с. 120.
17. *Даян Г.* Второй психоневрологический съезд — «Красная новь», № 3, 1924. с. 232.
18. *Малис Г.* Психоанализ коммунизма. Харьков, 1924.
19. *Троцкий Л.* Литература и революция. М., 1923, с. 162.
20. *Троцкий Л.* Соч. т. XXI, М.-Л., 1927, с. 260; *Троцкий Л.* Литерат. революция, с. 189.
21. *Троцкий Л.* Культура и социализм. — «Новый мир», кн. 1, 1927, с. 171–172.
22. *Троцкий Л.* Соч. т. XXI. с. 430–431.
23. *Внуков В. А.* Миф и действительность. Опыт психопатологии социального быта. М., 1924, с. 152.
24. «Под знаменем марксизма», № 8–9, 1924, с. 51.
25. *Сталин И. В.* О некоторых вопросах истории большевизма. — «Пролетарская революция», № 6, 1931, с. 3–12.
26. См.: Итоги философских дискуссий. — «Под знаменем марксизма», № 10–12, 1930, с. 15–24; Итоги обсуждения письма т. Сталина в парторганизацию ИКП философии — «Под знаменем марксизма», № 11–12, 1931, с. 1–14; О положении на педагогическом фронте. — «Педология», № 7–8, 1931, с. 8–11; Письмо т. Сталина и методологическая бдительность на педологическом фронте. — «Педология», № 5–6, 1931, с. 2.
27. *Таланкин А. О.* О повороте на психологическом фронте. М.-Л., 1931, с. 15.
28. *Карев Н.* Марксистская критика и критика марксизма. — «Большевик», № 10, 1924, с. 56; его же рецензия на книгу Г. Малиса «Психоанализ коммунизма», «Большевик», № 14, 1924, с. 122; *Деборин А.* Фрейдизм и социология. — «Воинствующий материалист», кн. 4,

- 1925, с. 3, 37; *Юринец В.* Фрейдизм и марксизм. — «Под знаменем марксизма», № 8–9, 1924, с. 63; «Педология», № 3, 1931, с. 11.
29. *Таланкин А.* Против меньшевистствующего идеализма в психологии — «Психология», № 1–2, 1932, с. 39; *Шемякин Ф. и Гершинович Л.* Как Троцкий и Каутский ревизуют марксизм в вопросах психологии. — «Психология», № 1–2, 1932, с. 7, 10.
30. *Цеткин К.* Воспоминания о Ленине. М., 1955, с. 43, 44.
31. «Педология», № 4, 1932, с. 103.
32. *Рубинштейн С. Л.* Основы психологии. М., 1935, с. 33.
33. *Блонский П. П.* Очерки детской сексуальности. М.-Л, 1935.
34. *Муковнин А. К.* К итогам смотра кафедр педологии и психологии в академии комвоспитания им. Крупской — «Педология», № 4, 1931, с. 79–83.
35. *Торбек В. М.* О моих ошибках в книге «Педология в дошкольном возрасте». — «Педология», № 1–2, 1932, с. 45.
36. *Залкинд А.* Фрейдизм и марксизм, — «Красная новь», № 4, 1924, с. 184; его же «Дифференцировка на педологическом фронте». — «Педология» № 3, 1931, с. 11; За марксистско-ленинскую методологию в воспитании. «О половом воспитании», — «Педология», № 1–2, 1932, с. 18–19.
37. *Лурия А. Р.* Психоанализ как система монистической психологии. — В кн.: Психология и марксизм. Под ред. К. Н. Корнилова. Л., 1925, с. 47–80. Другие его работы: — Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии. Казань. 1923; Кризис буржуазной психологии. — «Психология», № 1–2, 1932, с. 72; «Построенная психоанализом система психологии, — писал А. Лурия в середине 20-х годов, — несравненно больше удовлетворяет тем методологическим требованиям, которые выставляет всякая позитивная наука, которые отчетливо формулировал диалектический материализм» (*Лурия А. Р.* Психоанализ как система монистической психологии, с. 55.)
38. *Ананьев Б. Г.* О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии. — «Психология», № 3–4, 1931, с. 330, 332, 341.
39. *Ширвиндт М. Л.* Психоанализ. — В кн.: *Выготский Л., Геллерштейн С., Фингер Б., Ширвиндт М.* Основные течения современной психологии, М.-Л., 1930. с. 127,
40. «Психология», № 1–2, 1932, с. 228.
41. Письмо т. Сталина, решения XVII Всесоюзной конференции и философский фронт. — «Под знаменем марксизма», № 9–10, 1931, с. 8.
42. *Быховский Б.* О методологических основаниях психоаналитического учения Фрейда. — «Под знаменем марксизма», № 11–12, 1923, с. 169; Генеомические воззрения Фрейда. — «Под знаменем марксизма», № 9–10, 1926, с. 194; Метапсихология Фрейда, Минск, 1926; См.: «Под знаменем марксизма», № 9–10, 1931, с. 262.
43. См.: Фашизм в психоневрологии. Составили Л. С. Выготский, В. А. Гиляровский и др. М.-Л., 1934. с. 6.
44. *Lobner H. and Levitin V. A.* A Short Account of Freudism: Notes on the History of Psychoanalysis in the USSR. — «Sigmund Freud House Bulletin», v. 2, № 1, p. 14.
45. *Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989, с. 414.
46. *Деборин А.* Фрейдизм и социология. — «Воинствующий материалист», кн. 4, 1925, с. 34.
47. *Розенберг В. Л.* Рефлексология и педагогика Ростов-на-Дону, 1926, с. 84
48. *Внуков В. А.* Миф и действительность, с. 88, 90.
49. *Коган Я. М.* Предисловие. — В кн.: *Фрейд З.* Психоаналитические этюды. Одесса, 1926, с. 5.
50. *Перепель И. А.* Фрейдизм и его академическая оппозиция. К критике психоанализа в медицине, педагогике и рефлексологии. Л., 1926, с. 44.
51. *Фингер Б. А.* К вопросу о построении научной психологии. — В кн.: *Выготский Л. и др.* Основные течения современной психологии, с. 19.

52. Бондаренко П. П., Рабинович М. Х. Научное совещание по вопросам идеологической борьбы с современным фрейдизмом. — «Вопросы философии», №2, 1959, с. 164.
53. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989. Его же. Избранное. М., 1989; его же Психология бессознательного. М., 1989.
54. См. например, Белкин А. И. Зигмунд Фрейд: возрождение в СССР? — В кн.: Фрейд З. Избранное. М., 1989; Ярошевский М. Г. Возвращение Фрейда. «Психологический журнал», № 6, 1988; Лейбин В. М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М., 1990.

*Российский психоаналитический вестник,
1991, № 1, с. 32–55*